

„КЛАДЪ“

Журналъ
политики, общественной жизни, народнаго хозяйства,
науки, литературы
и свѣдѣній изъ практической жизни.

Выходить два раза въ мѣсяць (24 книги въ годъ).

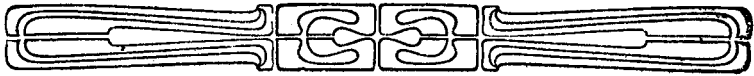
Книга 12-я—1907 г.

Издание А. А. Каспари.

С.-П ТЕРБУРГЪ

Издательство А. А. Каспари, Лиговская ул., соб. д., 114.

Графическое заведение «Родины (А. А. Каспари).
Спб., Лиговская ул., соб. д., № 114.

**ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.
БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ**

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и проч., и проч., и проч.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ.

По повелѣнію и указаніямъ Нашимъ, со времени роспуска государственной думы перваго созыва правительство Наше принимало рядъ послѣдовательныхъ мѣръ къ успокоенію страны и установленію правильнаго теченія дѣлъ государственныхъ.

Созванная Нами вторая государственная дума призвана была содѣйствовать, согласно Державной Волѣ Нашей, успокоенію Россіи: первѣе всего работою законодательною, безъ которой невозможны жизнь государства и усовершенствованіе его строя, затѣмъ рассмотрѣніемъ росписи доходовъ и расходовъ, опредѣляющей правильность государственнаго хозяйства, и, наконецъ, разумнымъ осуществленіемъ права запросовъ правительству, въ цѣляхъ укрѣпленія повсемѣстно правды и справедливости.

Обязанности эти, ввѣренныя Нами выборнымъ отъ населенія, наложили на нихъ тѣмъ самымъ тяжелую отвѣтственность и святой долгъ пользоваться правами своими для разумной работы на благо и утвержденіе Державы Россійской.

Таковы были мысль и воля Наши при дарованіи населенію новыхъ основъ государственной жизни.

Къ прискорбію Нашему, значительная часть состава второй государственной думы не оправдала ожиданій нашихъ. Не съ чистымъ сердцемъ, не съ желаніемъ укрѣпить Россію и улучшить ея строй приступили многія изъ присланныхъ отъ населенія лицъ къ работѣ, а съ явнымъ стремленіемъ увеличить смуту и способствовать разложенію государства.

Дѣятельность этихъ лицъ въ государственной думѣ послужила непреодолимымъ препятствіемъ къ плодотворной работѣ. Въ средѣ самой думы внесены были духъ вражды, помѣшавшій сплотиться достаточному числу членовъ ея, желавшихъ работать на пользу родной земли.

По этой причинѣ выработанныя правительствомъ Нашимъ обширныя мѣропріятія государственная дума или не подвергала вовсе рассмотрѣнію, или замедляла обсужденіемъ, или отвергала, не остановившись, даже предъ отклоненіемъ законовъ, каравшихъ открытое восхваленіе преступленій и сугубо наказывавшихъ сѣятелей смуты въ войскахъ. Уклонившись отъ осужденія убійствъ и насилія, государственная дума не оказала и въ дѣлѣ водворенія порядка нравственнаго содѣйствія правительству, и Россія продолжаетъ переживать позоръ преступнаго лихолѣтія.

Медлительное рассмотрѣніе государственною думою росписи государственной вызвало затрудненіе въ своевременномъ удовлетвореніи многихъ насущныхъ потребностей народныхъ.

Право запросовъ правительству значительная часть думы превратила въ способъ борьбы съ правительствомъ и возбужденія недовѣрія къ нему въ широкихъ слояхъ населенія.

Наконецъ, совершилось дѣяніе, не слыханное въ лѣтописяхъ исторіи. Судебною властью было раскрытъ заговоръ цѣлой части государственной думы противъ государства и Царской Власти. Когда-же правительство Наше потребовало временно, до окончанія суда, устраненія обвиняемыхъ въ преступленіи этомъ пятидесяти пяти членовъ думы и заключенія наиболѣе уличаемыхъ изъ нихъ подъ стражу, то государственная дума не исполнила немедленно законнаго требованія властей, не допуская никакого отлагательства.

Все это понудило насъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату сего 3-го іюня, государственную думу второго созыва распустить, опредѣливъ срокъ созыва новой думы на 1-е ноября сего 1907 года.

Но, вѣря въ любовь къ родинѣ и государственный разумъ народа Нашего, Мы усматриваемъ причину двукратнаго неуспѣха дѣятельности государственной думы въ томъ, что, по новизнѣ дѣла и несовершенству избирательнаго закона, законодательное учрежденіе это пополнилось членами, не явившимися настоящими выразителями нуждъ и желаній народныхъ.

По сему, оставляя въ силѣ всѣ дарованныя Нашимъ Манифестомъ 17-го октября 1905 года и Основными Законами права, воспріяли Мы рѣшеніе измѣнить лишь самый способъ призыва выборныхъ отъ народа въ государственную думу, дабы каждая часть народа имѣла въ ней своихъ избранныхъ.

Созданная для укрѣпленія государства Россійскаго, государственная дума должна быть русскою и по духу.

Ивыя народности, входящія въ составъ Державы Нашей должны имѣть въ государственной думѣ представителей нуждъ своихъ, но не должны и не будутъ являться въ числѣ, дающемъ имъ возможность быть вершителями вопросовъ чисто-русскихъ.

Въ тѣхъ-же окраинахъ государства, гдѣ населеніе не достигло достаточнаго развитія гражданственности, выборы въ государственную думу должны быть временно приостановлены.

Всѣ эти измѣненія въ порядкѣ выборовъ не могутъ быть проведены обычнымъ законодательнымъ путемъ чрезъ ту государственную думу, составъ коей признанъ Нами неудовлетворительнымъ, вслѣдствіе несовершенства самаго способа избранія ея членовъ. Только Власти, даровавшей первый избирательный законъ, исторической Власти Русскаго Царя, довлѣетъ право отмѣнить оный и замѣнить его новымъ.

Отъ Господа Бога вручена Намъ Власть Царская надъ народомъ Нашимъ. Предъ Престоломъ Его Мы дадимъ отвѣтъ за судьбы Державы Россійской.

Въ сознаниіи этомъ черпаемъ Мы твердую рѣшимость довести до конца начатое Нами великое дѣло преобразования Россіи и даруемъ ей новый избирательный законъ, обнародовать который повелѣваемъ правительствующему сенату.

Отъ вѣрныхъ-же подданныхъ Нашихъ Мы ждемъ единодушнаго и бодрата, по указанному Нами пути, служенія родинѣ, сыны которой во все времена являлись твердымъ оплотомъ ея крѣпости, величія и славы.

Данъ въ Петергофѣ въ 3-й день іюня, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ седьмое, Царствованія-же Нашего въ тринадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

Въ Петергофѣ, 3-го іюня 1907 года.

И М Е Н Н О Й В Ы С О Ч А Й Ш И Й У К А З Ъ

правительствующему сенату.

На основаніи статьи 105 свода Основныхъ Государственныхъ Законовъ, изданія 1906 года г., повелѣваемъ: 1) государственную думу распустить, 2) новые выборы членовъ думы произвести начиная съ 1-го сентября, 3) вновь избранную государственную думу созвать 1-го ноября сего 1907 г.

Правительствующій сенатъ не оставить учинить къ исполненію сего надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

Въ Петергофѣ, 3-го іюня 1907 г.

„НИКОЛАЙ“.

Свѣдѣнъ: предсѣдатель совѣта министровъ Столыпинъ.

Не сберегли!

(Иллюстрація момента.)

Думы нѣтъ, дума распущена, дума вторая умерла...

Вновь не увѣнчался желаннымъ успѣхомъ второй созывъ народныхъ представителей.

Не сберегли думы...

Сто три дня просуществовала вторая дума. Первая дума жила семьдесятъ два дня, вторая — сто три, на три дня болѣе, чѣмъ вторая имперія Наполеона перваго. Но въ эти сто три дня народъ привыкъ къ думѣ, массы научились понимать, что такое дума; теперь дума умерла, но идея ея, идея народнаго представительства, зароненная въ народъ, живетъ и будетъ жить. Даже то внѣшнее спокойствіе, съ которымъ встрѣченъ былъ роспускъ второй думы, свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что народныя массы понимаютъ истинный смыслъ происшедшаго: мѣняется форма, сущность остается неизмѣнною.. Въ третью думу придутъ новые люди, но и эти новые люди будутъ дѣлать прежнее дѣло. Отъ ихъ честности, отъ ихъ любви къ страдающей родинѣ, отъ ихъ способностей зависить успѣхъ или провалъ этого дѣла, но само дѣло не остановится, великая идея народнаго представительства будетъ жить, цвѣсти и расцвѣтать.

Только что кончившаяся дума была въ полномъ смыслѣ слова несчастною думою. Да, именно несчастной! Съ перваго момента своего рожденія ей пришлось жить въ атмосферѣ смерти. Чуть-ли не на другой день послѣ открытія думы начались разговоры именно о ея роспускѣ. Эти слухи и планы росли не по днямъ, а по часамъ, иногда—на секунды всего—понижались, но ни на одно мгновение не замирали. Коренной причиной этого было то, что дума съ двухъ сторонъ—на своихъ крыльяхъ, правомъ и лѣвомъ—имѣла своихъ заклятыхъ враговъ, а тѣсно сплоченный, могущій отражать ожесточенныя атаки центръ не смогъ быстро сформироваться. Когда-же онъ началъ формироваться, началъ отражать сыпавшіеся отовсюду на думу удары—дума погибла.

Тѣмъ, кто слышалъ или читалъ безконечныя рѣчи на думскихъ засѣданіяхъ, ужасался вереницамъ ораторовъ, высказывавшихъ желаніе говорить по самымъ незначительнымъ вопросамъ; тѣмъ, кто возмущался скандалами, родившимися справа, кто пожималъ плечами при развонистыхъ, но безпочвенныхъ фразахъ, звучавшихъ слѣва, кто

корилъ думу за то, что она въ сто три дня своего существованія создала только три закона, приходило-ли тѣмъ въ голову, что все это, все это—лишь показное дѣло думы, что истинная ея работа незрима для постороннихъ глазъ, происходитъ въ многочисленныхъ думскихъ комиссіяхъ и, когда явилась-бы возможность этимъ комиссіямъ представить эту работу, картина получилась-бы совершенно иная... Вѣдь, нѣтъ возможности совершить какое-либо дѣло, предварительно не обсудивъ его; такое рѣшеніе всегда было-бы ничтожнымъ, а отъ думы современное общество требовало законопроектвъ-экспромптовъ, воображая, что тѣ разговоры, которые велись цѣлыми днями въ Бѣломъ залѣ Таврическаго дворца, и суть истинное дѣло, къ которому призвана дума.

Думу по платью встрѣтили, но уму ее проводить не удалось...

Но думы, этого нѣжнаго цвѣтка, этого дитяти Россіи, не сберегли, ей дали расхвораться и она умерла...

Партія народной свободы, или, проще говоря, такъ называемые ка-деты, были единственные, которые взяли своимъ девизомъ „берегите думу!“ Ка-деты понимали, что теряетъ Россія съ гибелью думы, и напрягали всѣ свои усилія, чтобы сохранить ее; но удары слѣдовали за ударами и всѣ они завершились тѣмъ, который свалилъ ее.

Кто нанесъ думѣ этотъ ударъ?

Обнаруженъ былъ заговоръ противъ существующаго государственнаго строя, направленный къ испроверженію исторически существующей Верховной Власти и замѣнѣ ея демократической республикой.

Уже то, что это являлось поистинѣ цѣлью стремленія заговорщиковъ, свидѣтельствовало, что всѣ они далеки отъ народа, не понимаютъ ни его стремленія, ни его духовной сущности, ни его міросозерцанія. Можетъ быть, имъ лично нужна была „демократическая республика“ и, стараясь добиться ея, они старались особо. Вѣрнѣе всего, что это такъ, но народъ здѣсь совершенно не при чемъ.

Природа не дѣлаетъ скачковъ, въ природѣ всюду строжайшая постепенность; младенецъ никогда не становится старикомъ, не пройдя предварительно черезъ дѣтство, отрочество, юношество, молодость, зрѣлые годы. Такъ и народъ. Нашъ народъ и о конституціонномъ образѣ правленія не всюду еще имѣетъ хотя-бы отдаленное понятіе, а о такихъ отвлеченностяхъ, какъ демократическая республика, онъ если и слышалъ, то слышалъ такъ-же, какъ о пресловутомъ жуanelъ. Все это ему чуждо, все это—непонятное для него новшество, скачекъ изъ младенчества прямо въ старость. Да и кто это все затѣваль? Церетелли, Джапаридзе, Озолъ, Герусъ, Ломташидзе—инородцы, грузины и латыши, которымъ Россія не дорога и которымъ весьма естественно желать, хотя-бы за счетъ бѣдствій Россіи, добиться благо-

состоянія, и то еще подлежащаго громадному сомнѣнію, своихъ родныхъ угловъ. Затѣмъ Киріенко, Митровъ, Алексинскій — жалкіе недоучки, выгоняемые по нѣскольکو разъ изъ школы, „пасынки жизни“, возмнившіе составить себѣ карьеру сидѣньемъ по тюрьмамъ и острогамъ, якобы „за политику“. Далѣе Анисимовъ, Аникинъ — учителя, школьные учителя! Бисмаркъ сказалъ, что школьный учитель создалъ единую Германію, русскіе школьные учителя хотятъ разрушить Россію. Затѣмъ? Да очень просто! Все это — птицы слишкомъ мелкаго полета, межеумки, нахватавшіеся фразъ изъ кошечныхъ брошюръ и не вѣдающіе, что они творять. Наконецъ, Комарь, Сѣровъ, Лопаткинъ, Вѣлоусовъ — мужики и заводскій рабочій. Этими-то что Гекуба? Среди всей компаніи только одинъ акмолинскій врачъ Виноградовъ заслуживаль-бы вниманія, такъ какъ у него хотя кое-что въ головѣ должно быть, но, вѣдь, одинъ въ полѣ не воинъ. Итакъ, вотъ достойная компанія. О „тридцати девяти“ мелкихъ заговорщикахъ говорить не будемъ. Среди нихъ есть уже такіе, которые и теперь слезно молятъ о „реабилитаци“. И вотъ эти-то господа: инородцы, недоучки, межеумки, „виттевскіе братцы“ и мужичье несосвѣтливое вздумали замѣнить царскую власть въ Россіи демократической республикой!

Что имъ дума, что имъ Россія? Они явились съ тѣмъ, чтобы „проводить“ демократическую республику въ надеждѣ, что тутъ и имъ кусочекъ перепадеть. Если-бы Россія была имъ хотя немного дорога, они не посмѣли-бы сѣять новую смуту, баламутить всякую накипь, поднимать возвращающуюся на дно муть. Они пожалѣли-бы изстрадавшійся народъ; наконецъ, если-бы это были честные люди, то они не обманули-бы довѣрія тѣхъ простодушныхъ, которые выбрали ихъ въ думу, надѣясь, что они будутъ работать надъ общимъ благомъ, а не падъ возрожденіемъ смуты. Они обманули своихъ избирателей. Они обманули Россію и русскій народъ. И наиболѣе мерзкимъ въ дѣйствіяхъ этихъ злыхъ геніевъ Россіи явилось то, что они свое покушеніе на государственный строй намѣревались привести въ исполненіе, пользуясь великой привилегіей, предоставленной народнымъ избранникамъ, — неприкосновенностью депутатовъ. По счастью, это не удалось имъ; правительство разоблачило ихъ подпольныя дѣйствія и потребовало отъ думы выдачи ихъ.

И дѣйствительно, какой-бы хозяинъ потерялъ при себѣ довѣреннаго по дому, который вмѣсто того, чтобы заботиться объ истинныхъ вуждахъ жильцовъ, о благоустройствѣ дома, сталъ-бы закладывать подъ его стѣны мины? Поэтому требованіе правительства о выдачѣ пятидесяти пяти думскихъ социаль-демократовъ, уличаемыхъ въ участіи въ заговорѣ, представляется вполне правильнымъ. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляется непростительною ошибкою ка-детовъ не не-

медленная выдача ихъ. Вѣдь, этихъ господъ требовали не для казни, а для суда. Жена Цезаря должна быть вѣн подозрѣній. Какой судъ въ Россіи — это вопросъ, конечно, другой, но, разъ требуютъ къ суду, какому-бы то ни было, то не явится добровольно къ нему лишь тотъ, кто въ душѣ чувствуетъ себя дѣйствительно преступникомъ, заслуживающимъ кары. И дѣйствительно, когда была распущена дума, то избѣгли ареста путемъ побѣга за границу: В. И. Митровъ, А. К. Алексинскій (не возвращался послѣ лондонскаго съѣзда), И. П. Озолъ, Н. С. Салтыковъ, Н. В. Комаръ и М. Ф. Герусъ, т. е., какъ разъ та самая накипь: недоучки, межеумки, „виттевскіе братцы“, которые, навѣрное, громче всѣхъ кричали о демократической республикѣ. Арестованы: И. Г. Церетелли, И. И. Киріенко, А. И. Джапаридзе, Г. Е. Бѣлоусовъ, В. А. Анисимовъ, П. А. Анкинъ, В. М. Сѣровъ, К. А. Виноградовъ, И. А. Лопаткинъ и В. В. Ломташидзе.

Но то, что сейчасъ сказано, это—вставка. Вернемся къ прежнему. Для думы не должно было быть ни малѣйшаго колебанія: дума, спасая Россію, должна была отдать суду привлекаемыхъ къ нему пятьдесятъ пять думскихъ социаль-демократовъ. Ка-деты не сберегли думы, не давъ немедленнаго отвѣта, дума погибла по ихъ винѣ.

Но дума погибла, дума мертва, однако, не надолго. Какъ сказочный богатырь, она воскреснетъ и воскреснетъ обювленная. Идея народнаго представительства умереть не можетъ, а перемѣны всегда необходимы, въ особенности если онѣ клонятся къ пользѣ дѣла. А новый выборный законъ дать надежды на эту пользу—вѣн всякаго сомнѣнія, онъ затрудняетъ проникновеніе въ думу социалистическихъ элементовъ.

Должно-же, наконецъ, сознаться, что эти господа—одна изъ язвъ только что народившагося русскаго парламентаризма, и именно съ этой стороны они показали себя во второй думѣ.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не признавать, что социаль-демократическая партія существуетъ и даже имѣетъ нѣкоторый успѣхъ въ массахъ. Такъ называемый „пролетаріатъ“, т. е., обезпеченная только личнымъ трудомъ часть населенія, почти вся заражена социаль-демократическими бреднями. Очень можетъ быть, что современнымъ весь этотъ угаръ пройдетъ, но все-таки нужны мѣры, чтобы обезвредить ядовитыя пары.

Хочется думать, что новый избирательный законъ въ этомъ отношеніи явится могущественнымъ средствомъ и будущая дума явится на свѣтъ Божій безъ болѣзненныхъ наростовъ.

Но это только „хочется думать“; будетъ-ли это такъ, покажетъ лишь будущее. Пока-же Россія стоитъ предъ по лнымъ загадокъ новымъ сфинксомъ...

Официальное сообщеніе о пятидесяти пяти соціалъ-демократахъ, членахъ госуд. думы.

5-го мая 1907 г. полиція г. С.-Петербурга получила свѣдѣнія о томъ, что помѣщеніе члена госуд. думы Озола, въ которомъ происходили фракціонныя засѣданія членовъ соціалъ-демократической фракціи думы, посѣщаютъ члены революціонной военной организаціи. Свѣдѣнія эти, подтвержденныя затѣмъ арестами нѣкоторыхъ членовъ указанной революціонной организаціи дали поводъ произвести въ помѣщеніи Озола обыскъ, которымъ были обнаружены многочисленныя документы, указывающіе на то, что 55 членовъ госуд. думы, образовавъ соціалъ-демократическую фракцію думы, составили преступное сообщество для насильственнаго ниспроверженія, посредствомъ народнаго возстанія, установленнаго основными законами образа правленія и для учрежденія демократической республѣки. Для осуществленія указанныхъ цѣлей названное преступное сообщество:

вошло въ непосредственныя сношенія съ тайными преступными сообществами, именующими себя центральнымъ комитетомъ россійской соціалъ-демократической рабочей партіи, петербургскимъ комитетомъ той-же партіи и цѣлымъ рядомъ подчиненныхъ центральному комитету мѣстныхъ тайныхъ комитетовъ;

подчинило свою организацію центральному комитету и, въ свою очередь, въ дѣлѣ подготовленія народнаго возстанія, управляло дѣятельностью тайныхъ комитетовъ, образованныхъ въ различныхъ мѣстностяхъ Имперіи;

разсылало этимъ тайнымъ комитетамъ циркулярныя письма, въ которыхъ давало тайнымъ агитаторамъ порученіе возбуждать народъ противъ правительства, дворянъ, чиновниковъ и помѣщиковъ;

поручало тѣмъ-же тайнымъ и преступнымъ комитетамъ спланивать возбуждаемыхъ ими крестьянъ, рабочихъ и солдатъ въ тайные союзы, кружки и группы и объединять всѣ эти группы между собою съ тѣмъ, чтобы, воспользовавшись недовольствомъ и возбужденіемъ бѣднѣйшихъ классовъ населенія, организовать и вызвать соединенное возстаніе войскъ, крестьянъ и рабочихъ;

обратилось къ крестьянамъ съ призывомъ соединяться въ союзы, вступать въ сношеніе съ рабочими и быть готовыми къ открытой борьбѣ съ законно-существующимъ правительствомъ въ Россіи для

захвата государственной власти и передачи ее народному представительству;

вступило въ непосредственныя сношенія съ тайнымъ преступнымъ сообществомъ, поставившимъ ближайшею задачею своей дѣятельности подготовку возстанія въ войскахъ и именующимъ себя „Военною организаціею россійской соціалъ-демократической рабочей партіи“;

въ лицѣ одного изъ своихъ членовъ, члена гос. думы Геруса, 29-го апрѣля 1907 г. въ г. С.-Петербургѣ руководило тайнымъ собраніемъ одной изъ организацій названнаго преступнаго сообщества;

приняло наказы отъ частей войскъ виленаго и петербургскаго гарнизоновъ и приняло депутацію отъ войскъ петербургскаго гарнизона, которой обѣщало свое содѣйствіе;

служило центромъ, въ которомъ сосредоточивались революціонныя требованія о созывѣ всенароднаго учредительнаго собранія и насильственномъ учрежденіи въ Россіи демократической республики тайно организованныхъ мѣстными комитетами союзовъ и группъ бѣднѣйшихъ классовъ населенія;

служило мѣстомъ средоточія отчетовъ тайныхъ комитетовъ и такимъ образомъ вело учетъ революціонныхъ силъ и средствъ;

вызывало къ себѣ представителей тайныхъ комитетовъ для дачи имъ инструкцій;

командировало своихъ членовъ для произнесенія возбуждающихъ рѣчей на незаконныхъ сборищахъ рабочихъ;

и, наконецъ, имѣло въ своемъ распоряженіи фальшивые паспорта для снабженія ими лицъ, укрывающихся отъ преслѣдованія законныхъ властей.

55 членовъ государственной думы привлечены къ предварительному слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ и, въ силу закона, подлежатъ временному устраненію отъ участія въ собраніяхъ думы, а 16 изъ нихъ, принимавшихъ наиболѣе видное участіе въ дѣятельности преступнаго сообщества, по постановленію слѣдственной власти подлежатъ взятію подъ стражу.

Правительствомъ настоящее дѣло внесено 1-го іюня въ государственную думу для немедленнаго временнаго устраненія 55 членовъ думы и безотлагательнаго удовлетворенія требованія слѣдственной власти о взятіи 16 изъ нихъ подъ стражу.

Въ дополненіе къ этому официальному сообщенію скажемъ еще, что преступное дѣяніе, въ которомъ обвиняются привлекаемые, предусмотрено 1 ч. 102 ст. уголов.

Ст. 102 угол. улож. находится въ главѣ 3, трактующей «о бунтѣ противъ Верховной Власти и о преступныхъ дѣяніяхъ противъ священной Особы Императора и членовъ Императорскаго Дома».

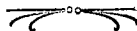
Пунктъ 1, 102 ст. говорить: «Винный въ участіи въ сообществѣ, составившемся для учиненія тяжкаго преступленія, ст. 100 предусмотрѣннаго, наказывается: каторгою на срокъ не не свыше восьми лѣтъ.

«Если такое сообщество имѣло въ своемъ распоряженіи средства для взрыва или складъ оружія, то виновный въ участіи въ семь сообществѣ наказывается срочною каторгою».

Постановленіе слѣдователя о немедленномъ взятіи подъ стражу касается слѣдующихъ 16 депутатовъ.

Церетелли, И. Г., отъ Кутаисской губ., меньшевикъ, 25 лѣтъ. Кпріенко, И. И., Кіев. губ., меньшев., 30 лѣтъ. Джапаридзе, А. И., Тифл. губ., меньшев., 32 г. Митровъ, В. И. (Кубанской области), меньш., 36 л. Алексинскій, Г. А. (г. Петербургъ), больш., 27 л. Озолъ, И. П. (г. Рига), меньш., 29 л. Салтыковъ, С. Н. (Вятской губ.) 34 г., товарищъ секретаря г. думы. Бѣлоусовъ, Г. Е. (Екатериносл. губ.), 31 г. Комаръ, Н. В. (Самарской губ.), 59 л., меньш. Анисимовъ, В. А., Саратов. г., 28 л. Герусъ, Н. Ф., Кубан. обл., больш., 35 л. Ломташидзе, В. Б., Кутаис. г. меньш. 28 лѣтъ. Аникинъ, П. А., Саратов. г. 33 г. Сѣровъ, В. М., Саратов. г., 28 л. Виноградовъ, К. А., Акмолин. обл., 38 лѣтъ. Лалаткинъ, И. А., Саратов. г., 30 л., Кромѣ этихъ 16 депутатовъ, привлекаются по 102 ст. еще 39 членовъ с.-д. фракціи: Баташевъ, В. М., Тамбовск. губ. Бѣлановскій, Д. К. Курск. губ. Вагжановъ, А. П. Тверск. губ. Вахрушевъ, В. А., Вятск. губ. Вовчинскій, М. Н., Кіевской губ. Головановъ, И. Ф., Тургайской обл. Губаревъ, И. А., Москов. губ. Гуменко, И. А., Кіевской губ. Джугели, С. М., Тифлисск. губ., меньш. Жигилевъ, Н. А., Владимір. губ. Зурабовъ, А. Г., Тифлис. губ. меньш. Измайловъ, П. Г., Новгород. губ. Калининъ, А. В., Костром. губ., больш. Канделаки, К. Е., Батум. обл. Кацашвили, Н. А., Тифлисск. губ. Кошнинъ, Н. Я., Семипатат. обл., меньш., г. думы перваго созыва, Косьмодамянскій, И. И., Уральск. обл. Мандельбергъ, Иркутской губ. Маревъ, И. Б., Московск. губ. Махарадзе, Г. Ф., Кутаис. губ., меньш. Мироновъ, И. Е., Закасп. обл. Романовъ, И. Р., Нижегород. губ. Рубанъ, К. А., Самар. губ. Рыбальченко, П. М. Харьк. г. Сахно, В. Г., Кіев. губ. Серебряковъ, И. д., Уфим. губ., Степановъ, Н. С., Пензен. губ., меньш., Нагихъ, И. И., Екатеринослав. губ., Нестеровъ, А. Я., обл. Войска Донск., Петровъ, Е. А., Перм. губ., Петровъ, И. А., С.-Петербур. губ., больш., Приходько, Ф. І. Черниг. г. Перинъ, П. Г. Эстляндской г. Татариновъ, М. С. Симбирск. г. Федоровъ, Г. Г., Кіевской г. Фомичевъ, М. М., Таврич. г. Чашинъ, В. С., Пермской г. Шпагинъ, А. А., Пермской г. Юдинъ, И. К., Енисейской г. Остальные 11 членовъ фракціи оставлены внѣ отвѣтственности, какъ имѣющіе лишь совѣщательный голосъ во фракціи.

Въ с.-д. фракціи арестована почти половина состава, остальнымъ членамъ социаль-демократической фракціи, по словамъ «Нов. Вр.», будутъ вручены повѣстки, съ приглашеніемъ явиться къ судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ.

Свершилось.

Статья В. А. Пинчука:

3-го іюня указомъ Его Императорскаго Величества вторая государственная дума распущена. Этотъ роспускъ совершился не такъ неожиданно, какъ въ предыдущій разъ. Послѣднему предшествовали два чрезвычайно тревожныхъ дня. Эта тревога охватила не одну думу, а всю нашу государственную жизнь, даже болѣе того, мы не боимся преувеличить, сказавъ, что тревогою наполнились 1-го іюня сердца всѣхъ мыслящихъ русскихъ людей, къ какимъ-бы партіямъ они ни принадлежали, разъ извѣстія о происшедшемъ въ думѣ до нихъ достигли.

Не предстоящій роспускъ вызвалъ это состояніе, нѣтъ! Въдь, о немъ говорили съ первыхъ дней существованія нашего второго парламента. Мысль о роспускѣ, если не вызвала въ массахъ сочувствія, то и не наводила на другія, такъ сказать, устрашающія мысли, не влекла за собой вопроса: „Что же будетъ дальше? до какихъ ужасовъ можетъ еще дожить Россія, послѣ всего того, что пережито ею въ послѣдніе три года и переживается теперь въ дни бѣлаго и чернаго террора?“. Но 1-е іюня заставило серьезно подумать именно объ этомъ.

Уже въ два часа этого дня столицу облетѣла вѣсть, что засѣданіе государственной думы въ этотъ день будетъ чрезвычайное и закрытое. Этого потребовалъ предсѣдатель совѣта министровъ, который желалъ сдѣлать нашей палатѣ важное сообщеніе.

Невольно это извѣстіе стало связываться съ опубликованнымъ почти мѣсяцъ тому назадъ правительственнымъ сообщеніемъ о заговорѣ противъ Государя Императора и лицъ Его Августѣйшаго Дома. Правда, тогда многіе говорили, что весь этотъ заговоръ—не что иное, какъ провокація со стороны правительства, но говорили это по внушенію,—конечно, не прямому, а косвенному,—шедшему изъ той-же государственной думы, изъ лѣвой ея части. Наше утвержденіе въ этомъ не голословно. Въ томъ-же засѣданіи, въ которомъ предсѣдатель совѣта министровъ сдѣлалъ сообщеніе о заговорѣ, лѣвыя партіи отнеслись къ нему съ недовѣріемъ, а одинъ изъ крайнихъ де-

путатовъ, иронизируя, привелъ историческую фразу французскаго министра юстиціи Фуше, что у всякаго порядочнаго и умнаго министра по этой части должно въ портфель находиться на всякій случай два-три заговора.

Да, мы не сомнѣваемся, что со стороны депутата, вспомнишаго Фуше, это была только иронія; мы даже допускаемъ, что онъ лично былъ убѣжденъ, что никакого заговора противъ Особы Государя не было, что онъ самое эту мысль искренне считалъ дикой; но оказывается, что, помимо его, люди его-же партіи были далеко не такого мнѣнія...

Печать почти не обратила вниманія на эту „пронию“, считая ее мелочью. Иначе отнеслась къ этому масса, она повѣрила тому, что и у насъ въ портфель министра внутреннихъ дѣлъ „на всякій случай имѣется два-три заговора“, чтобы воспользоваться однимъ изъ нихъ въ удобную для себя минуту.

1-е іюня неожиданно показало, что провокаціи со стороны правительства въ этомъ случаѣ не было.

Несмотря на то, что думское засѣданіе было закрытымъ, въ широкихъ кругахъ столицы уже въ четыре часа дня было извѣстно, что правительство, на основаніи чрезвычайно вѣскихъ данныхъ, потребовало отъ думы преданія суду 55 ея членовъ, изъ которыхъ 16 подлежатъ немедленному аресту, и что въ случаѣ неисполненія этого требованія ей грозитъ роспускъ.

Не зная еще сущности предъявленнаго депутатамъ обвиненія, всѣ люди здраваго смысла понимали, что правительство, не имѣя въ рукахъ фактовъ, достаточно обоснованныхъ, не могло-бы рѣшиться на такой шагъ, чтобы обвинить 10 процентовъ членовъ парламента въ государственномъ преступленіи, т. е., обвинить народныхъ представителей, публично давшихъ обѣщаніе, скрѣпленное ихъ подписью, работать на пользу государства, а не противъ него.

А, между тѣмъ, оказалось, что почти вся думская социаль-демократическая партія въ 55 человекъ задалась цѣлью черезъ государственную думу ниспровергнуть существующій государственный строй, поднять населеніе къ открытому бунту и на мѣсто конституціонной монархіи создать демократическую республику, и все это подкрѣплено массой документовъ и другихъ данныхъ, указывающихъ на различныя детали преступной дѣятельности социаль-демократической фракціи.

Обвиняемые депутаты, оказывается, въ думѣ и не возражали противъ обвиненія; лишь одинъ депутатъ Коншинъ заявилъ, что онъ давно оставилъ с.-д. фракцію и что обвиненіе предъявлено къ нему неправильно.

Когда-же зашла рѣчь о передачѣ правительственнаго сообщенія въ особую комиссію съ тѣмъ, чтобы она дала отвѣтъ о степени виновности обвиняемыхъ депутатовъ въ теченіе двадцати четырехъ часовъ, то въ числѣ возражавшихъ противъ комиссіи депутатовъ правыхъ партій былъ и одинъ изъ лидеровъ социаль-демократической партіи депутатъ Церетелли. Онъ заявилъ, что обвиненіе „правдиво отъ слова до слова“.

Послѣ этого заявленія, противъ котораго ничего не имѣли товарищи заявившаго, сами обвиняемые, казалось-бы, въ комиссіи, дѣйствительно, нѣтъ никакой надобности и оставалось пустить лишь на закрытое голосованіе вопросъ объ исключеніи изъ думы обвиняемыхъ ея членовъ, но прежде всего „по парламентскому обычаю“ необходимо было поставить на баллотировку предложеніе о комиссіи. Вопросъ о ней рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, а срокъ ея работы назначенъ 2-го іюня въ 7 ч. вечера.

Общій голосъ говоритъ, что виновато въ такой постановкѣ вопроса польское коло, не пожелавшее присоединиться къ кадетамъ, которые будто-бы готовы были пожертвовать хотя - бы даже и всей социаль-демократической фракціей, о чемъ была, какъ говорятъ, рѣчь во время перерыва, когда происходили частныя совѣщанія думскихъ фракцій.

Польское коло не пожелало быть „предателемъ“ и заявило, что оно ни въ какомъ случаѣ не станетъ вотировать за исключеніе изъ думы обвиняемыхъ депутатовъ.

Если правда, что рѣшеніе польскаго кола повліяло на то, что партія народной свободы не внесла предложенія объ исключеніи обвиняемыхъ 1-го-же іюня, то польское коло явилось предателемъ не отдѣльныхъ лицъ, а всей государственной думы, которая могла-бы работать, по всей вѣроятности, и до конца своей сессіи; мало этого, польское коло повело и къ тому, что Верховная власть вынуждена была 3-го іюня объявить манифестъ, въ которомъ говорится объ измѣненіи избирательныхъ правъ російскаго гражданина. Наконецъ, польское коло не предвидѣло и того, что вслѣдъ за этимъ и число самихъ депутатовъ отъ Царства Польскаго будетъ сокращено. Отказываясь отъ мнимаго предательства, коло совершило дѣйствительное предательство.

Что исключеніе части депутатовъ изъ думы въ данномъ случаѣ являлось-бы мнимымъ предательствомъ, должно было быть яснымъ для каждаго. Ни въ какомъ конституціонно - монархическомъ и даже республиканскомъ государствѣ не можетъ быть терпимо посягательство на насильственное сверженіе чле-

нами парламента монарха или президента республики. Какъ можетъ монархъ терпѣть такой парламентъ, созданный притомъ имъ-же самимъ, разъ въ немъ находятся люди, злоумышляющіе противъ него? неминуюемо при нежеланіи парламента выдать злоумышляющихъ, онъ распустилъ попустителей. Притомъ предсѣдатель совѣта министровъ предъ сообщеніемъ заявилъ, что въ случаѣ отказа думы въ немедленномъ удовлетвореніи требованій правительства, она будетъ распущена. Въ дѣйствительности это значило: „если вы исключите перечисленныхъ въ обвиненіи депутатовъ, мы ихъ предадимъ суду, а 16 изъ нихъ заключимъ подъ стражу; если вы не исключите ихъ, то Верховная власть ихъ распуститъ, но и въ этомъ случаѣ мы поступимъ, какъ и въ первомъ“.

При такой постановкѣ вопроса никакой рѣчи о предательствѣ со стороны думы не могло быть.

Избранная думой комиссія, хотя и работала цѣлыя сутки и ознакомилась детально не только съ самимъ правительственнымъ сообщеніемъ, которое въ сущности есть не что иное, какъ обвинительный актъ, но и съ подлинными документами, представленными прокуроромъ г. Камышанскимъ, однако, ни къ какому выводу не пришла и попросила отсрочки до понедѣльника. Дума дала отсрочку, но правительство, видимо, сочло ее за попустительство, за маневръ, который можетъ дать возможность главнымъ виновникамъ уклониться отъ суда. Въ результатѣ роспускъ думы, едва наступило 3-е іюня.

Снова погибла громадная работа массы думскихъ комиссій; снова приостановлена законодательная дѣятельность въ государствѣ; снова мы стоимъ на распутьѣ. Уже назначенъ срокъ новыхъ выборовъ и объявленъ новый выборный законъ, причемъ въ Своемъ манифестѣ Монархъ объявляетъ, что Онъ вынужденъ нарушить основные законы въ той части, въ которой они касаются избирательнаго права, но въ то-же время оставляетъ манифестъ 17-го октября неизгладимымъ.

Последнее обѣщаніе является для насъ цѣлительнымъ бальзамомъ при ранѣ, нанесенной странѣ партіей социаль-демократовъ. Русскіе социаль-демократы своими дѣйствіями дѣйствительно показали, что для нихъ страданія родины—звукъ пустой, что имъ важно во что-бы то ни стало торжество ихъ партійной идеи, что у нихъ нѣтъ искренней любви къ народу, что они чужды какого-бы то ни было патріотизма, что они лишены національной гордости. Никогда германская социаль-демократія не рѣшится губить народныя права ради утопической идеи, никогда та-же партія не станетъ развращать свою армію

и ни за что не рѣшится она дѣйствовать такъ, чтобы лишить рейхстагъ въ разгаръ его законодательной дѣятельности возможности работать. Наши социаль-демократы ничему не научились у своихъ учителей, постепенно добивавшихся права заседать въ парламентъ и мирнымъ законнымъ путемъ проводившихъ и проводящихъ свои идеи и никогда не поступавшихся своимъ національнымъ чувствомъ. У нѣмецкаго социаль-демократа родина на первомъ планѣ, ея честь, ея процвѣтаніе всегда ему дороже собственныхъ партійныхъ идей; онъ гордится своей исторіей, своей народностью; нашъ презираетъ русскую исторію, чуждается всего родного и не хочетъ вовсе знать того, чѣмъ живъ и живетъ нашъ народъ.

Мы увѣрены, что социаль-демократія русская, выродившаяся въ анархизмъ бессистемный, дикій, на этотъ разъ потерпѣть самое страшное пораженіе. Уже и теперь крестьяне-депутаты государственной думы враждебно настроены противъ социалистовъ. 1-го и 2-го іюня это проявилось въ достаточной мѣрѣ въ самыхъ стѣнахъ Таврическаго дворца; объ этомъ говорятъ люди всѣхъ партій, говорятъ и депутаты „молчальники“.

✓ Тѣ-же крестьяне-депутаты, возвратясь на мѣста, скажутъ, изъ-за чего распущена дума и кто виновникъ роспуска: злоумышленники, посягавшіе на Царскую власть, фабриканты фальшивыхъ паспортовъ, говорившіе въ думѣ одно, а внѣ ея дѣлавшіе другое. Чего не проститъ народъ социаль-демократамъ—это фальши. И въ этомъ ихъ гибель.

Газеты говорятъ, что роспускъ думы встрѣченъ столичнымъ населеніемъ спокойно. Это нельзя сказать. Населеніе два дня до манифеста пережило самые тревожные дни. Оно не хотѣло роспуска. Можно съ увѣренностью сказать, что большинство желало, чтобы дума уцѣлѣла, т. е., другими словами, оно въ своемъ большинствѣ стояло за исключеніе изъ думы обвиняемыхъ.

При обсужденіи факта роспуска второй думы является самъ собою вопросъ о томъ, какую роль сыгралъ въ немъ центръ, въ сущности руководившій думой. Говорить объ этомъ болѣе или менѣе опредѣленно въ настоящее время еще затруднительно; рѣшающая роль центра осталась невыясненной, такъ какъ думская комиссія, избранная для разсмотрѣнія обвиненія 55 депутатовъ-социалистовъ не успѣла вынести свое рѣшеніе и дума не имѣла возможности обсудить его. Но въ обществѣ на главную партію центра—кадетовъ въ этомъ вопросѣ слышно не мало нареканій.

Безспорнымъ признается, что ка-деты во второй думѣ были покладливѣе, что имъ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ партіямъ, дума была дорога; но они не обладали достаточнымъ мужествомъ и стойкостью, къ тому-же во всѣхъ своихъ нынѣшнихъ дѣйствіяхъ они были слишкомъ медлительны и мало рѣшительны. Ихъ медлительность нерѣдко отдавала трусостью предъ крайними лѣвыми. Такъ было сначала до конца, особенно въ концѣ. Вѣдь, въ комиссію по дѣлу о 55 депутатахъ они попали въ большинствѣ: ихъ было 9 противъ 6. Они избрали образъ дѣйствій Куропаткина и проиграли поле битвы. Неужели субботнее засѣданіе они не могли затянуть до полуночи и вмѣсто того, чтобы обѣщать вынести рѣшеніе комиссіи въ понедѣльникъ, представить его къ 12 часамъ ночи? Говорять, у нихъ намѣчено было къ исключенію 7 депутатовъ. Тогда въ чемъ-же дѣло? Отчего-же объ этихъ семерыхъ они не дали отвѣта? Мы увѣрены, что большинство ихъ поддержало бы. Остальные обвиняемые, навѣрное, сами сложили-бы свои полномочія: у нихъ другого выхода не было.

Но, что было, того не вернуть. Теперь остается разобраться въ новомъ избирательномъ законѣ и начинать новое дѣло для успокоенія всей страны, изстрадавшейся, изболѣвшей до послѣднихъ предѣловъ. Богъ дастъ, она перенесетъ новую выпавшую на ея долю тревогу и возродится вновь, какъ послѣ засухи, освѣженной грозой, возрождается все живущее и растущее.

Потухнувшій маякъ.

Ревѣла буря. На скалѣ
Горѣлъ маякъ, кругомъ сія,
Кругомъ въ кромѣшной полумглѣ
Свой свѣтъ отрадный проливая.
Вдругъ дикій шквалъ—погасъ маякъ,
И ночь надвинуться готова;
Но рано торжествуетъ мракъ,
Вѣдь, скоро пламя вспыхнетъ снова
И снова благодатный ствѣтъ,
Борясь съ надвинувшейся мглою,
Улыбку, радость и привѣтъ
Пролетѣть надъ бѣдною землею.

Ал. Лавскій.

Въ государственной думѣ.

Роспускъ государственной думы—событіе, поглотившее въ себя всѣ остальные интересы. Въ этомъ выпускѣ „Клада“ должны были появиться отчеты о думскихъ засѣданіяхъ 22, 24, 26, 28 и 29 мая, среди которыхъ чрезвычайную важность представляли засѣданія, когда рассматривался вопросъ объ амнистии и мѣстномъ судѣ. Отчеты объ этихъ засѣданіяхъ были набраны, но въ настоящій выпускъ войти не могли и будутъ помѣщены въ слѣдующемъ выпускѣ „Клада“, здѣсь-же мы помѣщаемъ отчеты о двухъ послѣднихъ засѣданіяхъ думы, предшествовавшихъ ея роковому концу.

Засѣданіе 1-го іюня 1907 г.

Совѣмъ не ожидала дума, что въ сто второй день своего существованія она встрѣтится съ сюрпризомъ, почти небывалымъ въ дѣтописяхъ парламентаризма всѣхъ странъ, гдѣ онъ существуетъ. Спокойно собирались депутаты въ Таврической дворецъ 1-го іюня на засѣданіе, которое должно было начаться въ 2 часа дня. Пришедшіе раньше двухъ спокойно разгуливали по кулуарамъ, но въ 1 ч. 35 м. пополудни вдругъ прошелъ слухъ, что Ф. А. Головинъ получилъ письмо отъ предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина, въ которомъ послѣдній проситъ г. Головина объявить засѣданіе думы закрытымъ.

Въ первую минуту всѣ депутаты недоумѣвали, о чемъ будетъ докладывать П. А. Столыпинъ? Начались всевозможныя догадки. Одни говорили: будетъ объявленъ роспускъ и т. д. Но большинство этому не вѣрило, не видя пока даже повода къ такому образу дѣйствія со стороны правительства. Впрочемъ, очень скоро депутатовъ извѣстили, что темой засѣданія избранъ вопросъ о привлеченіи къ судебной отвѣтственности 55 депутатовъ, принадлежащихъ къ фракціи с.-д., изъ которыхъ къ 16 депутатамъ предлагается примѣнить, какъ мѣру пресѣченія, арестъ, остальныхъ-же 39 изъ 55 устранить временно изъ думы, какъ привлеченныхъ къ суду.

Но вотъ раздался призывный на засѣданіе звонокъ предсѣдателя. Порывисто устремились депутаты въ залъ. Нѣкоторые находу застегивали пиджаки, другіе нервнымъ движеніемъ руки приглаживали волосы.

Засѣданіе, дѣйствительно, было объявлено закрытымъ. Бывшіе въ кулуарахъ нѣкоторые корреспонденты все-же узнавали, что происходитъ въ залѣ отъ выходявшихъ изъ зала депутатовъ.

— Дѣйствительно, — говорили выходяшіе, — требуютъ выдачи 55 депутатовъ с.-д. Правительство захотѣло остаться на почвѣ закона и не примѣнило силы къ обвиняемымъ, а предлагаетъ думѣ дать согласіе на извѣтіе и арестъ обвиняемыхъ въ видѣ мѣры пресѣченія.

„Н. Вр.“, единственная изъ петербургскихъ газетъ, дало довольно подробный отчетъ о засѣданіи 1-го іюня. По словамъ газеты, по открытіи засѣданія предсѣдатель совѣта министровъ П. А. Столыпинъ сказалъ слѣдующее:

„Имѣя въ виду, что въ настоящее время въ связи съ обыскомъ въ квартирѣ члена государственной думы Озола предварительнымъ слѣдствіемъ выяснены главнѣйшія данныя по дѣлу объ организаціи преступнаго сообщества, въ составъ которой вошли нѣкоторые члены государственной думы, и представляется необходимымъ немедленное принятіе мѣръ къ обезпеченію правильного хода правосудія, я прошу государственную думу выслушать представителя судебного вѣдомства, прокурора с.-петербургской судебной палаты, который ознакомитъ государственную думу съ постановленіемъ судебного слѣдователя о привлеченіи нѣсколькихъ изъ ея членовъ въ качествѣ обвиняемыхъ. Дальнѣйшія поясненія, по прочтеніи этого акта, можетъ дать государственной думѣ присутствующій въ засѣданіи г. министръ юстиціи. Обязываюсь присовокупить, что всякое промедленіе со стороны государственной думы въ разрѣшеніи предъявленныхъ къ ней, на основаніи парагр. 16 и 21, требованій или удовлетвореніе ихъ не въ полной мѣрѣ поставило-бы правительство въ невозможность дальнѣйшаго обезпеченія спокойствія и порядка въ государствѣ“.

Всѣмъ депутатамъ было роздано постановленіе судебной власти о социаль-демократической фракціи. Читаль его въ думѣ по порученію предсѣдателя совѣта министровъ прокуроръ судебной палаты Камышанскій.

Сущность этого постановленія помѣщена въ официальномъ сообщеніи о 55 социаль-демократахъ, членахъ государственной думы, напечатанномъ въ этой-же книгѣ „Клада“.

Чтеніе подробнаго постановленія длилось, по словамъ „Нов. Времени“, болѣе часа. Это дало возможность кое-кому ориентироваться, такъ что послѣдовавшее вслѣдъ за окончаніемъ чтенія заявленіе предсѣдателя государственной думы не было со-

всѣмъ неожиданнымъ. Оно состояло въ томъ, что, согласно думскому наказу, вопросъ, внесенный правительствомъ, какъ не стоящій на повѣсткѣ сегодняшняго дня, обсуждаться по существу не можетъ, а могутъ быть допущены пренія только о направленіи.

Одинъ изъ упоминаемыхъ въ постановленіи депутатовъ с.-д. Коншинъ попросилъ слова по личному дѣлу. Онъ, по его словамъ, давно оставилъ с.-д. фракцію и обвиненіе направлено къ нему неправильно.

Группа депутатовъ немедленно подала заявленіе о перерывѣ. Противъ него высказался деп. Крупенскій. „Дѣло ясно и не нужно никакого перерыва“,— категорически заявилъ онъ. Но подавляющее большинство встало за перерывъ. Онъ длился гораздо болѣе назначеннаго часа. Отдѣльныя фракціи разошлись по комнатамъ и здѣсь стали выяснять каждая свое отношеніе. Оно не представляло затрудненія для большинства фракцій. Всѣхъ интересовало только рѣшеніе ка-детовъ и польскаго кола. Последнее рѣшило не выдавать властямъ депутатовъ. Представители ка-детской фракціи успѣли выикнуть, судя по разговорамъ, въ сущность всего дѣла. Они рассмотрѣли его и съ юридической, и съ этической точекъ зрѣнія. Какъ обвинительный актъ, они находили постановленіе слѣдственныхъ властей мало обоснованнымъ. Оно направлено противъ цѣлой группы лицъ, причемъ степень виновности каждаго изъ этой группы не установлена. Но ка-деты или, по крайней мѣрѣ, ихъ юристы находили, что въ постановленіи есть и такіе обвинительные пункты, что, несмотря на ихъ большое желаніе не входить въ обсужденіе уликъ обвиненія, имъ придется все-таки говорить о нихъ и разбирать ихъ. Во всякомъ случаѣ рѣшать дѣло немедленно подъ угрозой разгона государственной думы они не желаютъ. Рѣшеніе ихъ одно: избрать немедленно комиссію и передать ей на обсужденіе и для дачи заключенія постановленіе.

Во время перерыва засѣданія было фракціонное обсужденіе, которое не давало возможности предвидѣть результаты. Иные склонялись къ тому, чтобы исполнить требованія правительства, другіе колебались, но ихъ было меньшинство. Польское коло, которое принципиально отказывалось отъ выдачи 16 главныхъ заговорщиковъ, сдѣлало рѣшеніе большинства сомнительнымъ.

Ка-деты одно время настаивали на тайномъ голосованіи, по-видимому, не желая, чтобы крайнія лѣвыя партіи знали, кто изъ ка-детовъ голосовалъ за отдачу подъ судъ. Но затѣмъ ихъ

взяло сомнѣніе относительно крайнихъ партій, которыя при такомъ голосованіи могутъ, думали они, голосовать вмѣстѣ съ социаль-революціонерами.

Можно отмѣтить, какъ курьезъ кулуарныхъ разговоровъ, что особенно шумно во всѣхъ группахъ обсуждалось и вызывало общее удивленіе то обстоятельство, что обвинительный актъ былъ напечатанъ въ количествѣ 600 экз. и, несмотря на такое количество, съ соблюденіемъ полной тайны, такъ что до послѣдней минуты никому не было извѣстно о его существованіи и нельзя было предварительно приобрести ни одного экземпляра.

Первымъ говорилъ депутатъ Пуришкевичъ, сказавшій слѣдующее:

„Намъ вручены документы чрезвычайной важности, показывающіе, что въ стѣнахъ думы присутствуютъ лица, обвиняемыя въ желаніи ниспровергнуть существующій строй и подкопаться подъ особу Монарха. Постановленіе слѣдователя ясно, отчетливо и прямо. Если мы дѣйствительно—законодательное учрежденіе, стремящееся ко благу Россіи, какъ-бы мы ни смотрѣли на существо самаго блага, мы должны дать странѣ прямой отвѣтъ. Во имя чести народнаго представительства, мы должны отвѣтить, соучастники-ли мы тѣхъ, кто обвиняется въ столь ужасномъ преступленіи, или же мы дѣйствительно законодатели“.

Далѣе говорилъ Ф. И. Родичевъ. Его рѣчь была нервная, онъ говорилъ возбужденно. Повидимому,—сказалъ онъ,—есть по отношенію ко многимъ очень вѣскія, неопровержимыя улики. Но, вѣдь, судятся не нѣсколько отдѣльныхъ лицъ, судится цѣлая партія. Тутъ говорили, что въ исторіи не было такого примѣра. Примѣръ былъ: судили жирондистовъ, въ 1793 г., которые были отданы подъ судъ всѣ цѣликомъ и казнены. (Крики съ правой стороны: „Соціалисты—не жирондисты!“.) Родичевъ продолжалъ съ прежнимъ подъемомъ говорить, что неизвѣстно, что будетъ: будемъ-ли мы завтра живы, но во всякомъ случаѣ достоинство думы требуетъ, чтобы вопросъ обсуждался спокойно. Но для этого не даютъ времени. А нужно обсудить. „Въ эту минуту,—заявилъ онъ,—мнѣ приходитъ на память римская поговорка: „Кто дорожитъ смысломъ жизни, тотъ не долженъ дорожить жизнью“.

Г. Родичеву отвѣчалъ профессоръ Сазоновичъ (правый):

„Я расхожусь въ пониманіи момента съ Родичевымъ. Я понимаю, что происходитъ чрезвычайное событіе, но у насъ различныя представленія о томъ моментѣ, который мы пережива-

емъ. Что моментъ громадной важности—видно изъ того, что Родичевъ ссылался на аналогичные факты изъ времени французской революціи и упомянулъ 1793 годъ, когда палата требовала изгнанія жирондистовъ. Я заявляю, что Родичевъ допускаетъ принципиальную ошибку. Мы переживаемъ событія, которыя буквально совпадаютъ съ тѣмъ, что Франція переживала въ 1780 году, когда разыгралась кровавая драма коммуны. Мы теперь переживаемъ не политическую, а социальную революцію, которая угрожала Франціи, когда палата депутатовъ, какъ одинъ человекъ, вотировала примѣненіе самыхъ энергичныхъ мѣръ для подавленія социальнаго движенія, угрожавшаго подорвать самое государство; палата вотировала примѣненіе военно-полевыхъ судовъ, которые приведены были въ дѣйствіе въ 22 отдѣленіяхъ и которымъ были преданы 48.600 человекъ. И народъ одобрилъ этотъ судъ. (Крики: „Какой-же вы народъ“.) Я—именно народъ. Я мужикъ, у меня 30 десятинъ земли. Я—крестьянинъ и профессоръ, мой крестьянскій умъ прошелъ чрезъ горнило знаній, котораго я добился съ большимъ трудомъ. И вотъ мой народный умъ, освѣщенный знаніемъ, требуетъ торжества законности. Тѣ, кто дорожатъ идеей народнаго представительства, должны стать на точку зрѣнія государственнаго разума и выдать покушавшихся на разрушеніе государственнаго и общественнаго строя и на существованіе династій“.

Депутатъ Шидловскій отъ имени группы безпартийныхъ, защищая идею народнаго представительства и какъ-бы продолжая рѣчь деп. Сазоновича, высказался, что группа не желаетъ оттягивать разрѣшеніе дѣла по существу даже на одинъ день и не находитъ возможнымъ передавать дѣло въ комиссію. Въ опроверженіе доводовъ г. Кузьмина-Караваева онъ заявилъ, что не комиссія, а судъ можетъ сказать, кто виноватъ и кто не виноватъ. Деп. Демьянову онъ возразилъ, что отдѣльные судьи могутъ быть несправедливыми и пристрастными, судъ-же такимъ быть не можетъ и что во всякомъ случаѣ прикрываться пристрастностью суда и ставить члена г. думы въ исключительное положеніе народные представители не имѣютъ нравственнаго права. Затѣмъ онъ во имя достоинства высокаго собранія и защиты идеи народнаго представительства обратился съ призывомъ къ ка-детамъ не наносить жестокаго удара идеѣ конституціонализма, предваряя, что, если это случится, вся отвѣтственность падетъ на партію народной свободы, причемъ закончилъ: „Итакъ, завтра долженъ быть данъ ясный, опредѣленный, недвусмысленный и положительный отвѣтъ на требованіе судебной власти!“

Мих. Стаховичъ сказалъ, что обвиненіе формулировано такъ ясно, такъ исчерпываетъ дѣло, что для достоинства г. думы остается единственно согласиться на преданіе суду.

Говорили еще много, причѣмъ раздавались мнѣнія, что нельзя подвергать аресту никого, пока не произведенъ допросъ и не выяснены признаки виновности каждаго изъ привлекаемыхъ въ отдѣльности.

Далѣе, по сообщ. „Нов. Вр.“, выдающимся моментомъ за сѣданія была рѣчь депутата Церетелли (с.-д., одинъ изъ обвиняемыхъ, къ которому предложено примѣнить арестъ въ видѣ мѣры пресѣченія). Взойдя на кафедру, депутатъ заявилъ, что въ комиссію передавать дѣло не стоитъ, потому что обвиненіе, которое предъявлено, правдиво отъ слова до слова. Дѣйствительно, социаль-демократическая фракція искала общенія съ народомъ, всѣми мѣрами его достигала и этимъ гордится.

Вотъ выдержки изъ рѣчи Церетелли: „Вопросъ о депутатахъ не формальнаго свойства,—началь онъ,—и не можетъ быть разрѣшенъ ссылкой на параграфы закона. Рѣчь идетъ о судьбахъ народнаго представительства. Здѣсь говорятъ, что внѣ народнаго представительства нѣтъ спасенія; но мы говоримъ, что внѣ связи съ народной массой, внѣ ея организаци, внѣ политическаго ея воспитанія для борьбы съ врагомъ народа,—нѣтъ народнаго представительства. И мы, которыхъ обвиняютъ именно въ этой работѣ политическаго воспитанія массъ, заявляемъ, что это обвиненіе наполняетъ гордостью наши сердца и является показателемъ того, что мы честно выполнили возложенную на насъ обязанность. Примѣры того положенія, въ которомъ стоитъ г. дума, въ исторіи были, но не тѣ примѣры, на которые ссылались предыдущіе ораторы. (Рѣчь идетъ о деп. Сазоновичѣ, сказавшемъ, что въ настоящій моментъ дума должна поступить по примѣру французскаго парламента, изгнавшаго жирондистовъ.) Франція переживала такой-же примѣръ, когда Наполеонъ, опираясь на штыки, разогналъ парламентъ, и если мы не видимъ здѣсь штыковъ, то только потому, что они стоятъ за этой оградой и ждутъ мановенія власти, чтобы совершить ту работу, которую сдѣлали французскіе солдаты по приказу Наполеона, и если-бы дума дрогнула предъ этой угрозой, отказавшись отъ правъ, то вы, быть можетъ, сохраните народное представительство отъ посягательства правительства на народное представительство, но тогда предъ вами станетъ вопросъ: сохраните-ли вы такое народное представительство отъ взрыва народнаго гнѣва въ тотъ неизбѣжный моментъ,

когда народъ сокрушитъ правительственную власть и поставитъ предъ вами эту альтернативу“.

На эту рѣчь деп. Пуришкевичъ заявилъ, что деп. Церетелли съ благородною смѣлостью открыто заявилъ о дѣйствіяхъ своей партіи и поэтому нѣтъ надобности передавать дѣло на обсужденіе комиссіи. „Мирнымъ путемъ нельзя разрѣшить происходящій споръ и передавать вопросъ въ комиссію нѣтъ никакого смысла. Намъ представлены документы, съ которыми приходится считаться. Наша комиссія не въ состояніи произвести слѣдствіе. Допросъ обвиняемыхъ также не поможетъ дѣлу: они уже сами подтвердили представленные документы. Церетелли открыто заявилъ, что они создали связь между народомъ и революціей и стремились къ организаціи народныхъ массъ для созданія пролетарской республики...“ Для сохраненія конституціи, для сохраненія представительнаго образа правленія, для сохраненія достоинства думы необходимо дать суду возможность функционировать. „Что вы, господа, можете добавить къ этому?—продолжалъ г. Пуришкевичъ.—Соціалъ-демократы сознались, что преступленіе, въ которомъ ихъ обвиняють, было ихъ прямой задачей. Я нахожу, что мѣсто такихъ лицъ не въ госуд думѣ, а въ тюрьмѣ, а можетъ быть, и на висѣлицѣ“.

Послѣ этой рѣчи поднялся невѣроятный шумъ. Криками лѣвые заглушали оратора, а въ концѣ предсѣдатель сдѣлалъ ему замѣчаніе, сказавъ, что „обвиняемый не есть еще преступникъ“...

Изъ центра со словомъ укоризны по адресу соц.-демократовъ рѣшился выступить только г. Кузьминъ-Караваевъ, который находилъ, что факты достаточно ясны въ отношеніи 16 обвиняемыхъ и требуютъ дополнительныхъ свѣдѣній относительно другихъ 39. „Всемирно порицая дѣятельность обвиняемыхъ членовъ думы, вносящихъ политическій развратъ въ армію, я не могу согласиться съ Пуришкевичемъ, который говоритъ, что споръ между правыми и лѣвыми долженъ быть разрѣшенъ силою штыковъ и пулеметовъ, а не мирнымъ путемъ“,—заявилъ г. Кузьминъ-Караваевъ, но въ дальнѣйшемъ высказался также за комиссію.

Съ чисто ка-детской изворотливостью говорилъ г. Кизеветтеръ. По его мнѣнію, слѣдственное производство шито бѣлыми нитками и лично для него вопросъ совершенно ясенъ (у него созрѣло отрицательное рѣшеніе къ предложенію правительства). Вопросъ слѣдуетъ передать въ комиссію, которая, конечно, внесетъ свое отрицательное рѣшеніе.

Г. Кузьминъ-Караваевъ замѣтилъ г. Кезеветтеру, что не слѣдуетъ предрѣшать то, что сдѣлаетъ комиссія.

Въ семь часовъ вечера по предложенію Стаховича г. дума постановила дать перерывъ на два часа и дослушать ораторовъ вечеромъ. Въ началѣ десятаго часа вечера засѣданіе возобновилось.

Записались на вечернее засѣданіе 41 ораторъ. Время преній не было ограничено.

Между прочимъ, было замѣчено, что, какъ только премьеръ началъ чтеніе своего заявленія, деп. Озолъ и нѣсколько его единомышленниковъ немедленно покинули залъ засѣданія и самое зданіе г. думы.

Голосованіемъ было рѣшено передать дѣло въ комиссію. Срокъ работы назначенъ 2-го іюня въ 7 ч. вечера.

Не болѣе какъ черезъ часъ рѣчи прекратились, одинъ изъ другимъ депутаты стали отказываться отъ предоставленнаго имъ слова. Отъ ка-детской партіи была предложена резолюція о передачѣ дѣла въ особую комиссію изъ 22, которая должна дать заключеніе черезъ 24 часа. Судя по предыдущимъ рѣчамъ ораторовъ изъ крайнихъ лѣвыхъ, по мнѣнію „Нов. Вр.“, слѣдовало ожидать, что при баллотировкѣ за эту резолюцію выскажется вся оппозиція, но вышло иначе. Представитель с.-р. еще до внесенія резолюціи, говоря объ отношеніи партіи къ вопросу объ устраненіи депутатовъ, между прочимъ, заявилъ, что с.-р. на этотъ разъ постараются объединить оппозицію и поэтому присоединиться къ ка-детамъ за выборъ комиссіи. Теперь-же, послѣ внесенія резолюціи, с.-р. и с.-д. не понравились прибавка ка-детовъ о томъ, чтобы комиссія вынесла заключеніе черезъ 24 часа. Представитель крайней лѣвой деп. Ширскій внесъ поэтому поправку въ томъ смыслѣ, чтобы послѣ избранія комиссіи послѣдняя вынесла заключеніе черезъ 2 часа и чтобы затѣмъ дума могла сегодня-же (1-го іюня) открыть пренія по существу. Эту поправку ка-деты и правые отвергли большинствомъ голосовъ. Въ отместку за это, когда баллотировалось предложеніе к.-д. противъ передачи въ комиссію, встали вся крайняя правая до октябристовъ и безпартійныхъ и лѣвая съ с.-р. и с.-д. Но большинство оказалось за центромъ. Въ 11 ч. ночи до выборовъ самой комиссіи былъ объявленъ перерывъ.

Результатъ выборовъ въ комиссію слѣдующій. Въ нее вошли члены госуд. думы: Деларовъ, Демьяновъ, Ширскій, Кузьминъ-Караваевъ, Ханъ-Хойскій, Струве, Кутлеръ, Караваевъ, Березинъ, Пергаментъ, Тесленко, Маклаковъ, І. Гессель, Бу-

латъ, Аракапцевъ, Петровскій, Кизеветтеръ, Парчевскій, Коницъ и Тигранянъ. Большинство этихъ лицъ—юристы, по принадлежности къ партіямъ всѣ они (кромѣ г. Кузьмина-Караваева)—кадеты и лѣвые.

„Рѣчь“ отмѣтила характерную особенность поведенія правыхъ, замѣчавшуюся при произнесеніи рѣчей въ засѣданіи лѣвыми. Правые совсѣмъ не реагировали на рѣчи лѣвыхъ и, что тѣ ни говорили, они ихъ не прерывали, не волновались, не возмущались, а, напротивъ, слушали съ усмѣшкой. Отказъ отъ рѣчей правыхъ явился, пожалуй, самымъ знаменательнымъ моментомъ, но они его еще подчеркнули: въ кулуарахъ г. Синодино бесѣдовалъ съ киргизскимъ депутатомъ Каратаевымъ, участливо разспрашивая его, сколько дней ему нужно на проѣздъ домой.

Засѣданіе 2-го іюня 1907 г.

(Послѣднее засѣданіе думы второго созыва.)

Понятно, съ какими чувствами и ожиданіями шли въ государственную думу депутаты 2-го іюня. Послѣ того, что произошло 1-го іюня, естественно, мозгъ работалъ у всѣхъ въ одномъ направленіи и никто не былъ въ состояніи думать ни о чемъ другомъ, какъ только о предъявленномъ правительствомъ ультиматумѣ. Всѣ ждали, съ нетерпѣніемъ ждали того, что скажетъ образованная для разсмотрѣнія обвиненія коммиссія, но въ два часа дня въ думѣ началось засѣданіе, которое должно было обсуждать вопросъ о мѣстномъ судѣ, и больше, кромѣ этого вопроса, 2-го іюня думѣ не пришлось обсуждать ничего. Конечно, въ связи съ общимъ настроеніемъ можно и безъ описанія угадать, что обсужденіе было вяло, мертвенно; оно велось только потому, что неловко было прекратить обсужденіе.

И до начала засѣданія, и во время его жизнь была ключемъ въ кулуарахъ; нѣтъ, впрочемъ, и это была не жизнь, а скорѣе агонія, предсмертныя корчи. Почти всѣ были увѣрены, что дума доживаетъ послѣдніе часы. И въ связи съ этою увѣренностью лѣвые захотѣли вдругъ въ одномъ засѣданіи сдѣлать все, для чего въ сущности была созвана дума, для чего посылали въ нее народъ депутатовъ и за что они едва принялись въ теченіе всѣхъ ста дней существованія думы, такъ какъ крайніе лѣвые и вступили въ думу, и выступали въ ней, согласно указаніямъ своихъ партій, только для „поученія“ народа съ думской трибуны говореніемъ по запросамъ и по вопросамъ, не могущимъ стать законами. Въ одинъ день они, эти лѣвые, захотѣли провести какъ можно болѣе законовъ,

„исполнить гражданскую обязанность, возложенную народом“, какъ выразился с.-д. Церетелли. Какъ это сдѣлать, къ началу засѣданія лѣвые еще не знали.

Однако, противъ ихъ затѣи категорически рѣшили выступить ка-деты и всѣ вообще не лѣвые.

Оживленіе въ кулуарахъ предъ началомъ дневного засѣданія 2-го іюня было настолько велико, что предсѣдательскій звонокъ на этотъ разъ въ теченіе болѣе получаса тщетно призывалъ въ залъ законное число депутатовъ. Засѣданіе открылось съ опозданіемъ на 35 минутъ. Какъ ни въ чемъ не бывало, предсѣдатель началъ обычный докладъ о поступившихъ текущихъ дѣлахъ для указанія ихъ направленія: представленія министра народнаго просвѣщенія объ отпускѣ средствъ на устройство низшей ремесленной школы въ гор. Мценскѣ, на содержаніе учителя пѣнія при читинской учительской семинаріи и проч., и проч. Странно звучали добавленія къ этимъ сообщеніямъ, что дѣла подлежатъ передачѣ въ комиссіи. Больно рѣзнули слухъ всѣхъ ждавшихъ настоящихъ благъ отъ думы и теперь увѣренныхъ въ близости ея конца слова предсѣдателя думы, сообщившаго, что „за подписью предсѣдателя комиссіи о неприкосновенности личности внесено слѣдующее заявленіе: „Ввиду окончанія работъ по проекту закона о неприкосновенности личности, законопроектъ долженъ быть внесенъ на разсмотрѣніе государственной думы въ одно изъ ближайшихъ засѣданій“. Заключительное предложеніе предсѣдателя: „Угодно-ли думѣ поставить на обсужденіе думы въ ближайшее засѣданіе законченный комиссіей законопроектъ?“ — вызвало только горькую усмѣшку у большинства присутствовавшихъ. Всѣ молчали.

Наконецъ, предсѣдатель предложилъ приступить къ очередному вопросу о реформѣ мѣстнаго суда. Но лѣвые еще не подумали, какъ имъ приступить къ проведенію своей затѣи и потому членъ думы Горбуновъ (с.-р.) просилъ слова по вопросу о порядкѣ дня. Слово было дано и произошли слѣдующіе переговоры:

Г. Горбуновъ. Господа, по порученію думской группы социалистовъ-революціонеровъ, я обращаюсь къ вамъ съ предложеніемъ устроить перерывъ на 1½ часа для обсужденія тѣхъ вопросовъ, которыми въ настоящее время заняты фракція и обсудить которые мы еще не успѣли... (Голоса справа: „Какіе это вопросы?“) Вопросы о порядкѣ дня, стоящіе на повѣсткѣ.

Г. Церетелли (съ мѣста). Да, по текущимъ вопросамъ. Мы также присоединяемся и просимъ устроить перерывъ на 1 ч.

Г. Волкъ-Карачевскій (съ мѣста). Народно-соціалистическая фракція также присоединяется къ этому предложенію.

Представитель трудовой группы заявилъ, что и эта группа присоединяется.

Предсѣдатель. По парагр. 99 наказа предложеніе объ измѣненіи порядка дня рѣшается послѣ выслушанія одного оратора за и одного противъ. Кто желаетъ высказаться противъ?

Г. Черносвитовъ (к.-д.). Я долженъ сказать, что очередь сегодняшняго дня уже установлена, и если кому-нибудь угодно измѣнить порядокъ дня, то это можно сейчасъ сдѣлать. Для того-же, чтобы вносить нѣчто новое, не внесенное на повѣстку, для этого никакого повода нѣтъ; это будетъ нарушеніемъ наказа, если мы будемъ вносить что-нибудь въ порядокъ дня, что не помѣщено на повѣсткѣ. Поэтому я возражаю противъ этого предложенія.

Г. Церетелли. Позвольте разъяснить, что здѣсь никакого предложенія объ измѣненіи порядка дня нѣтъ: здѣсь только просьба нѣсколькихъ фракцій, къ числу которыхъ принадлежатъ и соціаль-демократическая фракція, къ думѣ устроить перерывъ на одинъ часъ.

Дума согласилась сдѣлать перерывъ и фракціонныя совѣщанія возобновились.

Вотъ впечатлѣнія, вынесенныя корреспондентомъ „Нов. Вр.“, въ ожиданіи возобновленія засѣданія проведеннымъ время въ кулуарахъ, гдѣ велись разговоры о выдачѣ депутатовъ соціаль-демократовъ.

Одинъ изъ ка-детскихъ лидеров бесѣдуетъ съ журналистомъ.

— Мы,—говоритъ онъ,—рѣшили подойти къ настоящему вопросу съ чисто юридической точки зрѣнія. Если будетъ доказано, что такой-то и такой-то членъ думы виноватъ въ такомъ-то и такомъ-то дѣяніи, то мы, конечно, не откажемъ въ привлеченіи къ суду. Но на это нужно время. Мы пригласили г. Камышанскаго и просили прислать намъ все дѣлопроизводство. Сейчасъ г. Камышанскій пріѣдетъ; но, конечно, разсмотрѣть къ вечеру мы не успѣемъ. Придется отложить.

Это, такъ сказать,—официальная версія для журналистовъ. Тотъ-же самый лидеръ отошелъ отъ толпы и сказалъ журналисту съ глазу на глазъ:

— Мы рассчитываемъ на то, что правительство распуститъ думу, не дожидаясь нашего рѣшенія. Мы не можемъ согласиться на „выдачу“ всѣхъ перечисленныхъ въ правительственномъ заявленіи депутатовъ. А если мы откажемъ, то мы тѣмъ

самымъ дадимъ правительству аргументъ въ пользу роспуска, ибо правительству будетъ легко сослаться, предъ иностраннымъ общественнымъ мнѣніемъ, на „поддержку“, оказанную нами явнымъ революціонерамъ.

— А убѣждены-ли вы, что всѣ члены вашей партіи будутъ голосовать такъ, какъ постановитъ комиссія?—спросилъ журналистъ.

Ка-детъ еще понизилъ голосъ и отвѣтилъ:

— Трудовики несомнѣнно колеблются. Вчера во время засѣданія говорили правые и лѣвые, но крестьяне „свирѣпо“ молчали. У меня есть такое впечатлѣніе, что эсъ-деки страшно надоѣли всѣмъ крестьянамъ...

— Баллотировка-то, вѣдь, будетъ закрытая?

— Да, баллотировка будетъ закрытая...

— А вотъ,—добавилъ журналистъ,—я подслушалъ у трудовиковъ такой разговоръ: „Правительство,—говорятъ они,—„у силы“ (въ силѣ); все равно съ нимъ не поборемся; пусть себѣ беретъ; что мы можемъ сдѣлать?“.

— Что-жъ,—замѣтилъ ка-детъ,—въ смыслѣ экономіи силы это—вовсе не легкомысленная точка зрѣнія.

— Это—точка зрѣнія того здраваго смысла, того практическаго нюха, который есть у крестьянъ и котораго нѣтъ ни у вашихъ кабинетныхъ профессоровъ, ни у эсъ-дековскихъ политиковъ, съ шорами на глазахъ.

Корреспондентъ „Нов. Вр.“ разсказываетъ затѣмъ:

„Иду дальше. Два крестьянина разговариваютъ между собой тихимъ, понурымъ тономъ.

„— Нѣтъ, ты мнѣ скажи, чего правительство хочетъ?

„— Правительство хочетъ, чтобы мы ихъ выдали.

„— Нѣтъ, братъ, правительство хочетъ, чтобы распустить думу... Вотъ ты и голосуй такъ, чтобы не было на руку правительству...

„Дальше. Комната почтово-телеграфнаго отдѣленія. У двери, ведущей наверхъ, во фракціонныя комнаты, столпилась кучка громко шумящихъ депутатовъ. Какой-то высокій размашистый трудовикъ, закусывая губы, споритъ съ популярнымъ священникомъ.

„— Сто законовъ, сто законовъ и резолюцію!

„Священникъ, блѣдный отъ волненія, сверкаетъ сѣрыми глазами и съ необычной для него жестикюляціей отвѣчаетъ:

„— Глупости это все! Идіотство какое-то! Какіе вы законы будете издавать?

„— Всѣ законы, какіе народу нужны. Сейчасъ-же. Объ об-

шинѣ, по ст. 87—отмѣнить! Смертную казнь отмѣнить! Амнистію дать! Всѣ свободы дать! И потомъ сдѣлать настоящую резолюцію.

„— И все—сегодня?.. Гдѣ-же эти законы? Ихъ и на повѣсткѣ-то нѣтъ. Да и у васъ они не гостовы.

„— Большинство за нихъ. Большинствою все можно.

„— Гдѣ у васъ большинство? Покажите его мнѣ, большинство?

„Трудовикъ снова закусываетъ губу, сжимаетъ кулаки и почти шипитъ:

„— Вотъ если-бы такіе, какъ вы, не мутили, такъ было-бы большинство.

„— На повѣсткѣ законовъ нѣтъ; все равно это ни къ чему,—если противъ наказа.

„— Какой тутъ наказъ? Тутъ надо народу показать, за что мы пострадали. Надо, чтобы народъ зналъ, за что насъ распустили.

„Я не вытерпливаю. Я подхожу къ трудовику и быстро, быстро говорю ему:

„— А! Теперь сто законовъ издать хотите? А раньше что вы думали? Запросами занимались? Небось, когда прижали васъ роспускомъ, такъ вы спохватились! Въ послѣдній-то моментъ хотите законы проводить. Въ сто дней одинъ законъ провели, а теперь хотите въ два часа сто законовъ издать? Да и почему-же вы теперь къ законамъ бросились? Почему вы теперь запросовъ не вносите?

„— Запросы мы вносили потому, что беззаконія были.

„— А развѣ теперь беззаконій нѣтъ? Вы мнѣ скажите, почему вы теперь, въ послѣднюю минуту, не къ запросамъ обратились, а именно къ законамъ? Вы мнѣ это скажите! Когда Пиленко три мѣсяца твердилъ, что надо бросить запросы и заявляться законами, вы Пиленку черносогенцемъ называли... Отчего-же вы теперь не продолжаете прежней политики?

„Кто-то вмѣшивается въ нашъ споръ. Трудовикъ машетъ рукой и уходитъ.

„Громкій звонокъ по всѣмъ помѣщеніямъ думы. Засѣданіе возобновляется. Скорѣй въ залъ. Въ залѣ никого нѣтъ, предсѣдатель сидитъ одинокій на своей трибунѣ, депутатскія мѣста всѣ пусты; четыре дежурныя стенографистки сидятъ внизу, у ораторской трибуны, и ждутъ своей очереди,

„Предсѣдатель все звонитъ. Онъ звонитъ уже минутъ двадцать. Залъ лѣнливо наполняется. Лѣвыхъ все еще нѣтъ.

Въ 4 часа 5 мин. предсѣдатель, наконецъ, заявилъ, что

засѣданіе возобновляется. Слово принадлежит члену думы Венславскому.

Депутатъ Венславскій, дѣйствительно, всходитъ на кафедру и начинаетъ пренія по вопросу о мѣстномъ судѣ. Его, конечно, плохо слушаютъ и очень скоро выясняется, что лѣвыя фракціи намѣрены сорвать вопросъ о мѣстномъ судѣ и перейти сперва къ бюджету, а потомъ использовать остающіеся часы, а, быть можетъ,—минуты, для того, чтобы, выйдя изъ предѣловъ повѣстки, принятыя за законодательство.

Во время рѣчи слѣдующаго оратора по вопросу о мѣстномъ судѣ г. Танцова залъ опять сильно опустѣлъ и сотрудникъ „Нов. Вр.“ г. Пиленко, вышедшій на минуту посмотрѣть, что дѣлается въ кулуарахъ, налету схватилъ слѣдующій разговоръ. Трудовикъ говоритъ эсъ-эру:

„— Опять вносите!.. Требуйте прекращенія преній! И мотивируйте! Въ этой мотивировкѣ можно рассказать, что именно мы хотимъ провести.

„— Такъ, вѣдь, у васъ-же планъ еще не выработанъ?

„— Планъ мы сейчасъ выработаемъ. Вы только вносите предложеніе о прекращеніи преній“...

Этотъ отрывокъ разговора, по словамъ г. Пиленко, долженъ освѣтить все дальнѣйшее засѣданіе. Почти послѣ cadaго оратора лѣвыя вносили предложеніе о прекращеніи преній. Дальнѣйшаго плана дѣйствій они такъ и не придумали. Одни изъ нихъ стояли за обсужденіе бюджета, другіе—за еще болѣе фантастическія мѣры. Такимъ образомъ, дальнѣйшая часть засѣданія свелась къ борьбѣ ка-детовъ за закономѣрное веденіе засѣданія. Правые и октябристы поддерживали ка-детовъ въ этомъ отношеніи неуклонно.

Послѣ рѣчи по вопросу о мѣстномъ судѣ октябриста Капустина, предсѣдатель заявилъ, что за подписью 31 члена поступило предложеніе о прекращеніи преній. Кромѣ того, за подписью 30 членовъ поступило предложеніе о сокращеніи преній до 10 минутъ для cadaго оратора. Мотивировать первое предложеніе выступилъ затѣмъ с.-д. Церетелли.

„Важныя соображенія,—сказалъ онъ,—заставили нашу фракцію внести настоящее предложеніе. Въ обычныхъ условіяхъ мы держались-бы обычнаго порядка и, конечно, стояли-бы за полное развитіе преній. Но теперь, когда производится покушеніе на основы конституціи, когда мы стоимъ наканунѣ государственнаго переворота... (Апплодисменты налѣво; сильный шумъ и протесты направо; звонокъ предсѣдателя.)

Въ дальнѣйшемъ произошли слѣдующіе переговоры:

Предсѣдатель. Прошу васъ ближе держаться къ обсуждаемому предмету.

Крики налѣво. Просимъ! Просимъ!

Г. Церетелли. Правительство, опираясь на физическую силу, стремится къ государственному перевороту. Раньше, чѣмъ оно распуститъ думу, мы предлагаемъ вамъ использовать полностью тѣ права, которыя были куплены народною кровью. (Аплодисменты налѣво.) Поэтому мы и предлагаемъ...

Г. предсѣдатель. Предложеніе можетъ быть сдѣлано только въ письменной формѣ. Поэтому прошу васъ не касаться этого предмета. (Бурные протесты налѣво; аплодисменты въ центрѣ.) Покорнѣйше прошу не прерывать предсѣдателя. Если вопросъ не поставленъ на повѣстку, то мы не можемъ его обсуждать; это было-бы противно наказу. (Обращаясь къ оратору.) Что именно вы предлагаете?

Г. Церетелли. Я предлагаю прекратить пренія и перейти къ слѣдующему вопросу по повѣсткѣ.

Г. предсѣдатель. слѣдующимъ вопросомъ на повѣсткѣ стоитъ бюджетъ. Обсуждать бюджетъ, доколѣ мы не покончили съ мѣстнымъ судомъ, нельзя. Прошу васъ поэтому ограничиться изложеніемъ мотивовъ, на основаніи которыхъ вы предлагаете прекратить пренія.

Г. Церетелли. Я именно и излагаю мотивы. Мы стоимъ предъ государственнымъ переворотомъ... (Сильные протесты на право.)

Голоса слѣва. Вѣрно! вѣрно!

Г. Церетелли. Мы лишимъ себя возможности сдѣлать то, что мы могли-бы сдѣлать, если мы будемъ слѣдовать параграфамъ наказа въ то время, какъ правительство попираетъ параграфы конституціи. Черезъ нѣсколько времени мы увидимъ, какъ заговоръ противъ конституціи будетъ осуществленъ государственной властью. (Аплодисменты налѣво.) Поэтому отъ имени социаль-демократовъ, трудовиковъ, народныхъ социалистовъ и социалистовъ-ре... (поправляясь) и думской фракціи эсъ-еровъ мы предлагаемъ прекратить пренія, перейти къ бюджету и поставить на обсужденіе другіе важные вопросы: прежде всего отмѣну тѣхъ законовъ, которые изданы были правительствомъ на основаніи ст. 87...

Г. предсѣдатель. Обсужденіе будетъ вестись только о тѣхъ предметахъ, которые поставлены на повѣсткѣ.

Голоса слѣва. Все обсуждать!

Г. Церетелли. Я предлагаю поставить всѣ эти вопросы на

повѣстку и руководиться не наказомъ, а благомъ народа. Народъ послалъ насъ сюда для того, чтобы мы показали, на какой почвѣ подготовился государственный переворотъ, устроенный заговорщиками... (Шумные аплодисменты налѣво.)

Противъ предложенія Церетелли выступилъ В. I. Гессенъ. Онъ сказалъ:

„Отъ имени конституціонно-демократической партіи я самымъ рѣшительнымъ образомъ протестую противъ предложенія, сдѣланнаго депутатомъ Церетелли. Переживаемая нами обстановка, дѣйствительно, являются изъ ряда вонъ выходящими. Но это только обязываетъ думу къ полнѣйшему самообладанію и къ строгому исполненію своего долга. То, что предлагаетъ депутатъ Церетелли, явно носить характеръ антиконституціонный. (Шиканье налѣво.) Въ предѣлахъ наказа мы не можемъ прервать обсужденіе даннаго вопроса и начать обсужденіе новыхъ вопросовъ, на повѣсткѣ не стоящихъ. Конституціонно-демократическая партія съ самаго начала существованія думы всегда стояла на строго конституціонной почвѣ и дѣйствовала въ рамкахъ законности. Она стремилась на благо народа использовать тѣ права, которые принадлежать по закону думѣ. Сегодня, при серьезныхъ условіяхъ, переживаемыхъ думой и страной, партія наша не сойдетъ съ этой почвы. По нашему глубокому убѣжденію, единственное спасеніе страны заключается въ укрѣпленіи, а не въ колебаніи конституціоннаго строя“.

Рѣчь В. I. Гессена вызвала бурные аплодисменты въ центрѣ и баллотировкой затѣмъ (встали правые, ка-деты, коло, мусульмане, безпартійные) предложеніе было отвергнуто.

Другое предложеніе, касавшееся сокращенія рѣчей до 10 минутъ, мотивировалъ г. Березинъ.

„Я долженъ указать,—сказалъ онъ,—что мы лишены возможности работать спокойно и не можемъ обсуждать вопросъ о мѣстномъ судѣ. Поэтому мы предлагаемъ прекратить эти дебаты и перейти къ вопросу центральному—къ вопросу о бюджетѣ. Мы думаемъ, что никакая реформа мѣстнаго суда невозможна, доколѣ не прекратятся покушенія на самое конституцію“.

Послѣ г. Березина выступалъ г. Пуршкевичъ, присоединившійся къ предложенію г. Гессена.

Предложеніе объ ограниченіи было отвергнуто и засѣданіе затѣмъ продолжалось, причемъ почти каждая рѣчь по вопросу о мѣстномъ судѣ оканчивалась сообщеніемъ предсѣдателя о вновь внесенномъ лѣвыми предложеніи прекратить пренія и пе-

рейти къ вопросамъ, угоднымъ лѣвымъ. Очень удачно отвѣчалъ на попытки лѣвыхъ к.-д. Аджемовъ.

Но и послѣ г. Аджимова лѣвые пытались еще разъ заставить думу отрѣшиться отъ повѣстки. Даже когда председатель разъяснилъ, что вопросы, о которыхъ говорили лѣвые, могутъ быть заслушаны только послѣ включенія ихъ въ повѣстку, когда министры будутъ увѣдомлены за три дня, что-же касается вопроса о бюджетѣ, то онъ можетъ обсуждаться въ полной мѣрѣ лишь тогда, когда бюджетъ будетъ внесенъ въ думу комиссiей, а до сихъ поръ комиссiя представила только докладъ о порядкѣ обсуждения бюджета, Джапаридзе (лѣвый), не взирая на разъясненія председателя, настаивалъ на обсужденiи бюджета, такъ какъ-де дума сумѣетъ разрѣшить вопросъ, какъ того требуетъ интересъ момента, и предлагалъ для этого назначить вечернее засѣданiе. Предъ этимъ, около шести часовъ, председатель комиссiи, избранной для разсмотрѣнiя вопроса о привлеченiи депутатовъ къ суду, г. Кизеветтеръ, заявилъ, что комиссiя своей работы не окончила, и дума постановила отсрочить представленiе ея работы до понедѣльника, 4-го iюня.

Однако, предложенiе лѣвыхъ использовать освободившееся вечернее засѣданiе для ихъ цѣлей тоже не прошло. Оно было отвергнуто большинствомъ 201 голоса противъ 157.

Депутаты разошлись съ надеждой, что они еще соберутся въ понедѣльникъ 4-го iюня въ засѣданiе „для обсуждения доклада комиссiи 22-хъ по представленiю министра юстиции отъ 1-го iюня 1907 г., за № 290“.

Но въ вышедшихъ рано утромъ 3-го газетахъ на первомъ мѣстѣ стояло короткое сообщенiе редакцiй, что въ 5 час. утра онѣ „узнали, что государственная дума распущена“. Въ тѣхъ-же утреннихъ номерахъ газетъ сообщалось, что „ночью шло засѣданiе совѣта министровъ, которое до 4-хъ часовъ не закончилось“. Въ 9 час. утра на улицахъ Петербурга продавался манифестъ о роспускѣ и на углахъ улицъ было расклеено объявленiе объ обязательномъ постановленiи с.-петербургскаго градоначальника, воспреещающемъ распространенiе какихъ-либо статей или иныхъ сообщенiй, возбуждающихъ враждебное отношенiе къ правительству.

Предъ концомъ думы.

Статья В. Андреева.

Думы второго созыва нѣтъ; ее, какъ и думу первую, постигла одинаковая тяжелая участь—второй русскій парламентъ распущенъ. 3-го іюня 1907 г. исполнилось то, подѣ страхомъ чего вторая государственная дума жила съ момента своего созыва. Снова наступило междудумье, по счастью, болѣе короткое, нежели первое. 1-го сентября текущаго года должны начаться новые выборы по измѣненному выборному закону, и, Богъ дастъ, они увѣнчаются успѣхомъ и новая—третья—дума благополучно приступитъ къ работѣ въ назначенный для этого Высочайшимъ указомъ срокъ—1-го ноября нынѣшняго года.

Оглянемся-же немного назадъ и постараемся дать хотя-бы бѣглую картину того положенія, въ которомъ находилась вторая гос. дума предъ своимъ концомъ, до рокового 1-го іюня.

Дума второго созыва существовала сто три дня и въ дѣйствительности проявила въ теченіе этого времени мало реальныхъ, уже воплотившихся въ примѣнимое для жизни результатовъ своей работы, такъ какъ ея дѣятельность по массѣ подлежащихъ ея рѣшенію вопросовъ сосредоточивалась лишь въ работахъ разнообразныхъ комиссій. Правда, государственная роспись окончательно не разсмотрѣна, а, между тѣмъ, это было первѣйшимъ дѣломъ думы; вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи былъ отложенъ, какъ говорится, въ долгій ящикъ; къ вопросу о преобразованіи суда только приступили въ общихъ засѣданіяхъ; въ отношеніи реформъ въ дѣлѣ народнаго образованія почти ничего не сдѣлано. Словомъ, все то, что въ глазахъ населенія весьма важно и существенно, и, какъ хочется всѣмъ, требуетъ скорѣйшаго разрѣшенія, то въ дѣйствительности мало подвинулось впередъ.

Дѣйствительно, мало видимыхъ результатовъ работы второй думы, но виновато въ этомъ отнюдь не ея большинство, а меньшинство, и нечего и говорить о томъ, что ея работѣ мѣшали революціонные элементы, къ каковымъ, какъ это ни странно, но тѣмъ не менѣе вѣрно, принадлежали, какъ крайніе лѣвые, выставленные партіями социаль-демократической и социаль-революціонной, такъ и крайніе правые.

Если первые признавали государственную думу, только как трибуну, съ которой могли дѣлаться общимъ достояніемъ ихъ идеи, то вторые, за немногими исключеніями, желали полнаго ея разрушенія, вовсе не зная, чѣмъ ее можно замѣнить.

Со стороны крайнихъ правыхъ не было внесено ни одного законопроекта въ государственную думу; законопроекты, внесенные лѣвыми, прямо, даже при первомъ ознакомленіи съ ними, поражали своей непримѣнимостью къ жизни въ ея обычныхъ условіяхъ. Ни одна изъ крайнихъ партій не провела ни одного изъ постановленій, хотя-бы въ вопросахъ о переходѣ къ очереднымъ дѣламъ. Правые и лѣвые все время въ думѣ старались перекричать другъ друга, возможно болѣе крѣпко изругать другъ друга, и при всемъ своемъ разномысліи они были единодушны въ одномъ: всѣми силами мѣшать работоспособной части думы, т. е., партіямъ народной свободы, октябристовъ и польскаго кола.

Партія трудовиковъ занимала какое-то двусмысленное положеніе: она либо играла въ молчанку, либо примыкала къ социаль-демократамъ; но послѣднее дѣлалось крайне неумно; члены этой партіи были точно манекены въ рукахъ социаль-демократовъ. Да это и понятно, если вспомнить, что эта партія была наиболѣе невѣжественная, а потому скорѣе всего поддающаяся шумихѣ фразъ. Правда, партией трудовиковъ былъ внесенъ законопроектъ объ амнистіи, который, по словамъ партіи, разработала ея „юридическая коммиссія“. Но кому-же неизвѣстно, что въ средѣ партіи не было ни одного юриста, а слѣдовательно, ея фракціонная юридическая коммиссія, видимо, состояла изъ „добровольцевъ“ социаль-демократ. партіи.

Таковы главные элементы второй государственной думы, наиболѣе ярко обрисовавшіеся въ послѣдніе дни существованія думы, какъ это ясно видно изъ отчетовъ о думскихъ засѣданіяхъ. Немудрено, что при вѣчномъ желаніи крайнихъ партій „сорвать думу“ въ ней царилъ неурядица.

Какъ правительству, такъ и Верховной Власти необходимо было быть чрезвычайно стойкими и не обращать вниманія на выпады справа и слѣва, а центру государственной думы, т. е., октябристамъ и ка-детамъ (и польскому колу) сплотиться между собой на работахъ въ коммиссіяхъ и тогда сторонники роспуска думы врядъ-ли могли-бы имѣть серьезный успѣхъ, имъ волей-неволей пришлось-бы сложить оружіе или въ крайнемъ случаѣ уйти. Нечего и говорить, что при сплоченности центра, особенно если-бы онъ провелъ два-три законопроекта изъ наиболѣе существенныхъ (о мѣстномъ самоуправленіи, о реформѣ

суда, наиримѣрь), трудовики современемъ примкнули-бы къ центру, и тогда въ думѣ наступила-бы нормальная работа. Въ сущности, дѣло къ этому уже начинало клониться, потому что послѣ провала трудовиковъ, происшедшаго, благодаря ловкому тактическому ходу центра при предварительномъ обсужденіи законопроекта объ амнистіи, партія трудовиковъ стала раскалываться.

Говорятъ, что ни у октябристовъ, ни у кадетовъ не было талантливыхъ лидеровъ; но это невярно: они есть и были и въ той, и въ другой партіи, но они ждали и ждутъ поддержки отъ общества и печати, а, между тѣмъ, послѣдняя, за небольшимъ исключеніемъ, не хотѣла ихъ поддержать, не видѣла, что работоспособная часть думы находится въ тискахъ. Г. Капустинъ, Родичевъ, Маклаковъ и люди, стремившіеся погасить думскіе раздоры, подверглись со стороны органовъ печати, въ зависимости отъ принадлежности послѣднихъ къ той или иной партіи, однимъ незаслуженнымъ насмѣшкамъ, хотя все говорило за необходимость понять, что, не будь этихъ лицъ въ думѣ, она давно была-бы сорвана.

Обществу, въ свою очередь, надо было тоже осмотрѣться и придти на помощь думскому центру. Что дѣлали партіи справа? Колотя себя въ перси, онѣ кричали, что онѣ—истинно-русскіе люди, любящіе свою родину, и, въ доказательство этой любви, на гроши, собранные съ русскаго народа, устраивали патріотическія манифестаціи и безъ числа сооружали знамена и хоругви, не понимая смысла ни того, ни другого: онѣ не знаютъ, что такое знамя для война, какъ не знаютъ, что такое хоругвь для вѣрующаго человѣка, такъ какъ при этомъ широко проповѣдывали далеко не мирную работу.

Что дѣлали партіи слѣва? Онѣ тоже проповѣдывали, правда, не вполне открыто, насиліе и всячески стремились осуществить эту проповѣдь, не стѣсняясь никакими средствами, забывая свои социалистическія программы, пренебрегая историческимъ опытомъ, забывая совсѣмъ о томъ, что народу тягостно, трудно, невозможно жить безъ правильнаго правосудія, безъ законнаго устройства своего быта. При этомъ онѣ въ полномъ забвеніи къ обязанностямъ истиннаго народнаго представительства дошли до дѣйствій, приведшихъ къ гибели думы.

Только октябристы и кадеты сумѣли выставить свои опредѣленные программы, и только эти программы жизнеспособны, кажется, въ этомъ можно было убѣдиться за два года ихъ активнаго дѣйствія.

Эти партіи обѣ конституціонны и въ этомъ ихъ единеніе.

Онѣ расходятся въ нѣкоторыхъ пунктахъ, но это нисколько не мѣшаетъ и не мѣшало имъ по массѣ вопросовъ работать въ думѣ совместно и дружно. Въ обѣихъ этихъ партіяхъ не мало дѣйствительно талантливыхъ русскихъ людей. Эти люди не пошли-бы на крайности, что-бы тамъ ни говорили, мы въ этомъ увѣрены.

И незадолго до думскаго конца стало замѣчаться все больше признаковъ укрѣпленія работоспособнаго центра и его вліянія на ходъ думскихъ дѣлъ, причемъ въ общей сложности до рокового момента создалось впечатлѣніе о томъ, что даже кадеты поправѣли. Они совместно съ октябристами поставили себѣ задачей беречь думу, они звалъ ее на путь реальной работы, способной реформировать русскую жизнь, а не на путь опасныхъ отвлеченностей, что ясно сказалось 24-го мая въ рѣчи г. Гессена, говорившаго отъ имени думской фракціи партіи народной свободы. Благодаря партіямъ центра, удалось провести въ думѣ нѣсколько главъ наказа, которыя сразу же упорядочили теченіе думскихъ засѣданій и способствовали ускоренію разсмотрѣнія дѣлъ. Думскій центръ представлялъ собою настоящихъ конституціоналистовъ и—что крайне важно—въ его составѣ большинство составляли люди образованные и знающіе право. Центръ сумѣлъ провести думу мимо многихъ подводныхъ камней и дисциплинирующимъ образомъ началъ воздѣйствовать на крайніе фланги думы. Это вліяніе проявилось во многихъ послѣднихъ засѣданіяхъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, при разсмотрѣніи законопроекта о мѣстныхъ судахъ, многіе правые примкнули къ законопроекту, разработанному партіями центра, и даже въ послѣднемъ думскомъ засѣданіи, гдѣ правые заговорили о конституціи (рѣчи г. Пуришкевича, проф. Сазоновича). Даже въ аграрной комиссіи были признаки новаго здороваго теченія, безспорно явившагося изъ думскаго центра, стали замѣчаться тенденціи къ уступкамъ въ рѣшеніи насущнѣйшаго вопроса русской жизни, рѣшеніи, въ первомъ и существенномъ пунктѣ котораго—о земельномъ фондѣ—всѣ лѣвые потерпѣли поражение. Помимо этого, повторимъ здѣсь то, что говорили уже въ началѣ статьи: лѣвымъ не удалось почти ничто изъ ихъ попытокъ, за исключеніемъ, въ крайнемъ случаѣ, одной резолюціи. Словомъ, дѣло въ думѣ начало постепенно переходить къ положенію, при которомъ можно было приняться за работу оздоровленія жизни, и вдругъ разразились событія 1-го іюня, приведшія къ роспуску думы, главной виновницей котораго явилась социалистическая партія думы.

Агонія второй думы.

Тоскливое впечатлѣніе нагоняетъ отчетъ о послѣднемъ засѣданіи второй государственной думы, состоявшемся въ субботу 2-го іюня. Чувствовалось странное, нервное напряженіе. Въдь, нѣтъ ничего ужаснѣе, томительнѣе, какъ ожиданіе неизбѣжнаго, но въ то-же время всѣ были увѣрены, что роспускъ думы послѣдуетъ не ранѣе, какъ въ ночь съ понедѣльника 4-го іюня на вторникъ 5-го іюня. Роспускъ-же думы 3-го іюня явился неожиданнымъ. Изъ бесѣдъ съ депутатами сотрудникъ «Руси» собралъ слѣдующія свѣдѣнія о послѣднихъ минутахъ думы.

Послѣ заявленія предсѣдателя совѣта министровъ въ думѣ, что правительство требуетъ немедленнаго отвѣта для сохраненія спокойствія въ странѣ, было ясно, что роспускъ являлся вопросомъ одного-двухъ дней... Но все-же на день 3-го іюня не гадали.

Въ 8 час. вечера въ субботу должно было начаться вечернее засѣданіе комиссіи о 55 обвиняемыхъ депутатахъ. Однако, собравшіеся ея члены не могли приступить къ дѣлу, такъ какъ не явился прокуроръ судебной палаты г. Камышанскій. Всѣ знали всегдашнюю аккуратность послѣдняго, а потому его неприѣздъ былъ нѣкоторыми объясненъ, какъ рѣшенный роспускъ. Но онъ пріѣхалъ. Оказалось, онъ ошибся полчаса въ срокъ начала засѣданія. Всѣ успокоились.

«Разъ министерство юстиціи посылаетъ своего представителя,—разсуждали члены комиссіи,—очевидно, что правительство рѣшило ждать рѣшенія комиссіи и думы».

Работала комиссія до 12 часовъ пополудни. Г. Камышанскій также сидѣлъ очень поздно.

Въ 11 часовъ вечера одного изъ кадетскихъ депутатовъ вызвали изъ засѣданія и сообщили, что курсъ роспуска на «сегодня» поднялся до 95 проц. и предотвратить его можно лишь немедленнымъ постановленіемъ о выдачѣ хотя-бы 12 изъ 16 депутатовъ, причемъ необходимо рѣшеніе комиссіи немедленно сообщить предсѣдателю совѣта министровъ.

Возможно, что въ роспускѣ сыграло рѣшительную роль то впечатлѣніе, которое получилъ въ комиссіи 22-хъ г. Камышанскій. Онъ находился въ комиссіи до 11 ч. 45 м. ночи. Общее отношеніе членовъ комиссіи къ постановленію судебного слѣдователя г. Зайцева было ему ясно. Правые и к.-д. колебались лишь относительно двухъ лицъ: гг. Геруса, какъ участника митинга извѣстнаго характера, и г. Озола, въ квартирѣ котораго были найдены документы. Но большинство к.-д. членовъ были противъ выдачи.

Въ это время засѣдалъ совѣтъ министровъ. Рѣчь шла о роспускѣ немедленномъ или объ ожиданіи постановленія комиссіи и резолюціи думы, а также о ближайшихъ мѣропріятіяхъ.

тяжъ по сохраненію порядка и обезпеченію безопасности мирнаго населенія. Совѣтъ рѣшилъ окончательно роспускъ только поздно ночью. Это соображеніе вытекаетъ изъ слѣдующаго обстоятельства: завѣдующій законодательнымъ отдѣломъ въ думѣ кн. Друцкой работалъ до 3 час. утра въ канцеляріи; съ нимъ сидѣло и нѣсколько другихъ служащихъ. Они уѣхали изъ зданія думы въ четвертомъ часу утра, и распоряженія о роспускѣ еще не было.

Насколько въ средѣ членовъ государственнаго совѣта не ожидали скорого наступленія развязки, можно судить уже по тому, что еще въ субботу членамъ совѣта разсылались повѣстки на засѣданія комиссій въ понедѣльникъ, а также на частныя совѣщанія, предполагавшіяся на этой недѣлѣ.

Г. Кузьминъ-Караваевъ, членъ комиссіи 22-хъ, сказалъ сотруднику «Биржев. Вѣд.» по поводу роспуска:

— Мы въ субботу успѣли только рассмотреть подлинныя документы. На воскресенье назначили пренія и выработку заключенія. Никакъ нельзя было предполагать, чтобы думу распустили, не дождавшись результатовъ трудовъ комиссіи. Даже прокуроръ судебной палаты П. К. Камышанскій, прощаясь съ нами въ одиннадцатомъ часу вечера, просилъ вызвать его въ воскресенье по телефону, если потребуются какія-либо разъясненія.

Г. Головинъ, предсѣдатель думы, узналъ о роспускѣ думы отъ одного изъ иностранныхъ корреспондентовъ и это извѣстіе застало его положительно врасплохъ. Еще 3-го іюня утромъ Ф. А. Головинъ получилъ конвертъ отъ главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣіемъ кн. Васильчикова съ надписью: «Г. предсѣдателю государственной думы Федору Александровичу Головину». Г. Головинъ зачеркнулъ на конвертѣ «Г. предсѣдателю г. думы», написалъ «отъ Ф. А. Головина» и отправилъ обратно.

Говоря о роспускѣ думы, г. Головинъ сказалъ сотруднику вышеупомянутой газеты слѣдующее:

«Работа думы наладилась, вступила въ періодъ положительной законодательной дѣятельности. Правительство лишило себя теперь крупнаго преимущества совмѣстной работы съ думою. Вѣдь, тотъ фактъ, что правительство, распустившее первую думу и проявившее себя въ періодъ перваго бездумья рядомъ крайне непопулярныхъ мѣръ, могло добиться того, что лѣвая дума разматриваетъ вмѣстѣ съ нимъ его бюджетъ и издаетъ законы,—могъ уже самъ по себѣ сильно поднять авторитетъ правительства и увеличить его престижъ, служа, вмѣстѣ съ тѣмъ, показателемъ нѣкоторой побѣды его. Роспускъ думы все это сразу уничтожилъ»...

Въ то-же воскресенье, въ 10 ч. 30 м. вечера, Ф. А. Головинъ севавтопольскимъ поѣздомъ выѣхалъ въ Москву.

Петербургъ извѣстіе о роспускѣ думы встрѣтилъ съ поразительнымъ спокойствіемъ.

3-го іюня, въ восьмомъ часу утра, во всѣ участковыя управленія столицы были доставлены экземпляры Высочайшаго манифеста о роспускѣ думы. По распоряженію градоначальника, манифестъ былъ немедленно розданъ по постамъ для возможно широкаго распространенія путемъ расклейки на уг-

лахъ улицъ и у зданій фабричныхъ, общественныхъ и казенныхъ. Къ пробужденію столицы эта работа была закончена и около манифестовъ начали собираться толпы читателей. Кромѣ Высочайшаго манифеста, на улицахъ столицы появилось и новое обязательное постановленіе о публичномъ распространеніи сообщений, возбуждающихъ враждебное отношеніе къ правительству и т. д. Во всемъ городѣ была усилена обычная полицейская служба.

Между тѣмъ, когда возникло рѣшеніе распустить думу, въ высшихъ правительственныхъ кругахъ былъ поднятъ вопросъ о введеніи въ Петербургъ и въ Петербургскомъ узвѣдъ военнаго положенія. Вопросъ былъ рѣшенъ отрицательно, такъ какъ П. А. Столыпинъ настаивалъ на томъ, что чрезвычайной охраны для поддержанія спокойствія въ столицѣ вполне достаточно. Его мнѣніе укрѣпилось послѣ представленнаго въ субботу утромъ доклада с.-петербургскаго градоначальника. Несмотря на это, ночью и днемъ 2-го іюня въ Петербургъ стянулись части войскъ петербургскаго гарнизона изъ лагерей подъ Краснымъ Селомъ. Прибыли батальоны отъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ и кавалерійскія части. Военская охрана столицы была удвоена. Изъ Краснаго Села въ Петербургъ пришли пѣхотные л.-гв. Финляндскій и павловскій полки, а также полки кавалеріи: кавалергардскій Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Осодоровны, л.-гв. конный полкъ и л.-гв. кирасирскій Его Величества. Въ столицѣ также для охраны стоятъ 3 пѣхотныхъ бригады и 2 казачьихъ полка—л.-гв. атаманскій Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича полкъ и донской казачій. Всѣ части войскъ находились въ заранѣ намѣченныхъ мѣстахъ и въ теченіе дня и ночи не были потревожены. Въ городѣ было вполне спокойно.

Такъ-же спокойно встрѣченъ роспускъ думы и повсюду въ Россіи, если судить по имѣющимся у насъ извѣстіямъ.

Какъ передаютъ изъ освѣдомленнаго источника газеты, прежде чѣмъ вопросъ о роспускѣ думы былъ рѣшенъ, среди всѣхъ губернаторовъ была произведена анкета по вопросу о настроеніяхъ среди населенія и въ частности по вопросу о томъ, какого отношенія слѣдуетъ ожидать со стороны населенія въ томъ случаѣ, если-бы государственная дума была распущена. Губернаторамъ при этомъ было поставлено на видъ, что эти свѣдѣнія должны быть основаны на тщательно взвѣшенныхъ и обдуманыхъ данныхъ и что этотъ вопросъ настолько важенъ, что недостаточно серьезно обдуманный отвѣтъ, въ случаѣ если онъ будетъ опровергнутъ событіями будущаго, ляжетъ всею тяжестью отвѣтственности на самихъ губернаторовъ. Всѣ губернаторы, какъ передаютъ, почти единодушно прислали успокоительные отвѣты.

Замѣчательно также и слѣдующее: въ то время какъ въ прошломъ году, послѣ роспуска первой гос. думы, на биржѣ царилъ полное уныніе и понижательное настроеніе, биржа 4-го іюня открылась въ весьма крѣпкомъ настроеніи. Былъ предъявленъ крупный спросъ на всѣ спекулятивныя бумаги, и цѣны съ самаго-же начала биржи стали чувствительно повышаться. На настроеніи нашей биржи нисколько не отразилось господствовавшее 2-го іюня парижское пониженіе въ Парижѣ.

Въ Таврическомъ дворцѣ въ день роспуска происходило слѣдующее. Охрана дворца получила указъ о роспускѣ въ шесть часовъ утра. Сейчасъ-же охрана приступила къ осмотру дворца, зала засѣданій, фракціонныхъ комнатъ и др. помѣщеній. Всѣ входы были заперты, кромѣ главнаго подъѣзда. Комнаты социалістовъ-революціонеровъ, социалъ-демократовъ, мусульманъ и трудовиковъ были заперты на ключъ. Въ 9 утра пріѣхали гос. секретарь баронъ Искуль и его помощникъ г. Дерюжинскій. Днемъ состоялось совѣщаніе дворцовой комиссіи съ участіемъ ген. Шевелье. Обсуждался вопросъ о служащихъ думы.

Между тѣмъ, въ столицѣ уже шли аресты. Первымъ изъ членовъ государственной думы былъ арестованъ деп. Церетелли. Его арестъ состоялся въ три часа ночи съ субботы на воскресенье, т. е., въ моментъ, когда о роспускѣ думы никто еще не зналъ, не зналъ объ этомъ и Церетелли. На его возраженія о своей депутатской неприкосновенности, г. Церетелли было заявлено, что онъ—больше не депутатъ и что государственная дума уже распущена. Депутатъ былъ арестованъ по ордеру охраннаго отдѣленія. Въ 4 часа утра его уже везли по городу въ сопровожденіи одного охранника.

Въ день роспуска думы интересно было провѣрить впечатлѣніе его на депутатовъ. Корреспонденты газетъ побывали въ помѣщеніяхъ фракцій.

Въ нихъ народа было немного. Квартира трудовиковъ заперта, социалъ-демократовъ и ка-детовъ также, никого постороннихъ не пускали. Корреспонденты спрашивались первымъ деломъ, поѣдутъ-ли ка-деты въ Выборгъ или нѣтъ? Въ отвѣтъ ка-деты улыбались: довольно и одной глупости... Обидно за то, что пропадаетъ трехмѣсячная работа комиссій: львые въ комиссіяхъ ничего не дѣлали и свели на-нѣтъ работу другихъ.

2-го іюня вечеромъ въ трудовой группѣ происходило фракціонное совѣщаніе. Едва только депутаты собрались, какъ въ помѣщеніе (Дегтярный, 11) явилась полиція, около 2-хъ часовъ длился обыскъ, не давший никакихъ результатовъ. Полиція переписала всѣхъ присутствовавшихъ при обыскѣ и въ 1 часъ ночи удалась. Въ началѣ 4-го часа ночи въ помѣщеніе фракцій вторично явилась полиція и, предъявивъ предписаніе охраннаго отдѣленія, арестовала секретаріатъ фракцій: А. П. Перухина, Бончъ-Осмоловскаго и бывшаго члена первой государственной думы Тесля; послѣдній взятъ подъ арестъ больнымъ.

3-го іюня, въ воскресенье, съ самаго утра въ помѣщеніи фракцій н.-с. (Таврическая, 25) происходило совѣщаніе, на которомъ обсуждались вопросы настоящаго момента. Къ 12 часамъ въ помѣщеніе явилась полиція и предъявила требованіе о прекращеніи засѣданія, считая его незаконнымъ сборищемъ. Депутаты вынуждены были разойтись. Въ н.-с. фракцій ни обысковъ, ни арестовъ не произведено. Днемъ полиція явилась въ государственную думу и, послѣ обыска, опечатала помѣщеніе соц.-демократической фракцій. Ночью, по предписанію охраннаго отдѣленія, въ связи съ роспускомъ государственной думы, чинами наружной полиціи производились во многихъ домахъ города обыски съ арестомъ обыскиваемыхъ лицъ. Въ общемъ произведено до 70 арестовъ.

Въ воскресенье 3-го іюня въ клубѣ правыхъ состоялось

многолюдное собраніе. Кромѣ бывшихъ членовъ думы, во главѣ съ гг. Крупенскимъ, Урусовымъ, Синадино, Пуришкевичемъ, Сазоновичемъ и др. присутствовало много членовъ гос. совѣта и другихъ общественныхъ дѣятелей. Какъ сообщаетъ «Нов. Вр.», собраніе открылось патріотической манифестаціей. Предсѣдатель гр. А. Бобринскій провозгласилъ «ура» въ честь Государя и присутствовавшіе отвѣтили пѣніемъ гимна. Было подано шампанское, на трибуну стали всходить ораторы и провозглашать одинъ за другимъ тосты. Государю Императору и П. А. Столыпину было рѣшено послать привѣтственные телеграммы. Сперва Пихно, а затѣмъ и А. С. Ермоловъ провозгласили тостъ за правыхъ депутатовъ, которые находились во второй думѣ въ особенно тяжелыхъ условіяхъ и тѣмъ не менѣе съ достоинствомъ боролись съ представителями лѣвыхъ партій. Въ отвѣтъ на эти привѣтствія г. Крупенскій провозгласилъ тостъ за старшихъ товарищей, членовъ гос. совѣта. Князь Урусовъ привѣтствовалъ изданіе новаго избирательнаго закона. А. С. Ермоловъ, излагая нѣкоторыя подробности закона, отмѣтилъ, что онъ долженъ избавить думу отъ того ненормальнаго явленія, когда исходъ голосованія по кореннымъ вопросамъ часто зависѣлъ отъ польскаго кола.

Въ тотъ-же день состоялось соединенное засѣданіе центрального комитета союза 17-го октября, парламентской фракціи союза и группы членовъ гос. совѣта. Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ А. И. Гучкова и выработало слѣдующее воззваніе отъ союза 17-го октября:

«Государственная дума второго созыва распушена указомъ Государя Императора на основаніи 105 ст. основныхъ законовъ. Одновременно съ этимъ Верховная власть признала необходимымъ ввести измѣненія въ порядкѣ избранія народныхъ представителей. Члены второй гос. думы, принадлежащіе къ союзу 17-го октября, прилагали всѣ силы къ охраненію и укрѣпленію думы во всѣхъ ея конституціонныхъ начинаніяхъ и дѣйствіяхъ и съ искреннимъ сочувствіемъ приняли указаніе второго всероссійскаго съѣзда союза беречь думу и содѣйствовать ея главной задачѣ—обновить весь строй русской жизни путемъ мирныхъ преобразованій. Не по ихъ винѣ эта задача осталась невыполненною. Первою причиною и виновницею новаго потрясенія нашей жизни явилась дѣятельность непримиримыхъ враговъ нашего молодого правового строя, ихъ рѣшимость колебать въ самомъ зачаткѣ преобразованія, предпріятыя въ исполненіе Государевой воли, ихъ кровавыя дѣянія по всему простору нашей необъятной родины, ихъ преступная дѣятельность внутри самой гос. думы.

«Мы съ грустью должны признать, что возвѣщаемыя манифестомъ 3-го іюня измѣненія избирательнаго закона осуществляютъ не тѣмъ путемъ, какой предусмотрѣны основными законами, но оцѣнку этого акта мы считаемъ преждевременною, а необходимость его прискорбною. Тѣмъ тверже мы выражаемъ увѣренность, что всѣ члены союза останутся вѣрными своему знамени, манифесту 17-го октября 1905 г., стремясь при всѣхъ условіяхъ осуществить его начала въ жизни.

«Мы призываемъ къ дальнѣйшему совершенствованію законодѣрными путемъ всего, дарованнаго Монархомъ, памятуя

что это—единственный путь прочный и успешный, мы призываемъ къ лишенію народнаго довѣрія тѣхъ, кто, злоупотребивъ этимъ довѣріемъ, взялъ на себя тяжкую отвѣтственность за новую бѣду потрясенной страны. Мы призываемъ самую страну къ спокойной, разумной и твердой вѣрѣ въ тѣхъ своихъ представителей, которые малочисленнымъ отрядомъ защищали до конца знамя свободы и правды отъ лукавыхъ покушеній и насилія многочисленныхъ враговъ государства, порядка и законности.

«Каковы бы ни были новыя условія выборовъ, члены союза будутъ неизмѣнно слѣдовать своимъ завѣтамъ и стремиться избрать въ государственную думу людей, преданныхъ конституціонному монархическому строю, мирному развитію, благу и величію Россіи».

Партія народной свободы готовится къ пятому общепартійному съѣзду. Какъ слышно, этотъ съѣздъ будетъ представленъ пленарно московскимъ и петербургскимъ комитетами, бюро парламентской фракціи и по одному представителю отъ провинціальныхъ комитетовъ, ввиду того, что болѣе правильное представительство провинціальныхъ группъ теперь невозможно. Съѣздъ предполагается въ Финляндіи или за границей.

Во всѣ слухи о кандидатахъ на постъ премьера лишены основанія. П. А. Столыпинъ остается премьеромъ. Что касается кандидатуры П. Н. Дурново, то онъ получилъ весьма вѣское подтвержденіе полной безнадежности его шансовъ. Когда появились слухи о томъ, что его имѣютъ въ виду—Дурново съ цѣлью провѣрить основательность ихъ, прибѣгъ къ слѣдующему средству: 29-го мая онъ подалъ предсѣдателю государственнаго совѣта М. Г. Акимову просьбу объ исходатайствованіи ему трехмѣсячнаго отпуска. Повидимому онъ надѣялся получить отказъ, который и служилъ-бы показателемъ того, что онъ имѣется въ виду. Уже на другой день, т. е., 30-го мая, Дурново былъ разрѣшенъ отпускъ. Положеніе П. А. Столыпина является очень прочнымъ.

Итакъ, второй думы нѣтъ, она отошла уже въ область исторіи...

Какое-же постановленіе было послѣднимъ, принятымъ злополучной второй думой? Не считая постановленій о перерывахъ, о времени слѣдующаго засѣданія и т. д., приходится признать, что послѣднимъ реальнымъ постановленіемъ думы было рѣшеніе относительно представленій министра народнаго просвѣщенія: 1) объ отпускѣ средствъ на устройство школы въ городѣ Мценскѣ, Орловской г., 14.400 р. одновременно и на содержаніе по 2.860 р. ежегодно; 2) объ отпускѣ дополнительно по 300 р. въ годъ на содержаніе учителя пѣнія при чигинской учительской семинаріи, 3) объ учрежденіи при ериванской учительской семинаріи 20 стипендій для воспитанниковъ-татаръ, съ отпускомъ изъ казны по 2,600 р. въ годъ; о дополнительномъ ассигнованіи по 140 р. въ годъ на вознагражденіе учителя пѣнія при названной семинаріи и о преобразованіи однокласнаго начальнаго училища при сей семинаріи въ двухклассный составъ, съ дополнительнымъ ассигнованіемъ на его содержаніе по 970 р. въ годъ. Всѣ эти представленія министра дума постановила передать не только въ бюджетную комиссію, но и въ комиссію по народному образованію.

Какъ отнеслись бывшіе депутаты къ свершившейся уже катастрофѣ?

Правые, октябристы, безпартійные, даже кадеты, — по слов. «Нов. Вр», — сожалеютъ не о самой думѣ, которая, «вѣроятно, не способна была ничего сдѣлать», а о той умственной силѣ и энергіи, которыя были затрачены на работу въ комиссіяхъ. Крестьяне будто-бы прямо говорятъ, что «такую думу нельзя было держать».

«Нельзя заниматься одновременно и законодательствомъ и вести противоправительственную пропаганду; нельзя работать вмѣстѣ съ людьми, подкапывающимися подъ думу и отрицающими всякую государственность», — вотъ смыслъ ихъ разговоровъ.

По другимъ рассказамъ, крестьяне шутили. Большинство сразу-же приготовилось къ отъѣзду. Шутили и священники, хотя послѣднимъ было далеко не до шутокъ.

— Теперь намъ остается одно, — говорилъ съдой священникъ съ худымъ, изможденнымъ лицомъ: — надѣть суму, взять посохъ въ руку и побираться Христовымъ именемъ.

— Мнѣ-то ничего, — говорилъ отецъ Тихвинскій: — сравнительно, я — человекъ обезпеченный.

— У васъ есть земля? Домъ? Капиталъ?

— Нѣтъ.

— Чѣмъ-же вы обезпечены?

— Видите, у меня музыкальный инструментъ есть, пианино Рублей двѣсти дадутъ. Вотъ на полгода и хватитъ.

Однако, характерную и горящую о совѣмъ другомъ настроеніи отъ Тихвинскаго сценку въ кулуарахъ рисуютъ «Б. В.» «Священ. Тихвинскій окруженъ густой толпой.

«— Что вы думаете дѣлать, батюшка, послѣ роспуска государственной думы?»

«— А что мнѣ дѣлать? Ъхать мнѣ не куда и не на что. Въ епархіи я къ священнослуженію запрещенъ. Буду ждать, пока отсюда сами повезутъ куда-нибудь. Сынъ въ тюрьмѣ, семья разорена, я лишентъ прихода и жду ссылки. Слушайте, — обратился о. Тихвинскій къ литератору Тану, — дайте мнѣ рекомендацію въ какую-нибудь контору или страховое общество. Пойду въ писцы служащимъ».

Итакъ, думы болѣе нѣтъ...

Среди бывшихъ депутатовъ въ настоящее время наблюдается уже начавшійся разъѣздъ по домамъ. Многие изъ нихъ уѣзжаютъ, не дождавшись даже фракціонныхъ засѣданій. Маршрутъ большинства — родные мѣста.

* * *

Петербургская повременная печать говоритъ о роспускѣ думы въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

«Россія» заявляетъ:

«Государю Императору угодно было распустить вторую государственную думу и повелѣть собрать третью перваго ноября этого года. Правительство Его Величества испытало всѣ средства, дабы работать совместно съ думою второго созыва. Но дума эта, видѣвшая свое призваніе не въ дружной законо-

дательной работѣ, а въ борьбѣ съ правительствомъ, несогласіемъ на удаленіе изъ своей среды лицъ, обвиняемыхъ въ преступныхъ дѣяніяхъ остановила ходъ судебного процесса, чего, разумѣется, не могло допустить правительство. Если судьба второй думы была въ рукахъ ея самой, то судьба третьей думы находится въ рукахъ народа, который, конечно, пошлетъ въ нее разумныхъ и сознающихъ свой долгъ выборныхъ, способныхъ уврачевать язвы болящей родины».

«Свѣтъ» высказываетъ слѣдующее:

«Манифестомъ 17-го октября Государь Императоръ изволилъ учредить представительную законодательную думу, въ которую должны были избираться лучшіе люди русскаго народа.

«Но избирательные законы были составлены чиновниками такъ плохо, что въ думу стали проходить не лучшіе, а худшіе представители народа русскаго, а инородцевъ или купленныхъ ими русскихъ стало проходить въ нее больше, чѣмъ русскихъ. Посему Государь Императоръ плохой избирательный законъ отмѣняетъ и замѣняетъ его новымъ. Всѣ-же права, дарованныя манифестомъ 17-го октября 1905 г., сохраняются. Мы и впредь будемъ имѣть законодательную, независимую отъ чиновниковъ и правительства и подчиненную лишь Государю Императору, думу, трудящуюся вмѣстѣ съ Имъ въ дѣлахъ законодательства и контроля надъ дѣйствіями правительства».

«Новое Время» говоритъ:

«Если въ данномъ случаѣ и можно говорить о *coup d'état*, то развѣ въ томъ исключительно формальномъ смыслѣ, что новый избирательный законъ изданъ въ порядкѣ верховнаго управленія, а не въ законодательномъ порядкѣ, который ставилъ государство въ безвыходное положеніе при невозможности провести необходимое измѣненіе выборнаго закона черезъ ту самую думу, неудовлетворительный составъ которой получился, именно, благодаря нелѣпому прежнему избирательному закону.

«Чтобы создать выходъ изъ положенія, созданнаго ст. 87 основныхъ законовъ, т. е., изъ положенія, безвыходнаго для юридической, узко формальной логики, не оставалось ничего другого, какъ сдѣлать то, что сдѣлано, т. е., измѣнить избирательный законъ помимо думы и безъ ея участія.

«Государь Императоръ взялъ на Себя, на Свою отвѣтственность предъ Богомъ и исторіей, совершить это дѣло, чтобы спасти сущность и основы новаго государственнаго порядка и обезпечить привлеченіе къ народному представительству и къ возложенной на него законодательной дѣятельности дѣйствительно «лучшихъ людей» земли русскою.

«Мы увѣрены, что народъ нашъ пойметъ истинную сущность совершеннаго преобразования и его важность для сохраненія цѣлости и достоинства Россіи и для возстановленія столь необходимаго намъ внутренняго мира. Здравый государственный смыслъ, которымъ такъ богатъ русскій народъ, подскажетъ ему отнестись къ этой переменѣ какъ должно, то есть, спокойно и съ сознаніемъ, что эта переменна сдѣлана для блага Россіи».

«Русь» пишетъ:

«Что второй думѣ суждено что-либо сдѣлать,—въ это мало кто вѣрилъ. Реальнаго отъ нея ожидали только крестьяне, и впечатлѣніе среди крестьянъ и крестьянскихъ депутатовъ осо-

бенно тяжело—есть и будетъ. Новый избирательный законъ въ своей сущности изложенъ въ текстѣ манифеста, гдѣ и указывается, какимъ именно нововведеніямъ въ немъ правительство придаетъ особенное значеніе. Въ отличіе отъ указа, которымъ распушена была первая дума, указъ о роспускѣ второй контрассигнованъ предѣдателемъ совѣта министровъ и назначаетъ срокъ начала выборовъ—1-го сентября.

«Въ теченіе одного года страна испытала двѣ выборныхъ кампаній, двѣ сессіи государственной думы, два роспуска ея. Политическое сознание населенія расширилось чрезвычайно. Ему многое уяснилось; все положеніе, все хозяйство страны народъ сталъ видѣть несравнимо отчетливѣе и шире, чѣмъ до того. Народное представительство стало прочнымъ приобретеніемъ его сознанія.

«Манифестъ заключаетъ въ себѣ опрѣделенный обвинительный актъ противъ распушенной думы. Новый избирательный законъ указываетъ, при помощи какихъ силъ населенія правительство рассчитываетъ выдти изъ надвинувшихся затрудненій, уже второй годъ ожидающихъ рѣшенія народнаго представительства».

«Свободная Мысль» говоритъ: «Новый избирательный законъ, какъ ожидаютъ, создастъ такую думу, въ которой въ оппозиціи окажутся октябристы и въ лучшемъ случаѣ г. Родичевъ займетъ мѣсто Алексинскаго. Мы, судя по новому выборному закону, несомнѣнно идемъ по австрійскому пути. Но австрійскій путь—тяжелый путь. Избирательный законъ Австріи давалъ огромныя преимущества помѣщикамъ и богатымъ людямъ, выдвигая на первое мѣсто всемогущихъ аграріевъ. Но это неравенство не можетъ не принести результатовъ въ видѣ усиливающейся классовой розни. Австрійскій избирательный законъ построенъ не только на сословныхъ, но и на національныхъ основахъ. И въ то время, какъ первое влечетъ обостреніе сословной розни—второе неразлучно съ острой распрей національностей. И если очевидно, какъ вредны всякой государственности проявленія и обостренія классовой, сословной и национальной распри, то очевидно и то, какъ опасенъ австрійскій путь».

«Петербургская Газета» говоритъ: «Кромѣ избирательнаго закона, направленіе выборамъ дается условіями выборной агитаціи. Въ этомъ отношеніи было сдѣлано многое, чтобы извѣстнымъ образомъ направить избирательную борьбу, но нельзя не признать, что усилія администраціи не отличались дальновидностью и ея расчеты плохо оправдались. Принимались мѣры преимущественно къ тому, чтобы не допустить въ думѣ кадетскаго большинства, а между тѣмъ, кадетская партія оказалась единственною работоспособною, и только она одна могла бы вести уму въ прогрессивно-государственномъ духѣ, если бы состоялось ея сближеніе съ министерствомъ. Придавалось огромное значеніе образованію въ думѣ значительной правой партіи, а между тѣмъ, эта партія обнаружила такую изумительную бездарность, что могла только разочаровать оптимистовъ, предполагавшихъ присутствіе умственной и нравственной силы въ реакціонныхъ группахъ. Всѣ выступленія крайнихъ правыхъ въ думѣ отличались по меньшей мѣрѣ такимъ-же скан-

дальнымъ характеромъ, какъ и выходы крайнихъ дѣвухъ, и притомъ съ большою примѣсью самаго убогаго шутовства».

«Петербургскій Листокъ» пишетъ: «Вторую думу постигла участь первой. Указъ 3-го іюня о роспускѣ ея есть не что иное, какъ обвинительный актъ. Такіе обвинительные акты похожи на скорбные листы, въ которыхъ день за днемъ отмѣчается ходъ болѣзни, пока она не обрывается смертью. Вторая дума умерла, но да здравствуетъ третья! Эта третья будетъ выбрана уже въ сентябрѣ и созвана въ ноябрѣ, но по новому избирательному закону. Вторая дума уже отошла въ область исторіи. Она погибла какъ разъ въ тотъ моментъ, когда отъ словъ перешла къ дѣлу. Можно пожалѣть о томъ, что и на этотъ разъ столько усилій наладить дѣло пошло на смарку. Но самыя искреннія сожалѣнія не могутъ измѣнить историческаго факта».

«Товарищъ» говоритъ: «Будучи отраженіемъ настроенія въ странѣ, вторая дума была спокойнѣе и трезвѣе, чѣмъ была первая дума. Иною была ея тактика и инымъ было пониманіе реальнаго соотношенія силъ. Но одинаковы съ первой думой были ея цѣли и требованія, поставленные во главу угла. Представительство своимъ участіемъ въ выборахъ оказалось въ силахъ повліять лишь на личный составъ представительства, но не на его характеръ. И это лучше всего доказываетъ, что вторая дума осуществляла требованія, которыя широко и глубоко коренятся въ странѣ. Всякое народное представительство выставитъ тѣ-же основныя требованія, какія были выставлены первой и второю государственными думами, и, съ другой стороны, чтобы эти требованія представительство не выдвинуло, нужно, чтобы оно было не народнымъ. Таковъ главный выводъ, который дала намъ умершая дума. Что потеряно страной съ думою? Это то, что соединено со всякимъ народнымъ представительствомъ: надежды нормальнымъ путемъ достигнуть удовлетворенія назрѣвшихъ нуждъ; условія политическаго воспитанія народа и тотъ способъ, который болѣе всего служить правильному направленію дѣйствующихъ и борющихся силъ въ странѣ. Теперь эти надежды, условія и способъ болѣе не существуютъ. Страна вновь обречена существовать въ хаосѣ, гдѣ дѣйствуетъ лишь стихія—непосредственные импульсы и случайность».

«Рѣчь» пишетъ: «Роспускъ второй гос. думы совершенно, во всѣхъ отношеніяхъ, не похожъ на состоявшійся почти годъ назадъ роспускъ первой. Тогда этотъ роспускъ (какъ тогда говорили — разгонъ) свалился какъ снѣгъ на голову, произвелъ ошеломляющее дѣйствіе; теперь—напротивъ—слухи о роспускѣ возникли, какъ это ни странно съ перваго взгляда, еще до созыва думы, и въ этой атмосферѣ тревоги, подъ натискомъ упорной агитаціи за государственный переворотъ, дума прожила всѣ 3½ мѣсяца своей поистинѣ мучительной жизни. Нужно хорошенько помнить это обстоятельство при оцѣнкѣ всего поведенія и въ частности работоспособности думы, выдержавшей — и независимо отъ этого — экзаменъ безусловно удовлетворительно».

Новый избирательный законъ.

Со слѣдующаго выпуска „Клада“ мы начнемъ печатаніемъ новое положеніе о выборахъ въ государственную думу; это представляется особенно важнымъ ввиду назначенія на сентябрь мѣсяцъ текущаго года выборовъ въ третью государственную думу, которые будутъ произведены согласно новому закону. Здѣсь-же мы приведемъ въ общихъ чертахъ его сущность,

Первое, что бросается въ глаза при взглядѣ на новый избирательный законъ,—сильное сокращеніе общаго числа депутатовъ.

Полное число членовъ второй государственной думы должно было составить 518, а въ третью думу войдутъ всего 442 депутата, т. е., на 76 менѣе.

Интересно, какъ составляется эта цифра 76. Общее число депутатовъ по Европейской Россіи (кромѣ Польши), по словамъ „Пет. Листка“, сокращено всего на 9 (съ 412 на 403), зато Польша потеряла убыль въ 23 депутата (съ 37 на 14), Кавказскій край въ 19 (съ 29 на 10) и Азіатская Россія въ 25 (съ 40 на 15).

Второе—сильное уменьшено число городовъ съ самостоятельнымъ представительствомъ. Въмѣсто 26 городовъ, послывавшихъ во вторую думу депутатовъ непосредственно, оставлено всего 6 (С.-Петербургъ, Москва, Одесса, Кіевъ, Рига и Варшава). Между прочимъ, выкинуты гор. Тифлисъ, Ташкентъ и Иркутскъ, давшіе социаль-демократовъ—Зурабова, Наливкина и Мандельберга. Не уцѣлѣлъ также Кишиневъ, избравшій знаменитаго П. А. Крушевана.

Въ самой Европейской Россіи уменьшено число депутатовъ отъ нѣкоторыхъ окраинныхъ губерній (отъ Вятской—на 5, отъ Пермской—на 4, отъ Уфимской—на 2, отъ Оренбургской—на 1), а также отъ Кіевской—на 2. Зато прибавлено по 1 депутату: губ. Петербургской и Псковской, городамъ—Кіеву, Одессѣ и Ригѣ.

Что-же касается такъ называемыхъ выборщиковъ, то здѣсь измѣненія по новому закону гораздо еще чувствительнѣе.

Уменьшено (кромѣ рабочихъ) не только общее число выборщиковъ (съ 5.754 на 5.291) по Европейской Россіи, но кореннымъ образомъ измѣнено и процентное соотношеніе разныхъ группъ этихъ выборщиковъ.

При выборахъ во вторую думу, напрымѣръ, въ числѣ выборщиковъ по Европейской Россіи состояло 2.454 уполномоченныхъ отъ

волостей, т. е., 42⁰/₁₀₀ общаго числа, а избирать на губернскихъ сѣздахъ въ третью думу будутъ всего 1.337 крестьянъ, составляющихъ лишь 25⁰/₁₀₀ общаго числа выборщиковъ.

Наоборотъ, выборщики отъ землевладѣльцевъ, по старому закону представлявшіе лишь 34⁰/₁₀₀ всѣхъ выборщиковъ, по новому закону составятъ уже 49⁰/₁₀₀, т. е., почти половину всѣхъ участниковъ въ губернскихъ сѣздахъ.

Численно группа выборщиковъ отъ землевладѣльцевъ возросла съ 1.946 на 2.619, т. е., на 673.

Преобладаніе землевладѣльцевъ надъ крестьянами на новыхъ выборахъ еще ярче отгѣняется тѣмъ, что по старому закону изъ 51 губ. Европейской Россіи въ 14 губ. крестьяне давали болѣе половины всѣхъ выборщиковъ и въ 31 превышали число представителей отъ землевладѣльцевъ, а пять уполномоченные отъ волостей уступаютъ владѣльцамъ во всѣхъ губерніяхъ. Въ 36 губерніяхъ при выборахъ въ третью думу выборщики отъ землевладѣльцевъ составятъ половину или болѣе общаго числа.

Городскіе выборщики по новому закону разбиваются на два разряда—высшій и низшій, которые избираютъ независимо другъ отъ друга. Въ общемъ, въ массѣ выборщиковъ, горожане по новому закону составятъ около 26 процентовъ; изъ всего числа городскихъ выборщиковъ—1335, на высшій разрядъ падаетъ 764, а на низшій 571.

Рабочіе въ пяти вышеупомянутыхъ самостоятельныхъ городахъ избирательнаго права лишены вовсе, а по всей Европейской Россіи число ихъ выборщиковъ сильно сократилось: съ 208 на 122, т. е., на 96. Изъ этихъ 96 на 5 перечисленныхъ городовъ приходится 52, а на губерніи 44.

Величина земельного ценза по разнымъ уѣздамъ противъ положенія о выборахъ 6-го августа 1905 г., оставшагося въ этой части въ силѣ и при выборахъ во вторую думу,—не измѣнена.

„Новое Время“ такъ передаетъ основныя черты новаго закона. Основа избирательнаго права сохранена прежняя—имущественный цензъ. Сохранены и особыя куріи: крестьянская и фабрично-заводскихъ рабочихъ; сохранены также отдѣльныя куріи для землевладѣльцевъ съ подраздѣленіемъ на имѣющихъ полный цензъ и не имѣющихъ полного ценза; къ послѣднимъ попрежнему отнесены и представители церковнаго землевладѣнія—духовенство.

Сохраненъ особый сѣздъ городскихъ избирателей, но съ существеннымъ отличіемъ отъ прежняго, а именно: городскіе избиратели дѣлятся по новому закону на два разряда—на крупныхъ плательщиковъ и мелкихъ, причемъ къ послѣднимъ отнесены и всѣ представители такъ называемаго „третьяго элемента, живущіе какъ въ

городахъ, такъ и въ уѣздахъ, и количество выборщиковъ отъ каждаго изъ этихъ сѣздовъ опредѣляется суммою представляемыхъ ими полныхъ цензовъ, что, конечно, даетъ крупнымъ плательщикамъ важныя преимущества. Въ большихъ городахъ, какъ столицы или немногіе другіе, гдѣ сохранено отдѣльное представительство (Кіевъ, Рига, Варшава и Одесса), первый и второй разряды получаютъ по одинаковому числу членовъ въ думу и—что особенно интересно—въ этихъ городахъ новымъ закономъ вводятся прямыя выборы, т. е., каждый, имѣющій право участія въ выборахъ, будетъ подавать голосъ за то лицо, которое хочетъ выбрать въ члены думы. Выборы здѣсь будутъ производиться особо каждымъ изъ упомянутыхъ двухъ разрядовъ, и, наприм., въ Петербургѣ изъ 6 членовъ думы 3 будутъ избираться крупными плательщиками и 3—мелкими, т. е., всѣми остальными.

Но самое существенное отличіе новаго избирательнаго закона отъ прежняго состоитъ въ томъ, что на губернскихъ сѣздахъ выборщиковъ прежде всего выбирается всѣми выборщиками по одному члену отъ крестьянъ, отъ землевладѣльцевъ и отъ городскихъ избирателей, а гдѣ полагается—и отъ рабочихъ, и ужъ затѣмъ губернское собраніе выберетъ остальное число членовъ положенное на каждую губернію. Такимъ образомъ, депутаты отъ крестьянъ будутъ выбираться по одному отъ каждой губерніи не одними крестьянами, какъ было, а всѣми губернскими выборщиками.

Затѣмъ, наравнѣ съ крестьянствомъ новый законъ обезпечиваетъ избраніе въ думу, по крайней мѣрѣ, по одному представителю отъ землевладѣльцевъ и отъ горожанъ; среди послѣднихъ новый законъ, какъ сказано, обезпечиваетъ важное преимущество лицамъ, имѣющимъ большой цензъ. Дальнѣйшее главное отличіе новаго закона—это сокращеніе числа депутатовъ отъ окраинъ, причемъ въ губерніяхъ Виленской и Ковенской, а также Люблинской и Сѣдлецкой, и Варшавѣ русскому населенію обезпечены отдѣльные представители.

Не лишено значенія, что устройство предварительныхъ сѣздовъ допускается съ дѣленіемъ ихъ на отдѣлы не только по мѣстностямъ, какъ было прежде, но также по роду ценза и по національностямъ, что въ практическомъ отношеніи имѣетъ весьма существенное значеніе. По прежнему закону, напр., сѣзды мелкихъ землевладѣльцевъ объединяли всѣхъ неполюноцензовыхъ избирателей этого разряда, какъ имѣющихъ значительное владѣніе, такъ и обладающихъ всего нѣсколькими десятинами или даже саженьями земли. Число выборщиковъ отъ такихъ сѣздовъ опредѣлялось по суммѣ цензовъ, ими представляемыхъ, слѣдовательно, зависѣло всего больше отъ числа большеземельныхъ участниковъ, а, между тѣмъ, рѣшающій голосъ на выборахъ принадлежалъ большинству мелкоземельныхъ. Теперь эту

несообразность легко устранить, выдѣливъ большеземельныхъ въ особый отдѣлъ.

При смѣшанномъ населеніи по національностямъ то-же самое происходило съ представителями отдѣльныхъ національностей. Такъ, на примѣръ, на прошлыхъ выборахъ въ Волынской губ. выборщики-евреи проходили на этихъ сѣздахъ въ значительномъ числѣ, благодаря тому, что участіе на сѣздахъ православнаго духовенства съ крупными земельными владѣніями мѣстныхъ церквей опредѣляло большое число выборщиковъ отъ этихъ сѣздовъ, а по числу избирателей преобладали евреи съ ничтожными цензами и, имѣя на этихъ сѣздахъ большинство голосовъ, выбирали своихъ. Наконецъ, арендаторы и управляющіе имѣніями, которымъ прежній законъ давалъ избирательныя права наравнѣ съ самими землевладѣльцами (чѣмъ такъ злоупотребляли крупные польскіе помѣщики въ Западномъ краѣ), совсѣмъ устранены отъ участія на землевладѣльческихъ избирательныхъ сѣздахъ.

„Безъ сомнѣнія, измѣненіе избирательнаго закона, разъ оно было предпринято, могло-бы быть произведено не въ подробностяхъ только, но и въ самыхъ основаніяхъ. Однако, такая работа требовала-бы, конечно, и большаго времени, и, главное, того, чего мы, къ несчастію, не имѣемъ—болѣе спокойнаго и уравновѣшеннаго состоянія духа. Во всякомъ случаѣ,—заканчивается „Н. В.“,—и тѣ измѣненія, которыя сдѣланы, значительно улучшаютъ условія выборовъ въ интересахъ русскихъ государственности и народности“.

Отмѣна для большихъ центровъ двухстепенныхъ выборовъ и замѣна ихъ прямыми не можетъ оказать вліянія на исходъ выборовъ именно потому, что она касается только большихъ городовъ, а не всѣхъ избирательныхъ округовъ.

Въ отношеніи окраинъ новый избирательный законъ отличается полною опредѣленностью. Число депутатовъ отъ инородцевъ будетъ сильно сокращено, и вмѣстѣ съ тѣмъ появятся депутаты отъ мѣстнаго русскаго населенія. Не трудно предвидѣть, что послѣдніе будутъ принадлежать къ правымъ партіямъ. Въ Туркестанѣ выборы совсѣмъ отмѣняются.

Всѣ эти мѣры—простыя и рѣшительныя. Весьма возможно, что онѣ обезпечатъ третьей думѣ огромное правое большинство, въ особенности въ связи съ условіями, вносимыми въ политическую жизнь исключительными положеніями, чрезвычайными охранами и—надо предвидѣть, замѣчаетъ „Н. Газ.“,—пониженіемъ общественнаго интереса къ избирательной борьбѣ и народному представительству.

Аграрный психозъ.

Статья Н. В. Алексѣева.

I.

При государственной думѣ второго созыва, вскорѣ-же послѣ ея открытія, была организована такъ называемая аграрная комиссія, причѣмъ эта комиссія первымъ долгомъ занималась разработкой аграрныхъ программъ, такъ сказать, „приведеніемъ ихъ къ одному знаменателю“, которымъ возможно было-бы удовлетворить политическимъ вкусамъ всѣхъ народныхъ представителей безъ различія лагерей и партій. Въ какой степени успѣшно велась эта работа—сказать трудно, такъ какъ вообще вся работа гг. народныхъ изобранныхъ, кромѣ „работы языка“ (подразумѣваю общія засѣданія думы), производилась далеко не „на виду у общества“. О работѣ той или иной думской комиссіи проникали въ печать случайныя, отрывочныя свѣдѣнія, такъ что оцѣнка подобной работы является почти невозможной.

Я не скажу, что труды думскихъ комиссій были умышленно задрапированы завѣсой таинственности отъ любознательнаго обывателя. Нѣтъ, мнѣ кажется, что вѣрнѣе то предположеніе, что самъ обыватель очень мало интересовался этими трудами. Общее вниманіе приковано къ открытымъ засѣданіямъ думы, газетные отчеты о которыхъ такъ часто изобилуютъ громкими фразами и остроумно переданными гг. журналистами „картинками думскихъ нравовъ“. Повѣствованіе гг. думскихъ хроникеровъ о думскихъ засѣданіяхъ—вотъ что занимало вниманіе нашего просвѣщеннаго общества. На основаніи подобныхъ „повѣствованій“ (рѣдко на ознакомленіи со стенографическими отчетами) наша интеллигенція выводитъ „свои“ заключенія о дѣятельности думы. Дальше этого ея любознательность въ большинствѣ случаевъ не распространяется, а потому и понятно, что ежедневная пресса удѣляла мало мѣста на своихъ столбцахъ сообщеніямъ о трудахъ думскихъ комиссій, посвященныхъ детальной разработкѣ того или иного вопроса русской жизни. „Гдѣ нѣтъ вопроса—тамъ нѣтъ и предложенія“, гласитъ азбучная истина политической экономіи.

Въ какой степени право общество, интересующееся только внѣшней стороною думы—я не рѣшусь сказать, но, что вниманіе общества было сосредоточено именно на этой внѣшней сторонѣ дѣла, фактъ, очевидный безъ доказательства.

Вообще отношенія къ думѣ народа и такъ называемаго интеллигентнаго общества крайне характерны. Народъ ждетъ отъ думы разрѣшенія насущнѣйшихъ жизненныхъ вопросовъ и хотя въ массѣ искони настроенъ довольно скептически въ смыслѣ вѣры въ чьи-либо заботы о его благополучіи, онъ какъ-будто и возлагалъ на думу кое-какія надежды и упованія. По крайней мѣрѣ депутаты ежедневно получали много самыхъ разнообразныхъ писемъ изъ различныхъ уголковъ нашей родины, писемъ, по смыслу и содержанию доказывающихъ, что народъ считаетъ думу „печальницей“ о его нуждахъ. Разумѣется, большая часть корреспонденціи заключала въ себѣ ходатайство крестьянской части населенія о „земль-кормильцѣ“. Да оно и понятно: „у кого что болитъ, тотъ про то и говорить“... Во всякомъ случаѣ отношенія народа къ думѣ носятъ болѣе или менѣе опредѣленный характеръ. Народъ смотритъ на думу, какъ на защитницу его интересовъ, и, поскольку допускаетъ прирожденный скептицизмъ, возлагаетъ на нее надежды въ смыслѣ улучшения своего благосостоянія.

Какъ никакъ, а запросы и надежды народа, обращенные къ народному представительству можно формулировать тремя словами: „заступись, помоги, дай“... Народъ понимаетъ, сознаетъ эти запросы и надежды; они вырываются не случайно—долгіе вѣка безправія и нищеты ихъ выработали.

Иное отношеніе къ думѣ интеллигенціи, требованія которой не могутъ быть такъ просто и убѣдительно сформулированы. „Общество“ не только не выработало опредѣленныхъ требованій къ народному представительству, но даже до сихъ поръ не уяснило себѣ того положенія, которое оно должно занять по отношенію къ этому представительству. Во всякомъ случаѣ, взаимоотношенія „общества“ и думы до сихъ поръ характеризуются крайней неопредѣленностью...

Если крестьянство относится къ думѣ нѣсколько скептически, то отношенія къ ней общества крайне разнообразны; есть въ нихъ и умпленіе, и восторженность, и песимизмъ, и оптимизмъ, и презрѣніе, и чрезвычайное довѣріе, снисходительность, терпимость и всё вообще чувства, которыя свойственны „культурнымъ натурамъ“ нашей передовой, умѣренной и отсталой интеллигенціи. Наряду со столь разнообразными „чувствованіями“, разумѣется, разнообразны и требованія, предъявляемые „обществомъ“ къ народному представительству. Эти требованія столь сложны, что точная формулировка ихъ почти невозможна. Если-же нѣсколько заняться психологіей общества, то... выводы окажутся далеко не въ пользу нашей интеллигенціи. Прежде всего невольно придется отмѣтить полную неопредѣленность политическихъ надеждъ и стремленій общества. Чего оно хочетъ, чего ищетъ, чего ждетъ отъ думы? А разъ нельзя дать общій от-

вѣтъ на эти три роковые вопроса, то... нечего и ждать отъ общества какого-бы то ни было положительнаго содѣйствія „думскимъ работникамъ“. Гдѣ нѣтъ ясно намѣченной цѣли, тамъ не можетъ быть и производительнаго творческаго труда...

Таковы отношенія общества къ думѣ, такой-же неопредѣленностью характеризуются и его отношенія къ жизненнымъ вопросамъ страны.

Я отнюдь не намѣренъ вновь нападать на нашу интеллигенцію за ея болѣе чѣмъ пассивное отношеніе къ народнымъ нуждамъ и полное бездѣйствіе въ такое время, когда необходима общая, дружная культурная работа по обновленію родины. На эту грустную тему уже достаточно говорилось. Меня наиболѣе интересуеетъ, такъ сказать, патологическое отношеніе общества къ одному изъ главнѣйшихъ вопросовъ страны—именно къ аграрному. Что это отношеніе является патологическимъ — отрицать трудно. Стоить только внимательно всмотрѣться въ отношенія нашей интеллигенціи къ аграрному вопросу, и прежде всего невольно бросаются въ глаза горячность, страстность, нетерпимость и, если можно такъ выразиться, суетливость нашей интеллигенціи въ ея взглядахъ и стремленіяхъ къ разрѣшенію этого наболѣвшаго вопроса, увы! чрезвычайно преувеличеннаго и поставленнаго въ завѣдомо неправильной формулировкѣ. А разъ имѣются страстность, нетерпимость, горячность при обсужденіи того или иного вопроса, то очевидно, что отношеніе къ нему тѣхъ или иныхъ лицъ или общества болѣзненное, то есть, патологическое. Жаръ, безпокойство — признаки болѣзненнаго состоянія животнаго организма; подобное заключеніе справедливо и по отношенію къ совокупности организмовъ—къ обществу...

Патологическое отношеніе общества къ аграрному вопросу тѣмъ болѣе трагично, что оно передается и народной массѣ, принимая или угрожая принять эпидемическій характеръ. Въ данномъ случаѣ, разумѣется, приходится опасаться не за гибель интеллигенціи (для нея аграрная горячка врядъ-ли явится смертельной), а за тѣ страшныя страданія, которыя придется перенести нашему крестьянству, если „горячка“ проникнетъ въ деревню.

Нѣтъ ничего страшнѣе болѣзни, принявшей эпидемическій характеръ. Наука и ея жрецы — врачи безсильны въ борьбѣ съ той или иной эпидеміей, особенно, когда она распространяется въ темной, невѣжественной деревенской массѣ. Мрачная, неумолимая, она „коситъ жатву жизни“ и только тамъ, гдѣ она сталкивается съ культурой, ея губительныя силы слабѣютъ и она сама гибнетъ. Страшна эпидемія, свирѣпствующая въ крестьянствѣ, возмутительно и преступно ея развитіе въ интеллигентныхъ массахъ...

У насъ какъ разъ въ настоящее время наблюдается развитіе „аграрной горячки“ или „психоза“ среди интеллигенціи—такъ ска-

зять, культура модной болѣзни—„аграроманіи“. Эта болѣзнь считается „благородной“ въ нашемъ обществѣ, она удивительно гармонируетъ съ неврастеніей, истеріей, декадентствомъ.

Я эту „болѣзнь“ считаю преступной, такъ какъ она развивается искусственно, а на ея „культываторовъ“ смотрю съ такимъ-же негодованіемъ, съ какимъ всякій здоровый человекъ смотритъ на завѣдомаго „венерика“, ухаживающаго за невинной дѣвушкой... Въ этой „болѣзни“ я не вижу „страданія за младшаго брата“, а замѣчаю стремленіе „общества“ навязать народу новыя страданія. Это тѣмъ болѣе преступно, что наша деревня страдаетъ многими недугами (отсутствіе правосознанія, неграмотность и т. п.), уврачевать которые, казалось-бы, должно было „общество“, занятое въ настоящее время культивированіемъ новой болѣзни—„аграроманіи“.

„Аграрный психозъ“, наблюдаемый въ наши жуткіе дни среди интеллигенціи, возникъ на почвѣ невѣжества, инертности и лѣни русскаго общества. Мнѣ это возникновеніе психоза представляется такимъ образомъ. Будучи отъ природы инертно, наше „общество“ болѣе или менѣе искренне сочувствовало, сострадало безотрадному состоянію народа. Долгіе годы дальше состраданія дѣло не шло. Когда-же потребовалась помощь народу, когда стало невозможно отыгрываться одиѣмъ только сочувственными фразами — „общество“ ухватилось за первую навязанную ему формулу, якобы разрѣшающую cardinalный вопросъ народнаго благосостоянія. „Народъ страдаетъ отъ безземелья. Необходимо отдать ему всю землю“ — вотъ фарисейская формула, якобы разрѣшающая аграрный вопросъ.— „Народу необходимы земля и воля“. „Земля и воля“—вотъ горячечный бредъ нашей интеллигенціи, зараженной модной болѣзью—„аграроманіей“.

Если-бы эти „фразы“ произносились не въ бреду, то, разумѣется, иначе, какъ преступными или наивными, ихъ назвать было-бы трудно. Но эти „фразы“ — бредъ. „Общество“, дѣйствительно, охвачено „психозомъ“. И этотъ психозъ — не случайность, и „страданія“ интеллигенціи за народъ — не притворство. Это — какъ-бы точнѣе выразиться? — это — наследственное отвращеніе русскаго полунинтеллигента къ работѣ. Наши современные „аграроманы“ имѣютъ великолѣпнѣйшій прототипъ въ лицѣ того „сострадательнаго барина“, про котораго такъ зло рассказывалъ Пигасовъ въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ И. С. Тургенева, того „барина“, который страшно суетился, пыхтѣлъ и потѣлъ, когда его „люди“ втаскивали на паромъ тяжелую коляску. „Состраданіе“ пигасовскаго барина къ „людямъ“ выразилось потомъ, пыхтѣньемъ, свѣтамъ, крайне утомившими эту „чуткую натуру“, а заодно и „людей“, которымъ въ ихъ тяжелой работѣ... страшно мѣшало барское „состраданіе“.

Вотъ этотъ-то „баринъ“ невольно воспоминается мнѣ въ наши

аграрные дни, когда я присматриваюсь и прислушиваюсь къ нашей интеллигенціи, „изъ состраданія“ мѣшающей народу и думѣ поднять тяжкую аграрную ношу... Но „баринъ“—только смѣионъ, а современные „сочувствователи“—крайне опасны. Втаскиваніе барской коляски на паромъ—дѣло не легкое, но разрѣшеніе аграрнаго вопроса—крайне сложная государственная задача. Тутъ всякаго рода совѣты, пыхтѣнье и потѣнье не только неумѣстны, но и преступны. Работать долженъ всякій, но работать сознательно. Болтовня „сочувствіе“ и навязываніе непродуманныхъ способовъ должны быть совершенно исключены изъ русской жизни.

Нечего стѣсняться, нашъ народъ—не по своей, конечно, винѣ—и дикъ, и невѣжественъ, а въ послѣднее время и отоцалъ страшно. Помочь ему необходимо, но необходимо эту помощь оказать съ большимъ вниманіемъ и осторожностью...

Всѣмъ извѣстно, что долго голодавшему человѣку нельзя сразу дать обильную пищу, такъ какъ несоотвѣтствіе силъ организма съ количествомъ пищи влечетъ за собою смерть голоднаго. Извѣстно, что въ такихъ случаяхъ питаніе производится съ большой осторожностью въ первое время по возстановленіи силъ организма. Лишь только тогда, когда голодъ утоленъ и организмъ окрѣпъ для возстановленія силъ, разрѣшается усиленное питаніе. Дать голодному цѣлый хлѣбъ—значитъ толкнуть его на самоубійство...

Точно тѣ-же правила необходимы и при разрѣшеніи аграрнаго вопроса, въ составъ котораго входитъ не одно только безземелье, но и (что особенно важно) духовный голодъ нашего пахаря. Навязываніе ему современныхъ „модныхъ“ аграрныхъ программъ—не что иное, какъ содѣйствіе его самоубійству.

Въ самомъ дѣлѣ, при наличности „духовнаго голода“ подачка крестьянину земли не только не спасетъ, но и не поддержитъ его благосостоянія, такъ какъ оскудѣніе крестьянства есть, помимо другихъ причинъ, результатъ его вѣковаго невѣжества. Обострившееся мѣстами экономическое положеніе крестьянства, безусловно, требуетъ полнаго уничтоженія причинъ, породившихъ это безотрадное положеніе. Одной изъ этихъ причинъ, разумѣется, является полная несостоятельность формъ современнаго землепользованія и она-то (уподобленная нами голоду) нуждается въ немедленномъ уничтоженіи, вопросъ-же о землевладѣніи—вопросъ второстепенной важности.

„Врачи-аграроманы“ борются или проповѣдуютъ борьбу не съ причиной, а со слѣдствіемъ, что и является характернымъ признакомъ ихъ политическаго отношенія къ одному изъ серьезнѣйшихъ вопросовъ государства... Для того чтобы поддержать ослабѣвшій народъ, вернуть его къ жизни, необходимо сообщить ему жизненное начало, а не декадентскія утопіи, для этого прежде всего необходима

культурная работа самого общества, на которую оно, повидимому, не желает тратить свои „интеллигентныя“ силы...

II.

Аграрныя „истерика“, то бишь, интеллигентныя „сочувствователи“ видят залогъ народнаго благополучія въ удовлетвореніи якобы сознанный пародою (вѣрнѣе, созданной ихъ интеллигентной фантазіей) потребности въ „землѣ и волѣ“. Исходя изъ несовѣмъ выгоднаго для „общества“ представленія о его патологическомъ состояніи, мы позволимъ себѣ называть подобное отношеніе къ аграрному вопросу „истерическимъ“, а гг. сторонниковъ „разрѣшенія“ вопроса по шучьему велѣнію—аграрными „истериками“.

Стремленіе (разумѣется, платоническое) нашего „общества“ разрѣшить аграрный вопросъ отдачей всѣхъ земель крестьянству знаменуетъ собою полную несостоятельность этого „общества“. Въ самомъ дѣлѣ, защищая (словами и только словами) принципъ принудительнаго отчужденія, „общество“ какъ-бы впередъ отказывается отъ дальнѣйшей помощи деревнѣ. Предлагая крестьянству „всю землю“ (ненужную и въ большинствѣ случаевъ не принадлежащую „интеллигенціи“), „общество“ такъ-же морочитъ крестьянъ, какъ, помните, „водила за носъ“ Митю Карамазова г-жа Хохлакова въ романѣ Ф. М. Достоевскаго „Братья Карамазовы“, когда Митя пришелъ просить у нея денегъ займа. Онъ просилъ у нея 1.000 рублей. Она обѣщала ему „больше, много больше“. Митя воспрянулъ духомъ, но когда объясненіе приняло рѣшительный характеръ, то обнаружилось, что г-жа Хохлакова совѣмъ и не думала давать Митѣ деньги, которыхъ у нея и не было, но что она совѣтовала ему использовать сибирскіе золотые прииски. Г-жа Хохлакова была истеричка—передовая женщина, кое-что читала и ей понравилась статейка, вычитанная „случайно“ въ какой-то брошюркѣ, гдѣ говорилось о дѣйственныхъ богатствахъ Сибири. „Статьейка“ ей такъ понравилась, она такъ „отъ слова до слова“ повѣрила всему въ ней сказанному, что когда увидѣла истерзаннаго „позоромъ“ Митеньку, то рѣшила выручить его... совѣтомъ. Когда несчастный Карамазовъ понялъ, что онъ одураченъ „искреннею дуροю Хохлаковой“, онъ плюнулъ и выбѣжалъ изъ ея дома...

Наше крестьянство въ худшемъ положеніи, чѣмъ Митя Карамазовъ; наша интеллигенція, хотя и имѣетъ много общихъ чертъ съ „невѣрующею дамою“ Хохлаковой, но въ смыслѣ отношенія къ чужому горю—„наивнѣе“ ея. Хохлакова искренне „полагала“, что митенькино счастье въ золотопромышленности, „г-жа интеллигенція“ не искренняя, такъ какъ сама отлично сознаетъ, что одной земли мало. Итъ, наше общество, схожее съ г-жей Хохлаковой по истеріи,

уступаетъ ей въ искренности. Оно не наивно, а крайне эгоистично слѣдуетъ пословицѣ: „на тебѣ, небоже, что намъ не гоже“. Интеллигенціи земля не нужна, она ее и отдаетъ народу, дополняя свой „даръ“ еще болѣе платоническимъ „привѣскомъ“—волей.

Наши „рыцари на часъ“, вѣдь, „учились понемногу чему-нибудь и какъ-нибудь“, а потому понимаютъ, что дословное повтореніе 1861-го года, когда наряду съ освобожденіемъ крестьянъ отъ грѣбной зависимости послѣдовало ихъ экономическое закрѣпощеніе—въ настоящее время не удобно. Одной земли мало—нужна еще и „воля“. Но что такое „воля“, наше „общество“ знаетъ только по наслышкѣ, да и то плохо. Само „оно“ никогда не было свободнымъ, хотя и врьдъ-ли сознавало свое порабощеніе...

Вѣдь, истинная свобода воспринимается не однимъ только слухомъ, а о свободѣ у насъ до сихъ поръ лишь только говорилось да читалось. Вѣдь, истинная свобода—полная независимость отъ чужой воли, отъ посторонняго вліянія, а развѣ въ нашемъ „обществѣ“ много своего, оригинальнаго? Есть у насъ индивидуальность? Не знаю, какъ по-вашему, читатель, а по-моему—нѣтъ или очень мало... „Переимчивость“—свойство русскаго „общества“, таланты котораго не распространяются дальше передѣлки... Откуда-же здѣсь взяться не только проповѣди, но даже и представленію о культурной свободѣ, о волѣ духа? Или, можетъ быть, „Челкаши“ да „Макары Чудра“, да „проходимцы“, да „Мальви“ (герои М. Горькаго)—истинные пионеры русской свободы? Если такъ, то и гг. „погромщики“—„вольные люди“, такъ какъ для нихъ, какъ говорится въ пословицѣ, „законы не писаны“....

Но не о такой, очевидно, „волѣ“ для народа „шабаршить“ наша интеллигенція... Однако, то, что знаменуетъ собою истинную свободу и независимость личности—несвойственно и нашей интеллигенціи, такъ какъ она болѣе, чѣмъ крестьянство, привыкла къ рабству—рабству позорнѣйшему, чѣмъ то, которое нѣкогда являлось у насъ узаконеннымъ—къ рабству мысли... Быть рабомъ по непривыкнутаго происхожденію, быть рабомъ ради „куска хлѣба“—положеніе не завидное, кто противъ этого будетъ спорить, но быть убѣжденными рабами „чужой идеи“—позоръ, позоръ и позоръ...

Бывая на всякаго рода митингахъ и собраніяхъ (съ цѣлью изученія нашей интеллигенціи), я много слышалъ всяческихъ болѣе или менѣе остроумныхъ афоризмовъ, парадоксовъ и „звонкихъ фразъ“. На митингѣ женщинъ—„сторонницъ женскаго равноправія“—часто слышалась „звонкая“ и чрезвычайно пошлая фраза: „Сынъ рабыни не можетъ быть свободнымъ гражданиномъ“... Впервые услышавъ эту фразу, произнесенную „сверхъ-передовой“ ораторшей, я подумалъ, что я ослышался. Ужъ очень страннымъ казалось мнѣ подобное по-

ложеііе, присоединенное въ защиту женскаго равноправія. Если принять эту фразу, думалъ я, то, значить, сейчасъ немислимо освобожденіе Россіи, такъ какъ значительная часть крестьянства въ настоящее время является дѣтми не только рабынь, но и „рабовъ“. Абсурдъ... Но, когда я дошелъ до „абсурда“ и хотѣлъ выкинуть изъ памяти фразу—ее вновь повторила другая ораторша. Я не вѣрилъ своимъ ушамъ, но „фраза“, очевидно, понравилась и въ теченіе всего вечера разъ двадцать была повторена всяческими (преимущественно женскими) голосами. Оказалось, что столь пессимистическое заключеніе о „рабскихъ дѣтяхъ“ (нигдѣ въ мірѣ не подтвержденное, впрочемъ, исторіей) приводилось въ качествѣ убѣжденія въ необходимости женскаго равноправія. Меня эта „мысль“ крайне забавляла и я свое временно, говоря объ этомъ собраніи въ одномъ ежедневномъ изданіи, позволилъ себѣ вышутить „женщинъ“. Ну, и досталось-же мнѣ за эту шутку...

Но нелѣзная, дикая фраза, оказывается, имѣетъ свое жизненное значеніе: она вполне приложима къ нашей интеллигенціи, когда послѣдняя сѣтуеть за народную волю. „Волю“ для народа въ качествѣ лекарства прописываютъ тѣ, которые нпкогда не знали „воли“, будучи искони „рабами чужого разума“.

„Врачу, исцѣлися самъ“—вотъ что слѣдуетъ замѣтить нашему „обществу“ по поводу его „радѣнія“ о народной „воли“...

Ну, о „воли“, пожалуй, пока и довольно. Я—не поэтъ новѣйшей школы (decadance) и потому не умѣю облекать ругань въ изящныя формы. Говоря-же о „вольныхъ“ идеалахъ нашего общества, невольно приходится ругаться...

Поговоримъ лучше, читатель, о „землѣ“ (благо тема-то модная). Ну-съ, крикъ „земля и воля“ я назвалъ фарисейскимъ; относительно „воли“ обругался, теперь, значить, слѣдуетъ болѣе или менѣе доказать свое право на „ругань“. Извольте.

Я позволилъ себѣ замѣтить, что интеллигенція потому предлагаетъ землю крестьянству, что сама въ ней не нуждается. Это вѣрно, но съ оговорками. „Ратуя“ за благополучіе пахаря, „общество“ не нуждается въ землѣ, потому что земледѣльческое хозяйство—въ настоящее время—одно изъ наименѣе доходнѣйшихъ въ смыслѣ приращенія процентовъ на основной капиталъ. Это ясно не только для интеллигентовъ, но и для „кулаковъ-промышленниковъ“. Старыя системы хозяйства являются явно убыточными. Переходъ къ новымъ требуетъ затраты личнаго труда и специальныхъ знаній. „Къ черту агрикультуру и аграріевъ! что за хозяйство, коли только, да и то съ натяжкой, 10—15 процентовъ годовыхъ!“—вотъ какъ-бы я охарактеризовалъ взгляды интеллигентныхъ аграріевъ, хотя-бы гг. „кадетовъ“, бойко будирующихъ въ

пользу принудительнаго отчужденія. Но это — еще „сознательные“ элементы нашего общества. Другіе говорятъ противъ земельной собственности, никогда ею не владѣя, такъ что ихъ этотъ вопросъ лично не затрагиваетъ.

Но они, „вершителѣ аграрныхъ судебъ“, глубоко заблуждаются. Отчужденіе касается и ихъ, такъ какъ, сколько мнѣ извѣстно, большая часть частновладѣльческихъ земель находится въ залогѣ у земельныхъ банковъ. Вы знаете, что это значить? Это значить, что если у васъ есть „кое-какія“ сбереженія въ процентныхъ бумагахъ, то... то въ случаѣ торжества принципа „отчужденія“ вы первый теряете свое состояніе.

„Ерунда! — возразите вы. — При чемъ мой личный, трудовыя сбереженія и аграрная реформа?“

Однако, ознакомьтесь съ наукой о финансахъ, уважаемый читатель, и вы поймете, что ваши личные интересы тѣсно связаны съ... частнымъ землевладѣніемъ. Если вы незнакомы съ банковыми операціями, то подождите двѣ недѣльки — я васъ введу въ курсъ дѣла въ статьѣ „Земля и частныя средства“...

Пока-же позволю себѣ замѣтить, что, „ратуя“ за передовыя аграрныя программы, „общество“ сѣчетъ не только себя, но и крестьянина, такъ какъ послѣдній въ большинствѣ случаевъ является самъ „собственникомъ“. Я, однако, не падаю духомъ, хотя и — горячій сторонникъ частнаго землевладѣнія, такъ какъ изучилъ не только психологію нашего пахаря (совершенно исключаящую принципъ „Земля Божья“), но и большую часть литературы, посвященной развитію аграрнаго вопроса во всѣхъ государствахъ міра.

Нигдѣ ученіе о „вѣвладѣльчествѣ земли“ не привилось. Не привьется оно и въ Россіи, гдѣ особенно развито у народа чувство собственности... Если-бы временно и восторжествовало ученіе о „вѣвладѣльчествѣ земли“, то есть, о ея социализаціи или націонализаціи, то жизнь скоро разрушила-бы „утопію“ экономическимъ (да еще какимъ) кризисомъ, излечивъ нашу родину отъ аграрнаго „психоза“...

Но неужели намъ придется пройти чрезъ великій мракъ и преграды аграрной вакханаліи? Неужели не найдется среди нашего общества (въ лучшей его и наиболѣе интеллигентной части) такихъ членовъ, которые, понявъ все безобразіе „психоза“, не зададутся роковымъ вопросомъ: „чѣмъ все это кончится?“ — и не призовутъ своихъ „сознательныхъ“ сочленовъ къ работѣ по оздоровленію отъ „истерій“ родины и къ удовлетворенію ея насущнѣйшихъ потребностей?..

Пусть „истеріки“ балуютъ свои „утонченные нервы фантазіями“ — не они, а истинные друзья народа должны протянуть ему руку помощи; тогда и „психозъ“, и „декадентчина“ не будутъ страшны...

Безработные.

Вотъ уже третій годъ злѣйшимъ, душанцимъ кошмаромъ висятъ надъ Петербургомъ и Россіей «безработные»... Что это такое? Почему эти люди «безработные»? Ужели на громадномъ пространствѣ государства, въ предѣлахъ котораго солнце никогда не заходитъ, изсякла всякая работа и нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ людей невозможно прокормить себя и свои семьи трудами своихъ рукъ? Быть этого не можетъ, никогда, никогда! Нѣтъ въ данный моментъ работы въ Петербургѣ, есть она въ Москвѣ, въ Кіевѣ, въ Золотоношахъ, или еще гдѣ-нибудь тамъ; не можетъ быть, чтобы работы не было! она есть, но ее нужно искать. «Ищите и обряцете», а подъ лежачій камень и вода не течетъ...

Да и откуда взятъся нищеть, если, судя по сообщеніямъ свободительныхъ газетъ, дѣла даже отдѣльныхъ союзовъ и дутьъ, всюду, заработокъ повышается, и не благодаря труду который недавно еще являлся единственнымъ источникомъ всяческаго благоденствія, а благодаря... забастовкамъ, т. е., ничегонедѣланію, сидѣнію по кабакамъ за сороковками, лодырничанью и вообще «всякой жизни въ полное свое удовольствіе».

Но вѣрите? Извольте! Въ «освободительной» газетѣ профессора Ходскаго «Товарищъ» на дняхъ появилось таксе сообщеніе о собраніи выборныхъ отъ петербургскихъ типографій «Рѣшено было передать всѣ дѣла бывшаго союза рабочихъ печатнаго дѣла разрѣшенному на дняхъ «Обществу рабочихъ печатнаго дѣла». Изъ доклада секретаря выяснилось, что въ послѣдніе 4 мѣсяца проведено было свыше 40 забастовокъ, поднявшихъ заработную плату на 200.000 руб. въ годъ».

Новый рецептъ благоденствія весьма быстро оказалъ свое дѣйствіе. Да и еще-бы не оказать! Каждому, вѣдь, изъ современныхъ «сознательныхъ товарищей» куда какъ лестно повысить свой заработокъ такой пріятной работой, какъ «отреченіе отъ прежняго міра» до положенія ризъ въ столичныхъ кабакахъ. И себѣ пріятно, и правительству не безвыгодно: графъ Витте, вѣдь, памятникъ создалъ себѣ нерукотворный и давно уже

«Всѣмъ предписано бумагою —
Возликуй честной народъ! —
Охмелительною влагою
Содержать войска и флотъ!».

И вотъ, какъ только «рецептъ благоденствія» сталъ извѣстенъ, подъ рубрикой «Хроника профессиональнаго и рабочаго движенія» въ томъ-же «Товарищѣ» занестрѣли въ изобиліи такіа сообщенія (беремъ наугадъ № 273 и № 275):

Въ типографію «Общественная Польза» поступила работа изъ типографіи «Вольфа», объявленная подъ бойкотомъ; рабочіе

отказались выполнить эту работу. — В типографии акционерного общества «Слово» среди рабочих началось брожение; администрация предъявлены целый ряд экономических требований. Переговоры ведутся с представителями союза рабочих печ. дѣла. — В типографии «Самokatъ» рабочие предъявили целый ряд экономических требований, в удовлетворении которых отказано. Рабочие забастовали. — В типографии Акинѣева также вспыхнула забастовка. — В типографии Вейермана забастовка продолжается. — Продолжаются забастовки: в «Столичной типографии», в типографии морского министерства, на ново- и старо-сампсоньевской мануфактурѣ, рѣво-островской мануфактурѣ; на ящичной фабрикѣ Алексеевыхъ и машиностроительномъ заводѣ Струка. Забастовавшими рабочими машиностроительного завода Струка предъявлены слѣдующія требованія: 1) признаніе депутатовъ; 2) заработная плата чернорабочихъ не должна быть меньше 1-го рубля в день; 3) введеніе 9-ти часового рабочаго дня; 4) вѣжливое обращеніе и т. д. — Забастовали рабочие лѣсопильнаго завода Александра. Причина забастовки: отказ администраціи отменить штрафы за празднованіе 1-го мая. — Ввиду продолжающейся забастовки в литографии при шоколадно-бисквитной фабрикѣ Бликгена и Робинсона, администрація фабрики для исполненія спѣшной своей литографской работы обратилась къ литографу Маркуса со своими заказами. Рабочие Маркуса отказались исполнить этотъ заказъ. — В Москвѣ опять вспыхнуло движеніе среди типографскихъ рабочихъ. Во главѣ движенія стали рабочие типографіи, они предъявили ряд новыхъ экономическихъ требованій: увеличеніе расцѣнокъ на 25 проц., двухнедѣльные отпуски съ сохраненіемъ содержанія и т. д. Для принятія этихъ требованій товариществу Сытина данъ былъ двухнедѣльный срокъ. Ввиду того, что эти требованія были отвергнуты, рабочие типографіи, въ числѣ 900 человекъ, прекратили работы и объявили забастовку, которая тотчасъ-же отозвалась въ другихъ типографіяхъ, преимущественно крупныхъ. У Кушнерева работающіе на наборныхъ машинахъ предъявили требованіе отмены сдѣльной платы и установленія мѣсячнаго жалованья. В другихъ типографіяхъ также неспокойно и собирается разразиться новый типографскій кризисъ».

«Въ который уже разъ? — спрашиваетъ уже отъ себя «освободительная газета».

«Въ который разъ» — сказать трудно, — счетъ потерянъ, но несомнѣнно, что всѣ эти забастовки — дѣло выгодное, иначе кто-же настолько, по выраженію И. Ф. Горбунова, «подлецъ своей собственной жизни», чтобы бастовать только ради того, чтобы потомъ голодать вмѣстѣ съ семьями?

Это — одинъ выводъ изъ сообщеній почтенной «освободительной газеты». Другой навязывается самъ собой: стало быть, работа есть, но сами господа «сознательные товарищи» не хотятъ работать, будучи въ полной увѣренности, что путемъ своего безработнаго состоянія, т. е., путемъ отказовъ отъ работы — забастовокъ, они смоугъ поднять свой заработокъ.

Но тогда что-же значатъ такіа строки, напечатанныя въ другой «освободительной газетѣ» — Руси», занимающейся въ настоящее время «кормленіемъ безработныхъ»:

«Много пришлось перенести и видѣть тяжелыхъ сценъ, — рассказываетъ сотрудникъ этой газеты, завѣдующій «Прямой помощью». — Голодъ обнаружился на этотъ разъ въ своихъ настоящихъ формахъ—въ формахъ тяжелаго человѣческаго страданія. При видѣ поднятой руки съ бѣлымъ номеркомъ въ пальцахъ, сотни рукъ протягивались къ этой дающей рукѣ, сотни глазъ смотрѣли съ мольбой, съ остервененіемъ, съ ужасомъ на этотъ бѣлющій клочекъ и оспаривали другъ у друга обладаніе имъ. Эти тянущіяся руки и горящіе лихорадочно глаза вселяли невольный ужасъ въ душу раздававшимъ билеты. Велико должно быть страданіе, заставляющее людей съ такимъ ожесточеніемъ, давя, царапая и тѣсня другъ друга добиваться этого лоскутка бумажки. Билетъ невольно дрожалъ въ рукѣ...

«Ждали (безработные—пайковъ) съ половины второго часа ночи!.. А вы знаете, что многіе изъ ожидавшихъ съ четырехъ часовъ утра получили желанный паекъ лишь въ 4 часа дня. Ждали на дворѣ двѣнадцать часовъ, чтобы получить на 48 часовъ нищи... Никто изъ васъ не ждалъ такъ долго любимаго человѣка, непрерывно читатель? И не всѣ выдерживали такое ожиданіе. Одна беременная женщина, ожидавшая что-то тоже около 12 часовъ на дворѣ, войдя, наконецъ, въ контрольную комнату, внезапно поблѣднѣла и неудобно, какъ-то свѣсившись на бокъ головой, медленно опустилась на полъ. Когда къ ней подошли, она была въ глубокомъ обморокѣ... Она была го-лодна...

«Вопросъ о трудѣ на устахъ безработныхъ. Они хотятъ работать во что-бы то ни стало.

«— Все равно, какой-бы ни былъ заработокъ, — говорилъ одинъ изъ посѣщающихъ «Прямую помощь», — только-бы работать, работать... Я помѣшаюсь, если не достану работы. Когда я не работаю,—я боленъ, у меня такая тоска, что хоть повѣстись или утопиться!—Онъ повернулъ руки ладонями вверхъ и грустно поглядывая на нихъ продолжалъ: — не мои руки... Не узнаю ихъ. Нѣтъ мозолей, честныхъ, трудовыхъ. Бабы руки! Эдакія руки только для подачекъ и годны... Вотъ ходишь сюда... Не хочу подачекъ, не хочу быть тунеядцемъ! Давайте работы. Не нужно мнѣ вашихъ пайковъ!..

«Онъ внезапно обозлился и сталъ грубъ. Въ манерѣ говорить, въ быстро мѣняющихся выраженіяхъ лица чувствовалась какая-то болѣзненная нервность».

Не правда-ли, трогательно? Какое горе, какая великая любовь къ работѣ! Какое святое стремленіе къ святому труду! И злые изверги не даютъ этого труда, не хотятъ дать работу бѣднымъ труженикамъ:

«Голодай, чтобъ они пировали!»

Такъ! Ну, а рецептъ-то благоденствій куда-же дѣвался. Или тамъ—«мы», а здѣсь—«насъ»? Что-же подѣлать-то! На войнѣ какъ на войнѣ.

«Нашимъ потомъ жирѣютъ обжоры
И послѣдніе соки въ насъ пьютъ!»

И теперь? Да гг. «безработные» это сказать никакъ не могутъ. Никто теперь ихъ соковъ не пьеть, а они, они...

Нѣсколько фактовъ, неоспоримостъ которыхъ внѣ всякаго сомнѣнія, такъ какъ они или сообщаются телеграммами специальныхъ агентствъ, или совершались у всѣхъ на глазахъ. Вотъ эти факты.

Разъ:

10-го мая, утромъ, на фабрикѣ товарищ. бумагопрядильной мануфактуры К. В. Гергарда, по Выборгской набережной, въ Петербургѣ, прибывшій къ началу работъ директоръ фабрики Эдуардъ Говартъ въ корридорѣ, ведущемъ въ прядильню, былъ тяжело раненъ выстрѣломъ изъ револьвера. Пуля попала ему въ шею и вышла изъ праваго глаза. Выстрѣлъ сдѣланъ сзади; стрѣлявшій, повидимому, находился въ засадѣ. По словамъ раненаго, это былъ молодой человекъ, по виду рабочій. Онъ скрылся. Произведенною немедленно проверкою рабочихъ фабрики установлено, что наличный ихъ составъ во время злодѣйскаго покушенія былъ на своихъ мѣстахъ во всѣхъ мастерскихъ. Работы въ нихъ послѣ убійства прекратились. Раненый въ вызванной каретѣ скорой помощи отвезенъ въ клинику бар. Виллие. Положеніе его внушаетъ опасеніе.

Два:

10-го мая, въ 3 часа пополудни, на Заходной улицѣ предъ домомъ № 37 въ Лодзи совершено нападеніе на директора технического отдѣла мануфактуры Познанскаго, Давида Розенталя, шедшаго на занятія на фабрику. Трое неизвѣстныхъ лицъ окружили его, причемъ одинъ изъ нихъ кинжаломъ нанесъ ему въ грудь и плечо 3 глубокихъ раны, отъ которыхъ Розенталь немедленно скончался.

Три:

19-го мая, около часа дня, въ городскую управу дали знать по телефону объ убійствѣ въ Галерной Гавани двухъ городскихъ инженеровъ, стоявшихъ во главѣ производящихся въ Гавани общественныхъ работъ—В. Х. Берса и Д. В. Нюберга. Извѣстно, что работы по подъему въ Галерной Гавани единственные, оставшіяся въ рукахъ безработныхъ. Наканунѣ общее присутствіе управы поручило особой комиссіи опредѣлить размѣры необходимыхъ работъ. Сборнымъ пунктомъ для комиссіи было назначено зданіе Васильевской части. Къ 10 часамъ утра сюда должны были прибыть городской голова и его товарищъ, всѣ члены городской исполнительной комиссіи по общественнымъ работамъ и интересующіеся этими работами гласные. Собравшіеся вышли изъ зданія Васильевской части и направились по Большому пр. къ Гаванской улицѣ. Къ комиссіи присоединились и нѣсколько депутатовъ отъ безработныхъ, которые давали осматривавшимъ работы разьясненія.

Инженеры Берсъ и Нюбергъ пошли впереди. Изъ-за угла Остоумовой ул. навстрѣчу имъ вышли двое неизвѣстныхъ. Подойдя къ инженерамъ почти вплотную, неизвѣстные, выхвативъ изъ кармановъ револьверы, сдѣлали въ упоръ одинъ за другимъ нѣсколько выстрѣловъ. Оба инженера упали, а злодѣи продолжали въ нихъ стрѣлять. Смерть обоихъ послѣдовала почти моментально. Несчастный Берсъ успѣлъ только испустить

легкій стонъ. Первые выстрѣлы попали обоимъ жертвамъ въ голову.

Членъ городской управы I. Ф. Оношковичъ-Яцына первый закричалъ о помощи и обратился къ сопровождавшимъ ихъ безработнымъ съ просьбой задержать убійцъ, которые, сдѣлавъ свое кровавое дѣло, пустились бѣжать по Остоумовой ул. Но безработные не тронулись съ мѣста. Онъ бросился тогда къ постовому городскому, но послѣдній заявилъ, что охраняетъ какой-то ящикъ и не можетъ отлучиться съ мѣста. Пораженные всѣмъ происшедшимъ, представители города бросились въ участокъ.

Черезъ полчаса на мѣстѣ происшествія была пѣшая и конная полиція, а затѣмъ и судебныя власти.

Гласные бросились съ мѣста катастрофы въ городскую думу и здѣсь въ 2 часа дня открылось экстренное засѣданіе управы.

Между прочимъ, выяснилось, что къ инж. Ньюбергу въ день его смерти обратились нѣсколько человекъ безработныхъ съ заявленіемъ, что при новыхъ расцѣнкахъ невозможно производить работы. Ньюбергъ сослался на комиссію безработныхъ и заявилъ, что всѣ не желающіе стать на работу будутъ замѣнены другими. Никакихъ другихъ обстоятельствъ, которыя дали бы поводъ къ убійству, не удалось пока выяснить.

Совѣщаніе коснулось затѣмъ судьбы обездоленныхъ семей убитыхъ инженеровъ и дальнѣйшей дѣятельности комиссіи о безработныхъ. Но рѣшить эти вопросы вълѣдствіе перваго состоянія членовъ не удалось. Послѣ засѣданія городской голова съ нѣсколькими очевидцами убійства отправился къ градоначальнику съ докладомъ о случившемся.

Осмотромъ труповъ убитыхъ инженеровъ установлено, что Берсъ смертельно былъ раненъ въ голову однимъ выстрѣломъ. Ньюбергу были причинены двѣ раны въ голову: одна пуля пробилла високъ, другая затылочную часть головы. Третья пуля прострѣлила околышъ его фуражки и вышла черезъ ея тулью, не коснувшись черепа. Послѣ выстрѣловъ стоявшая поблизости группа безработныхъ, человекъ въ двѣнадцать, разбѣжалась въ разные стороны и было замѣчено, что изъ нихъ шестеро побѣжали по направленію къ Малому проспекту Гавани, двое по Остоумовой ул., въ концѣ которой совершено убійство, и четверо по сосѣднему Гаваньскому полю. Возвзонованные и растерявшіеся сначала члены городской комиссіи, оправившись отъ первоначальнаго тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго на нихъ ужаснымъ преступленіемъ, убѣдились въ невозможности задержать убійцъ. Ни бывшіе поблизости рабочіе, ни городской, котораго они нашли въ недалекомъ разстояніи отъ мѣста убійства, не пытались преслѣдовать злодѣевъ. Городовые увѣряли, что онъ не имѣетъ права отойти отъ поста. Нѣкоторые члены комиссіи увѣряютъ, что ими были замѣчены стрѣлявшіе, что одинъ изъ злодѣевъ былъ молодой человекъ съ усами, другой—безусый юнецъ, оба они были въ свѣтлой одеждѣ. По наружности ихъ судя, это были рабочіе.

Лишь черезъ полчаса послѣ убійства на мѣсто преступленія явились докторъ и полицейскіе чины. Докторъ Гордонъ, осмотрѣвъ трупы, констатировалъ смерть, причемъ установилъ, что раны причинены пулями браунинговъ. Трупы инженеровъ были

покрыты простынями и пролежали на мостовой до осмотра судебнымъ елѣлователемъ. Вскорѣ прѣвѣхала супруга одного изъ убитыхъ, Д. К. Нюберга. Тяжело было смотрѣть на горе бѣдной молодой женщины, пораженной злодѣяніемъ, неожиданно унесшимъ въ могилу безвиннаго близкаго ей человѣка. Въ 5 час. дня явились гробы, трупы были уложены въ нихъ и отвезены въ больницу св. Маріи-Магдалины на Васильевскомъ Островѣ, гдѣ было произведено вскрытіе.

Явившаяся на мѣсто полиція, въ составѣ конныхъ и пѣшихъ, вооруженныхъ винтовками городовыхъ, оцѣпила мѣстность. Прибыль также эскадронъ казаковъ. На улицахъ Гавани появились разѣзды и патрули. По сосѣдству съ мѣстомъ убійства скопилось множество народа. Около городской конторы стропильныхъ работъ въ Галерной Гавани, находящейся въ той-же мѣстности, начались шумныя пререканія въ толпѣ окружавшихъ контору рабочихъ, которые, однако, были разсѣяны казаками. Контора охранялась послѣ этого весь день нарядомъ городскихъ.

По поводу убійства, жертвой котораго сдѣлались инженеры Берсъ и Нюбергъ, «Н. Вр.» сообщило, что, какъ теперь выяснилось, нѣсколько дней назадъ на квартиру къ покойному В. А. Берсу явился какой-то неизвѣстный молодой человѣкъ. Покойный принялъ его. Незвѣстный показывалъ покойному какія-то письма, говорилъ громко и рѣзко. Домашнимъ показалось, что покойный отвѣчалъ неизвѣстному также рѣзко. Бесѣда имѣла характеръ ссоры и кончилась тѣмъ, что покойный Берсъ вы проводилъ неизвѣстнаго, который удался не прощаясь. Берсъ никому ничего не сообщилъ о предметѣ разговора съ незнакомцемъ и лишь теперь, послѣ загадочнаго преступленія, обращено вниманіе на этотъ случай, быть можетъ, находящійся въ связи съ убійствомъ Берса.

Четыре:

22-го мая. По доставленнымъ въ Лодзь свѣдѣніямъ, въ фабричномъ посадѣ Здунская Воля на почвѣ партійной мести, на улицѣ, среди бѣлаго дня, убитъ извѣстный тамошній фабрикантъ Фредрихъ Куске. Убійцы скрылись.

Пять:

22-го мая, около 6 часовъ вечера, работы въ мастерскихъ городского трамвайнаго Мюсскаго парка въ Москвѣ уже заканчивались. Инженеръ Крепсъ вмѣстѣ съ монтеромъ Студенецкимъ обошелъ всѣ мастерскія, начавъ съ отдѣленія для мелкаго ремонта. Въ токарно-механической мастерской находился кабинетъ главнаго инженера, куда Крепсъ и направился. Суতোлка въ мастерской, какъ обыкновенно предъ заключеніемъ работъ, была въ самомъ разгарѣ: машины гремѣли, гулъ кричавшихъ голосовъ старался ихъ покрыть, все это создавало такой шумъ, что револьверный выстрѣлъ долженъ былъ оказаться слабымъ звукомъ и не обратить на себя вниманіе.

Рабочіе видѣли, какъ прошелъ Крепсъ къ своему кабинету; вслѣдъ затѣмъ большинство мастеровъ спѣшило къ умывальнику и вотъ тутъ-то нѣкоторые изъ нихъ съ удивленіемъ замѣтили, что вдругъ Крепсъ упалъ навзничь и при паденіи ударился головой о трамвайное колесо. Но онъ вскорѣ всталъ, про-

шелъ еще нѣсколько шаговъ и, крикнувъ: «меня убили», упалъ вновь на порогъ кабинета, у стола конторщика.

Когда мастера подбѣжали къ инженеру Крепсу, онъ былъ уже при смерти. Моментально нѣсколько человекъ бросились къ телефону, но всѣ полицейскіе участки оказались занятыми и до свѣдѣнія градоначальника о происшедшемъ убійствѣ было доведено только черезъ полчаса. Въ мастерскую пріѣхали градоначальникъ, его помощникъ, судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ, 2 товарища прокурора и другіе слѣдственные и полицейскіе чины, во главѣ съ начальникомъ сыскной полиціи.

Большинство рабочихъ уже разошлось; всѣ-же оставшіеся были задержаны и допрошены. Кто, какъ, въ какой моментъ убилъ инженера Крепса—ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ опредѣленнаго отвѣта не получилось. Нѣкоторые рабочіе еще говорили, что они слышали одинъ или два выстрѣла; но ни одинъ не видѣлъ стрѣлявшаго.

Осмотръ тѣла убитаго показалъ, что онъ былъ убитъ одной пулей, которая, сначала ранивъ лѣвую руку, проникла въ сердечную область. Скончался инженеръ Крепсъ всего черезъ 1½—2 минуты послѣ полученія раны.

Въ теченіе всего вечера, въ который было совершено убійство, п.ночи полиція ходила по квартирамъ разошедшихся рабочихъ и доставляла ихъ для допроса. Но что-либо ясное и опредѣленное выяснить не удалось. Насколько можно предположительно нарисовать картину убійства на основаніи пока собраннаго матеріала, дѣло происходило такъ. Въ мастерскую пробрался убійца, не принадлежавшій къ составу мастеровъ, но хорошо знавшій порядокъ и ходъ работъ. Зная, что инженеръ Крепсъ къ 6 часамъ пройдетъ, по обыкновенію, въ свой кабинетъ, убійца спрятался за притолокой и оттуда выстрѣлилъ, вѣрно расчитавъ, что звукъ выстрѣла не обратитъ на себя вниманіе.

Инженеръ Крепсъ, какъ извѣстно, игралъ большую роль въ недавней трамвайной забастовкѣ и однимъ изъ главнѣйшихъ требованій рабочихъ было удаленіе его съ должности. Городская управа, чтобы парализовать остроту отношеній между рабочими и Крепсомъ, дала ему заграничную командировку, а по его возвращеніи намѣревалась командировать его вновь на заводы, гдѣ строятся трамвайные вагоны; но Крепсъ рѣшительно возсталъ противъ этого и просилъ, чтобы его оставили на прежнемъ мѣстѣ, такъ какъ онъ считалъ себя безусловно правымъ и обязаннымъ оставаться на опасномъ посту.

Въ послѣднее время Крепсъ получалъ много предупрежденій о рѣшеніи, принятомъ противъ него; передаютъ, что одинъ рабочій прямо лично угрожалъ ему смертью, но Крепсъ оставался непоколебимымъ и уйти изъ Міусскаго парка не хотѣлъ.

Московская городская управа увѣрена, что это убійство—не результатъ личной мести, а совершено по партійнымъ рѣшеніямъ. Трамвайные служащіе полагаютъ, что убійство организовано не рабочими Міусскаго парка, а или террористическимъ кружкомъ, или единоличнымъ революціонеромъ-фанатикомъ.

Шесть:

26-го мая, въ часъ дня, къ возвращавшемуся съ занятій на

обѣдъ директору прядильной мануфактуры Познанскаго, въ Лодзи, французскому подданному Эдуарду Рейсу, на Заходной улицѣ, вблизи фабрики Познанскаго, подошелъ рабочій, прося принять его на работу. Не успѣлъ Рейсъ отвѣтить, какъ незнакомецъ открылъ стрѣльбу изъ браунинга и тремя пулями убилъ Рейса нановаль. Сопровождавшій послѣдняго другой директоръ фабрики, французъ Шелькопъ, успѣлъ спастись. Убийца скрылся.

Террористическіе акты противъ директоровъ мануфактуры Познанскаго принудили оставшихся въ живыхъ подать въ отставку, такъ что крупная мануфактура остается безъ руководителей, тѣмъ болѣе, что владѣльцы, вслѣдствіе террора, переселились давно въ Берлинъ. Занимавшій до объявленія локаута мѣсто одного изъ директоровъ механическаго отдѣла инженеръ Стефенсонъ по открытіи фабрики больше въ Лодзь не вернулся. Два директора—Розенталя и Рейсъ—убиты; братъ убитаго Розенталя, также занимавшій мѣсто одного изъ директоровъ механическаго отдѣла, немедленно послѣ гнуснаго преступленія, покинулъ Лодзь навсегда. Главный директоръ и завѣдующій бѣлильной—англичанинъ, инженеръ Горроксъ, и директоръ набивной—химикъ Шелькопъ подали въ отставку. Оба на-дняхъ покинули Лодзь. Остался лишь одинъ директоръ ткальни, Швейцарець, назначенный на должность двѣ недѣли назадъ.

Семь:

Въ Нарвѣ, какъ передаетъ «Нов. Вр.» въ № 11207, рабочіе льнопрядильной мануфактуры изъ-за отказа въ прибавкѣ пяти копеекъ за день избили директора Отто Пельцера и бросили его въ рѣку; трупъ покойнаго найдены черезъ два часа.

Не довольно-ли! не вернуться-ли къ картинамъ, рисуемымъ «Русью»?

«Въ теченіе дня нѣсколько разъ подбѣгали безработные съ блѣдными, испуганными лицами. Въ волненіи, торопясь и безсвязно они сообщили намъ, что, по слухамъ, завтра еще съ двухъ заводовъ будетъ расчитана часть рабочихъ.»

«— Ради Бога, пожалуйте насъ, нашихъ дѣтей и женъ!— умоляли они дрожащими голосами,—вѣдь, тѣ тоже придутъ сюда. Откажите вы имъ... Вѣдь, мы погибнемъ, если не будете дальше намъ выдавать... Только теперь и оправились немножко... съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь насъ стали кормить... Не забудьте, не оставьте... мы умираемъ!..»

«Они рыдали, какъ дѣти, и смотрѣли на насъ съ горячей вѣрой. Мы успокаивали ихъ, какъ могли, и на душѣ было скверно и жутко.»

«Три раза въ пунктъ прибѣгалъ молодой исхудавшій рабочій съ растеряннымъ, перекошеннымъ лицомъ и, плача, умолялъ посовѣтовать, что ему дѣлать.»

«— Ребенокъ умираетъ...—съ глухими рыданіями рассказывалъ онъ,—при смерти... одинъ, какъ чертъ... одинъ у меня.. Былъ у доктора и вотъ далъ рецептъ на семь гривенъ, пошелъ въ аптеку; просилъ дать даромъ, видитъ Богъ, нѣтъ ни копейки за душой, на колѣна стала предъ ними, ноги цѣловалъ: «Дайте голубчики! умереть, вѣдь, единственный ребенокъ, ради всего святаго, чѣмъ хотите, потому отработаю!»—не дали... Что дѣлать?..»

«Онъ ломалъ руки и протягивалъ рецептъ»

Другой корреспондентъ тамъ-же рассказываетъ:

«—Вы холостой, Л.?—спросилъ я.

«Л. улыбается.

«— Женатый, ребенокъ есть восьми мѣсяцевъ. Только тяжело намъ приходится. Я, вѣдь, раньше на заводѣ 100 рублей получалъ. А теперь ничего. Жена совсѣмъ больна, да и ребенокъ тоже плохъ.

«— Что-же съ ними?

«— Кажется, чахотка у нея началась. А ребенка кормить нечѣмъ. Молоко дорого, а ѣсть просить, бѣдняга. Теперь вотъ ужъ которую ночь, почти глазъ не смыкая, надъ нимъ сижу, все хрипить, да стонеть,—говорять, легкія отекли. Жена все плачетъ, говоритъ: «Руки на себя наложу, немогогу»; худая стала, блѣдная, а была-то красавица, волосы-то были какіе!—Л. заломилъ пальцы, суставы хрустнули.—Ну, конечно, я смѣюсь, утѣшаю, говорю ей, что съ голодухи-то только смѣяться и можно, ажно животики подводить,—сытый будешь, такъ не засмѣешься, а у самого такъ всю душу и переворачиваютъ эти слезы. Ночью сидишь надъ нею да надъ ребенкомъ,—и такъ пусто и холодно, и страшно за нихъ... Вотъ, думаешь, дышать сейчасъ, жить, теплые, а еще мало времени пройдетъ,—перестанутъ дышать, похолодѣютъ; они-то, любимые!.. Страшно мнѣ по ночамъ, голубчикъ!.. Такъ сердце замретъ, замретъ и кричать хочется».

«Трогательно? не правда-ли? сердце надрывается, слезы на глаза невольно навертываются.

«Отречемся отъ прежняго міра,
Отряхнемъ его прахъ съ нашихъ ногъ,
Намъ не нужно золотого кумира».

Хорошо это выходитъ... Особенно, если спѣть хоромъ голосовъ, такъ въ тысячу, впереди «Красное знамя рветъ надъ нами», «Дружно, товарищи, въ ногу!..

А dalje изъ той-же «Руси» и причины причинъ..

«Говорилъ съ безработными,—разсказывалъ сотрудникамъ «Руси»,—объ ихъ прошломъ и видахъ на будущее. Такіе разговоры какъ-то глубже вводятъ въ самое сердце безработицы и даютъ возможность яснѣе проникнуться ихъ интересами.

Они не стѣсняются съ человѣкомъ, къ которому питаютъ довѣріе, и выкладываютъ ему всю свою измотавшуюся душу, часто полную ѣдкаго озлобленія на людей и на жизнь, которую имъ ничего не дали, кромѣ униженій и злобы.

«Обыкновенно это—тяжелыя повѣсти, повѣсти постепеннаго сведенія на-нѣтъ человѣческой жизни. Гдѣ-то далеко за гранью воспоминаній довольная, счастливая жизнь.

«— Я зарабатывалъ тогда до 150 руб. въ мѣсяць, держалъ квартиру для семьи, у насъ ни въ чемъ недостатка не было. Полная чаша. А потомъ съ 1905 года началось.

««Оно» началось, то страшное, что теперь захватило въ свои цѣпкія руки окраины Петербурга. Идеи не совсѣмъ понятныя, но странно близкія сердцу, какіе-то сильные духомъ люди кругомъ... Все это волновало, служило тысячь запросовъ. Забастовки, и расчетъ, и со 150 р. переходъ на ноль.

«— Я еще вѣрилъ тогда, думалось, время такое, скоро пройдетъ и опять все вернется. Раньше занималъ всю квартиру, а

когда перешелъ со своей семьей въ двѣ комнаты, другія стали сдавать. Поселились такіе-же, какъ я, безработные, что съ нихъ взять? Хозяинъ требуетъ плату, а платитъ нечѣмъ. Переехалъ въ кухню, потомъ въ переднюю, въ корридоръ... Выселили, наконецъ... И вотъ теперь ничего не знаю, все какъ въ туманѣ какомъ-то впереди... Живу въ углу со всей семьей...

«А уголь у безработнаго,—это право на обладаніе постелью въ маленькой комнатѣ, гдѣ еще живутъ нѣсколько такихъ-же угловыхъ жильцовъ. На постели помѣщаются онъ, жена и часто нѣсколько человѣкъ дѣтей. Всѣ на одной постели—на тюфякѣ въ два съ половиной аршина длины и полтора ширины.

« — Все, что было у меня, то заложено.

«Не думайте, читатель, что это—какіе-либо предметы хотя-бы хозяйственнаго употребленія. «Все, что было»,—это почти все бѣлье, платье, обувь, послѣдняя фуражка, такъ что иногда жена приходитъ на пунктъ въ чужихъ сапогахъ, одолженныхъ специально для этой надобности сосѣдкой, потому что мужъ не можетъ выдти изъ дома, не имѣя одежды.

« — Сначала мы ѣли кое-какъ каждый день,—слышится дальше,—все-таки достанешь и мяса, и хлѣба, и еще чего-нибудь, потомъ уже каждый день пошла селедка въ водѣ».

« — Это что такое?

« — А берется селедка и варится разрѣзанная по кускамъ въ водѣ. Воду хлѣбали, селедкой закусывали, Ничего, солоно. Потомъ весь день пьемъ воду отъ жажды все-таки не такъ голодь мучить .

« — А дѣти какъ-же?

« — Дѣти то-же ѣдятъ. А вотъ грудному, что умеръ недавно, тряпку въ водѣ намочимъ и сосеть цѣлый день и кричитъ, пока голоса не станетъ. Теперь до открытія «Прямой помощи» и совѣмъ иногда по два три дня не ѣли. Корокъ дѣтямъ собираемъ, а саміи ужъ такъ... спимъ...»

Когда убили Берса и Нюберга, гг. безработные замшеелись: постановили въ знакъ траура не работать два дня, а потомъ потребовали за эти проведенные ими «въ знакъ траура» дни съ петербургской городской управы деньги. Они даже вѣнки возложили на тѣла убитыхъ, но возмщенія затрать на вѣнки не потребовали: нужно-же, вѣдь, какъ-нибудь выразить свое горе!

Но вотъ въ «Свѣтъ» появилось слѣдующее сообщеніе г. А—ва:

«Одинъ петербуржецъ, бывший на мѣстѣ убійства инженеровъ Нюберга и Берса полчаса послѣ совершения злодѣянія, рассказалъ намъ слѣдующее. На мѣстѣ убійства собралась большая толпа народа. Тамъ и сямъ видѣлись группы «виновниковъ торжества», т. е., самихъ безработныхъ. Нашъ собесѣдникъ съ неприятнымъ изумленіемъ замѣтилъ, что эти миланки вели себя нагло и развязно. Нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе натасканные по части революціи, громко и не стѣняясь присутствіемъ постороннихъ, одобряли злодѣяніе

«Кто-то изъ публики упрекнулъ хвалителей, напомнивъ имъ о томъ, что покойный Берсъ постоянно стоялъ въ думѣ за ихъ интересы. На этого смѣльчака сейчасъ-же накинута съ

угрозами и руганью цѣлая толпа. А загѣвъ одинъ изъ безработныхъ пустился въ такія приблизительно разсужденія:

«— Нѣтъ, польза отъ убійства была (!), вѣрнѣе—будетъ. Теперь другой инженеръ пусть будетъ считаться съ нашими требованіями работы для всѣхъ, а не для одной трети работающихъ въ Галерной гавани. Мы требуемъ, чтобы намъ давали работать каждый день, а не черезъ двѣ недѣли въ третью. Насъ 1500 человекъ, а работать даютъ только 500 рабочимъ, а 1000 человекъ ждутъ своей очереди и голодаютъ съ семьями. Если городъ не обратитъ вниманія и не разрѣшитъ вопроса о безработныхъ на этихъ дняхъ, мы не отвѣчаемъ за послѣдствія, вызванныя озлобленіемъ и голодомъ. (Каковы?) Вы говорите, Берсъ насъ защищалъ въ думѣ, а что-же отъ этой защиты мы стали сыты? Плачь голодныхъ дѣтей нашихъ затихъ? Нужда прекратилась? Работу намъ дали? Знаемъ мы эту защиту! Красивыхъ словъ наговорить на сытый желудокъ можно много, да какой толкъ отъ этого будетъ. Нужда и голодъ отъ этого у насъ не уменьшатся. Словъ много, да работы-то нѣтъ... Дайте намъ работы и тогда мы успокоимся,—говорили они самоувѣренно.—Вы вотъ теперь прѣбхали, а не знаете, что у насъ хотѣли отнять и этотъ жалкій кусокъ чернаго хлѣба изъ рукъ. Хотѣли ввести паровую тягу, а насъ вышвырнуть на улицу. Это хотѣлъ сдѣлать Берсъ по совѣту Нюберга, чтобы выслужиться предъ черносотенной думой! Они намъ платили по 65 копеекъ въ день. Раздѣлите эти ничтожные гроши на три дня. Развѣ можно на 20—25 коп. прокормить семью? Мы—не хулиганы и не нищія. Просить милостыню не будемъ. Мы требуемъ работы, а намъ не только ея не даютъ, но и послѣднюю грозятъ отнять паровой тягой! Что-же вы молчите? Можемъ мы быть довольны при этихъ условіяхъ? Отвѣчайте!..

«Такимъ образомъ разсуждаютъ гг. безработные».

«Свѣтъ» по поводу этой статьи говорить такъ:

«Г. А.—въ статьѣ («Безработныя разсужденія») даетъ прекрасные портреты тѣхъ ангеловъ во плоти, съ которыми приходится имѣть дѣло Петербургу и многимъ другимъ городамъ Россійской Имперіи.

«Въ самомъ дѣлѣ, выикните въ разсужденія этихъ господъ. Эти разсужденія ужасно просты. «У насъ нѣтъ работы и заработка,—говорятъ эти господа,—но мы имѣемъ право требовать работы и заработка и требуемъ ихъ. Дума намъ, правда, дала работу, но заработка малъ. Намъ нужно больше. И вотъ, чтобы добиться своего, мы угрожаемъ, мы убиваемъ, а если и теперь насъ не послушаютъ и не исполнять нашихъ требованій, то мы еще и не то сдѣлаемъ, весь Петербургъ вверхъ дномъ перевернемъ».

«Имѣеть-ли право каждый требовать, чтобы для него представлялись работа и заработокъ? Соціалъ-демократы отвѣчаютъ на этотъ вопросъ положительнымъ образомъ, но на самомъ дѣлѣ этотъ вопросъ отнюдь не такой уже безспорный. Безспорное нравственное право на сочувствіе своихъ ближнихъ (общества, государства) имѣеть право лишь такой труженикъ, который лишился или не можетъ найти работы или заработка не по своей винѣ. Но, вѣдь, къ разряду такихъ настоящихъ безработныхъ принадлежатъ далеко не всѣ прикрывающіеся

этимъ именемъ. Среди безработныхъ масса пьяницъ, лѣнтыевъ, хулигановъ, которые ни къ какому полезному труду не способны. Обязано-ли общество придумывать работу и кормить таковыхъ?

«Затѣмъ безработный, для котораго придумывается работа, долженъ быть скромнѣе въ своихъ требованіяхъ. Петербургскіе безработные кричатъ, что 20—25 коп. въ день—сумма для нихъ недостаточная. Охотно вѣримъ, но 20—25 к. лучше чѣмъ ничего, а, вѣдь, городъ и эту-то сумму платитъ только для того, чтобы ихъ кормить. Городу было-бы выгоднѣе платить по рублю настоящему рабочему-специалисту. Единственно филантропическія побужденія заставляютъ «черносотенную думу» тратить дорогіе четвертаки вмѣсто дешевыхъ рублей.

«Вообще говоря, претензіи этихъ гг. безработныхъ совершенно неосновательны и не логичны. На логику, впрочемъ, повидимому, и не упираютъ, а рассчитываютъ болѣе на воздѣйствіе иного рода: «Двухъ инженеровъ ухлопали, а не удовлетворите насъ, такъ еще лучше фокусъ выкинемъ!»—т. е., путь, по которому идетъ нашъ сбиваемый съ толка революціонерами и умственно убогій пролетаріатъ,—есть путь вымогательства съ угрозами.

«По этому пути далеко не уйдешь.

«Правда, г. Меншиковъ въ «Нов. Вр.» пугалъ своихъ читателей, увѣряя, будто «темныя силы» голоднаго пролетаріата могутъ въ одинъ прекрасный день «позавтракать Петербургомъ» и превратить всю Россію въ пустыню, но на самомъ дѣлѣ о возможности таковыхъ завтраковъ нигдѣ въ капиталистическихъ странахъ слышно не было, да и не будетъ.

«Коммунары въ 1871 году собирались позавтракать Парижемъ и Франціей и умѣли даже выбрать очень удобный для этого моментъ, но исторія знаетъ, что завтракъ окончился очень печально для собиравшихся завтракать.

«Мы полагаемъ, что революціонеры, толкающіе рабочихъ на путь разбойнаго пантажа, оказываютъ имъ плохую услугу. И безъ того русское общество боится трудящагося класса и относится къ нему съ тревогой и затаеннымъ недоброжелательствомъ (и—увѣя!—эти чувства оправдываются событіями), а если такъ пойдетъ и далѣе, то маленькій русскій рабочій классъ обратится въ глазахъ всѣхъ въ чудовище и тогда настанетъ трудное для русскаго рабочаго человѣка время.

«Вмѣсто того, чтобы кричать о правѣ на трудъ и чинить злодѣянія, надо взяться за умъ, прогнать отъ себя учителей-соціалистовъ и не разорять отечественной промышленности.

«Кричатъ о промышленномъ кризисѣ, а, между тѣмъ, этотъ кризисъ—въ значительной степени дѣло рукъ самихъ рабочихъ. Своими непомѣрными и бессмысленными требованіями, своими недѣльными забастовками, пьянствомъ, хулиганствомъ рабочіе содѣйствовали закрытію многихъ фабрикъ, заводовъ и промышленныхъ заведеній и тѣмъ самымъ уронили цѣну на трудъ.

«Опомнитесь, русскіе рабочіе, и поймите, что вы готовите себѣ печальную будущность своимъ образомъ дѣйствій!»

А, вѣдь, въ этихъ словахъ «Свѣта» правда. Быть можетъ, она и глаза колетъ, но что-же дѣлать, шила въ мѣшкѣ не утаишь...

Здѣсь кстати будетъ провести заключительную резолюцію нынѣ закрывшагося московскаго съѣзда представителей торговли и промышленности. Эта резолюція какъ разъ касается кровавыхъ происшествій, участвовавшихъ въ послѣднее время въ рабочей средѣ. Вотъ она: «Признавая, что одной изъ причинъ, облегчающихъ постоянныя террористическія покушенія послѣдняго времени, есть недостаточно яркое выраженіе общественнаго мнѣнія противъ нихъ, съѣздъ представителей промышленности и торговли считаетъ своей нравственной обязанностью выразить свое глубокое негодованіе противъ всякихъ убійствъ и насилій, съ какою-бы цѣлью они ни происходили. Рядъ покушеній противъ техническаго и административнаго персонала промышленныхъ предприятий заставляетъ съѣздъ обратиться ко всемъ, кому дороги интересы рабочаго населенія, съ предложеніемъ всячески объяснить ему, что дезорганизация происходитъ отъ этихъ покушеній, приводя предприятия къ необходимости ихъ закрытія и лишенія рабочихъ ихъ заработка. вмѣстѣ съ тѣмъ, находя, что промышленники не могутъ оставаться бездѣтельными при настоящихъ условіяхъ, съѣздъ призываетъ ихъ объединиться по отраслямъ промышленности для противоудѣйствія предъявленнымъ насиліямъ, для чего необходимо: страховать рабочихъ и ихъ семьи отъ послѣдствій террористическихъ покушеній и быть готовыми на неопредѣленное время закрывать все предприятия, въ которыхъ будутъ проявляться насилія».

Г.г. безработные! Опомнитесь, вѣдь, вы—въ большинствѣ русскіе, хотя и заднимъ умомъ крѣпкіе люди. Сбросьте наносную накипь, пора пройти увлеченіямъ! Ваши забастовки безсмысленны и обрушиваются на васъ-же самихъ. Лодзь и Баку доказали это. Не вѣрьте задуманному вашими не русскими учителями «рецепту благоденствія». Онъ ведетъ васъ въ пропасть. Помните, что переходъ къ машинному труду несложенъ, а близокъ мигъ, когда всюду появятся машины, которыя убьютъ ваши ремесла! Помните, маленькая рыбка лучше большого таракана. Насиліемъ, наглостью, убійствомъ ничего не возьмете, всегда и во всемъ можно договориться. Трудъ и капиталъ должны быть не врагами, они—родные братья, и тѣмъ изъ васъ, которые приняли на себя эту глупѣйшую кличку «безработный»—безработныхъ быть не можетъ!—лучше не отрывать отъ стараго міра и постараться исправить своимъ трудомъ то, что было въ немъ плохого. А вы ждете, когда вамъ принесутъ все готовое: и щи, и кашу, и молоко, и квартиру, такъ что только остается сдѣлать пріобрѣтеніе, что на вышивку...

Бросьте, очнитесь, пора! Вы не видите, вы были недавно еще честными тружениками и возвращеніе на прежній путь честнаго труда для васъ возможно; стоить только сбросить обуявшую васъ лѣнь, прогнать развивателей—и вы воскреснете, не сдѣлаете вы такъ—васъ ждетъ несомнѣнная гибель.

«Освободители».

Статья П. Короткевича.

О томъ, что Россія была глубоко несчастна въ своемъ прошломъ, кажется, и никакого спора быть не можетъ. И настоящее не особенно важно, мало того, почти скверно, но если подумать, что настоящее—это только переходное время къ чему-то другому, быть можетъ, лучшему, то кое-какъ еще можно съ нимъ мириться. Все-таки въ настоящемъ мерещится разсвѣтъ чего-то, какіе-то лучи проникли въ непроглядную русскую тьму и понемногу разсвѣиваютъ ее. Быть можетъ, поколѣніе, являющееся памъ на смѣну, будетъ уже жить подъ лучами благодатнаго, лучезарнаго солнца, а намъ, современному поколѣнію, волей-неволей приходится покориться съ тѣмъ, что не суждены намъ судьбою лучшіе дни...

Тяжело сознание этого, но что-же дѣлать? Въ одинъ моментъ всей накопившейся муки не перемолотъ и шпроговъ изъ нея не напечь. Нужно и отруби отсѣять, и тѣсто на хорошихъ дрожжахъ замѣсить, и печку растопить, и начинку приготовить. Безъ этого пирога не будетъ, и на все это необходимо время.

Такъ называемое „освободительное движеніе“ было какъ-бы попыткой подготовить Россію къ переходу къ новому строю жизни. Давно оно началось, но какою непроходимой пошлостью стало оно вскорѣ послѣ своего начала и какой мерзкой гадостью является оно въ настоящее время. Въ то самое время, какъ отцы сидѣли, прижавшись къ уголкамъ въ своихъ мурьяхъ, въ „движеніе“ шли ихъ дѣти — мальчишки и дѣвченки съ необсохшимъ на губахъ материнскимъ молокомъ. Могло-ли при такихъ обстоятельствахъ выйти изъ большого дѣла что-либо серьезное? Конечно, нѣтъ. Развѣ дѣти могутъ быть способны на что-либо, кромѣ необдуманностей? И дѣти гибли, а отцы не смѣли цыкнуть на нихъ; мало того, они даже какъ-будто любовались этими бравадами и втайнѣ поощряли всѣ ихъ глупости.

Право, все это было весьма похоже на какое-то безуміе. Въ мозгахъ современныхъ отцовъ и ихъ предшественниковъ въ предыдущемъ поколѣніи чего-то не хватило, и вотъ послѣдствіемъ всего этого явилась гибель дѣтей. Въмѣсто здороваго, работоспособнаго

поколѣнія появляется навозъ, только и годный, что для удобренія почвы.

Психіатры толкуютъ, что современное общество охвачено „пандеміей“ безумія, т. е., заразной болѣзью, принявшей огромные размѣры и захватившей все населеніе нашего несчастнаго отечества. Зараза будто-бы явилась на почвѣ алкоголизма, извращенія инстинктовъ, развратныхъ болѣзней и прочихъ тому подобныхъ прелестей, систематически разлагавшихъ, ослаблявшихъ и всячески мертвившихъ тысячи, миллионы и десятки миллионовъ организмовъ. Потеряно равновѣсіе, кое-гдѣ въ мозгахъ перестали дѣйствовать задерживающіе центры, и результаты всего этого налицо. Другими словами, психіатры ясно указываютъ на то, что русскій народъ вырождается, т. е., въ немъ происходятъ естественныя явленія, быстро ведущія его къ гибели.

Положимъ, эта катастрофа еще очень далека. Вѣдь, не весь-же народъ—алкоголикъ, не весь-же онъ сплошь страдаетъ послѣдствіями разврата, да, не весь; но несомнѣнно, что русская народная масса въ концѣ концовъ должна сильно порѣдѣть. Не дай Богъ, если на такой почвѣ да въ такое еще время вспыхнетъ какая-нибудь эпидемія: холера, чума! катастрофа разразится быстро, неожиданно и безъ надеждъ на благополучный исходъ: вырождающіеся организмы наиболѣе воспримчивы къ заразнымъ заболѣваніямъ и наименѣе упорны въ борьбѣ съ ними.

Та легкость и скорость, съ которыми современная Россія была охвачена пандеміей безумія, въ достаточной мѣрѣ подтверждаютъ это. Массы обратились въ панургово стадо и идутъ за немногими вожаками, куда-бы тѣ ихъ ни влекли. Не доброй памяти зубатовщина, гапоновщина являются показателемъ этого. Эти господа влекли массы въ опредѣленную сторону и массы слѣдовали за ними; пропали вожаки — и массы поплы за другими въ противоположную сторону, не думая ни о чемъ, даже не соображая, куда и зачѣмъ онѣ идутъ. И вотъ на такой-то почвѣ проклятаго психическаго заболѣванія и выросли такіе мизерные фрукты, какъ современные „освободители“.

Ежедневно газеты приносятъ вѣсти о крупныхъ и мелкихъ разбояхъ, которые теперь принято называть не русскимъ словомъ „экспропріація“. Грабятъ желѣзнодорожныя поѣзда, станціи, банки, церкви, конторы, врываются даже въ частныя дома, не брезгаютъ копейками, убиваютъ изъ браунинговъ, бомбами, кинжалами. Появились разбойничашіе студенты, гимназисты. Но неужели здѣсь, во всѣхъ этихъ разбояхъ, при чемъ-либо политика?

Очень недавно было произведено разбойничье нападеніе на подпетербургскую станцію „Обухово“. Отъ Обухова до Петербурга всего только девять верстъ. Почти до этой самой станціи идутъ

запасные пути Николаевской желѣзной дороги, отсюда отдѣляется на самостоятельный путь Сѣверная дорога. Не считая товарныхъ, однихъ только пассажирскихъ поѣздовъ мимо этой станціи проходить въ сутки не менѣе шестидесяти шести, биткомъ набитыхъ пассажирами. Около самой станціи огромное городское и военное кладбища, обширное желѣзнодорожное поселеніе, отъ станціи ближайшая дорога на Неву—въ села Александровское, Рыбацкое, Михаила Архангела, Смоленское. Народа здѣсь всегда ступа непротолченная. И вотъ явился люди, застрѣлили жандарма и сторожа, обобрали дневную выручку изъ станціонной кассы и были таковы. Положимъ, черезъ недѣлю „Освѣдомительное бюро“ съ горделивымъ торжествомъ сообщило, что нападавшіе переловлены и что они принадлежатъ къ партіи „анархистовъ - коммунистовъ“, но большой еще вопросъ, тѣли это, которые ограбили станцію? Затѣмъ весьма сомнительно, чтобы переловленные могли быть анархистами-коммунистами. Переловленные всѣ сплошь — крестьяне и лишь одинъ изъ нихъ мѣщанинъ. Но, чтобы быть анархистомъ de facto и de jure, нужно знать, что такое анархія, чего добиваются желающіе ея люди. Для этого нужно если не серьезное образованіе, то хотя извѣстная начитанность. А такихъ, какъ хотите, и подозрѣвать нельзя у русскихъ крестьянъ и мѣщанъ.

При чемъ тутъ анархизмъ и коммунизмъ? Просто наглый разбой и только. Пришли, удалось ограбить, ушли, пропили награбленное— вотъ и вся тутъ политика. А гг. Сыромятниковы и К. сейчасъ: „анархисты-коммунисты“.

Кому-же не лестно быть не подлымъ разбойникомъ, а политическимъ дѣятелемъ, борцомъ „за право и правду“. Можетъ быть, въ данномъ случаѣ у страха глаза велики, можетъ быть, властямъ предержавшимъ, оберегающимъ совѣстно было сознаться, что онѣ проморгали разбойничье нападеніе, вотъ и явилась на помощь смѣсь анархизма съ коммунизмомъ, вмѣсто самаго обыкновеннаго разбоя.

Теперь, поди, этихъ молодцовъ допрашиваютъ жандармскіе генералы, каждое словечко взвѣшиваютъ, „нити“ ищутъ, а тѣ-то ломаются да брыкаются, да важничаютъ.

Эхъ, комики, право! Чего добраго, пожалуй, теперь скоро появится новое званіе: „анархистъ - коммунистъ“, или на карточкахъ будутъ печатать: „дѣйствительный тайный экспроприаторъ“, а не то: „оберъ-максималистъ такого-то ранга“.

Другая экспроприація, уже петербургская, произошла при еще болѣе удивительной обстановкѣ. Въ отдѣленіе для заклада движимыхъ имуществъ пришли никому невѣдомые люди и стали слоняться по заламъ чуть не цѣлый день безъ всякаго дѣла. Никому даже въ голову не пришло спросить, чего ради они толкутся. По-

томъ, когда, по ихъ соображеніямъ, въ кассѣ набралось порядочно денегъ, закричали: „руки вверхъ!“ — и увели нѣсколько десятковъ людей въ отдѣльную комнату, гдѣ ихъ и заперли на ключъ, потомъ забрали деньги и разбѣжались. Впрочемъ, одинъ попался.

„Освѣдомительное бюро“ пока еще не разобралось, кто такіе эти молодцы: анархисты-коммунисты или максималисты, или террористы, или еще чертъ знаетъ что! Только если это почтенное учрежденіе и на этотъ разъ выступитъ съ своимъ опредѣленіемъ политической партіи, то, несомнѣнно, „сядетъ въ лужу“. „Политическіе дѣятели“, посѣтившіе ломбардъ, были настолько невѣжественны даже въ той области, которая должна была-бы быть имъ извѣстна, что съ пренебреженіемъ отшвырнули прочь пачку съ тремястами штукъ трехрублевокъ новаго образца... Бѣдненькіе даже и не знали о выпускѣ этихъ бумажекъ, другими словами, не касались даже газетъ „освободительнаго“ лагеря, въ которыхъ эти бумажки были описаны; какъ-бы они не предъявили искъ объ убыткахъ къ правительству, не освѣдомившему своевременно ихъ о выпускѣ новыхъ трехрублевокъ, которыя они приняли за цвѣтныя бумажки ломбардныхъ чековъ.

И такихъ „политическихъ актовъ“ масса, но что хотите, а политики здѣсь нѣтъ и въ поминѣ. Грабежъ, разбой—да, но не политика.

А то вотъ еще случай самыхъ послѣднихъ дней. Въ одно изъ петербургскихъ почтово-телеграфныхъ учрежденій явились четырнадцать молодцовъ, одинъ видъ которыхъ долженъ былъ-бы быть подозрителенъ, такъ какъ на почтово-телеграфныя конторы Петербурга уже бывали экспроприаторскія нападенія, и весьма удачныя для „освободителей“. При наличности предшествующихъ набѣговъ осторожность должна-бы быть обязательной, но не тутъ-то было! Атамановъ молодцовъ допустили разгуливать по заламъ отдѣленія, потомъ они закричали обычную фразу: „руки вверхъ“, и начали грабежъ. Въ почтово-телеграфной конторѣ на этотъ разъ были двое энергичныхъ и даже вооруженныхъ чиновниковъ, но у одного изъ нихъ револьверъ оказался... запертымъ въ его письменномъ столѣ. Другой началъ стрѣлять, „освободители“ на выстрѣлъ отвѣчали выстрѣлами, началась перестрѣлка. И никто, никто не услышалъ трескотни выстрѣловъ... Городового на посту не оказалось, а когда явилась помощь, „освободители“ благополучно удалились „въ предѣлы недосягаемости“ и, конечно, со всѣми деньгами—даже мелочью и мѣдью! Одинъ изъ энергичныхъ чиновниковъ оказался смертельно раненымъ и вскорѣ скончался.

Но и это еще не все... Въ Петербургѣ, въ столицѣ громадной имперіи, кишашей всевозможными усиленными и неусиленными ох-

ранами, всякой полиціей, безшабашные грабежи совершаются среди бѣла дня прямо на улицахъ, въ присутствіи десятковъ и сотенъ людей.

Въ одно изъ послѣднихъ воскресеній были сразу три „экспропріаціи“. При одной изъ нихъ экспропріаторы сдѣлали даже нападеніе на такъ называемую „биржу безработныхъ“—не большое учрежденіе, гдѣ раздають деньги временно оставшимся безъ работъ людямъ... Скажите, на милость, гдѣ-же здѣсь политика, при чемъ тутъ политика? Грабятъ голодныхъ, даже умирающихъ съ голоду и это политика? Да, нѣтъ, это просто—грабежъ, политика тутъ и не ночевала..

Очень-очень недавно на дачу княгини М., въ полуверстѣ отъ одной бойкой дачной станціи Николаевской желѣзной дороги, было сдѣлано экспропріаторское нападеніе. Дача находится на виду у желѣзнодорожного поселка, бокъ о бокъ съ густо населенной деревней, въ четверти версты отъ другой. „Молодцы“ явились въ началѣ девятого часа вечера и приступили къ своей работѣ съ неподражаемою наглостью: они начали ломать съ улицы двери главнаго крыльца дачи, ихъ увѣренность въ успѣхъ была такъ велика, что они даже предварительныхъ развѣдокъ не произвели и болѣе удобнаго для „подвига“ времени не выбрали. За дачей какъ разъ стояла изба, гдѣ въ это время пили чай послѣ ужина вернушіеся съ полевыхъ работъ рабочіе. Подана была тревога. Мужики не стали разбирать, кто предъ ними—анархисты-коммунисты, оберъ-максималисты или дѣйствительные тайные экспропріаторы—отпоръ былъ данъ и отпоръ весьма энергичный. И браунинги не помогли, и свистки не воздѣйствовали!.. Нѣкоторые изъ нападавшихъ были страшно избиты.

Какъ теперь оказывается, подпетербургскій случай на дачѣ княгини М. не единичный.

27-го мая въ дачной мѣстности у ст. Тарасовка, Моск.-Яросл. ж. д., въ колониальный магазинъ Лихонина, гдѣ, кромѣ него находились сынъ, приказчики и нѣсколько покупателей, вошли три вооруженныхъ молодыхъ человѣка, которые, выхвативъ револьверы, скомадовали обычное: „руки вверхъ“. Одинъ изъ покупателей, желѣзнодорожный мастеръ Володинъ, энергично вскрикнулъ: „Господа, неужели-же мы подчинимся безпрекословно тремъ мальчишкамъ?“ Вслѣдъ за этимъ одинъ изъ экспропріаторовъ выстрѣлялъ въ Володина и тяжело ранилъ его въ животъ. На стрѣлявшаго бросился сынъ Лихонина и ударомъ гири по головѣ сбиль его съ ногъ и сталъ избивать; лежавшій продолжалъ стрѣлять и двумя пулями ранилъ Лихонина въ животъ и ухо.

Стрѣльба, шумъ, крики обратили вниманіе на магазинъ Лихонина и вскорѣ возлѣ него образовалась огромная толпа дачниковъ

и крестьянъ. Экспроприаторы бросились бѣжать, отстрѣливаясь отъ преслѣдовавшихъ, и одному удалось достигнуть лѣса, гдѣ онъ и скрылся. Но второй, уже сильно избитый въ магазинѣ, былъ настигнутъ.

Ожесточившаяся толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ стала избивать злодѣя; его тѣло вскорѣ представляло одну сплошную кровавую массу; убитый былъ буквально растерзанъ на клочки.

Тѣмъ временемъ былъ задержанъ третій экспроприаторъ. Освирѣпѣвшая толпа и къ нему намѣревалась немедленно примѣнить судъ Линча. Нѣсколько человѣкъ, попытавшихся уговорить толпу прекратить самосудъ, едва избѣгли сами избіенія; къ счастью, нашлись свидѣтели, что задержанный стоялъ на стражѣ у дверей и не стрѣлялъ. Тогда толпа рѣшила передать его въ руки властей и онъ былъ отправленъ въ становую квартиру, гдѣ назвался крестьяниномъ Богородскаго уѣзда, Черновымъ, 19 лѣтъ; онъ рассказалъ, что веѣ трое они были безработными, сошлись совершенно случайно и сговорились пойти на грабежъ. Растерзаннаго толпой онъ зналъ только подъ именемъ „Васьки“; скрывшагося въ лѣсу онъ вовсе не зналъ.

Конечно, страшны подобныя расправы. Но, въ сущности, что-же дѣлать населенію, подвергающемуся подобнымъ наглымъ нападеніямъ? Помощь полиціи по большей части появляется рѣдко. Да и нельзя рассчитывать на нее, особенно внѣ городовъ, такъ какъ составъ полиціи малъ, а дѣла у нея, и помимо наблюденія и огражденія отъ экспроприацій, достаточно.

Такъ что-же дѣлать? Искать помощи въ законѣ?

Увы! часто законы являются скорпіонами для мирныхъ обывателей и ничуть не страшны для ихъ антиподовъ. Человѣку, политически безупречному, мирному, для защиты себя отъ разбойниковъ оружіе дадутъ съ великимъ трудомъ, да еще при затратахъ извѣстной суммы. А то деньги взять возьмутъ, а разрѣшенія не дадутъ. А то можетъ быть и такой случай—дадутъ разрѣшеніе на „пріобрѣтеніе“, но не на „держаніе“, или на пріобрѣтеніе и держаніе, но не „ношеніе при себѣ“. Всякій не умѣющий разобраться въ этихъ тонкостяхъ является повиннымъ противъ такой-то и такой-то статьи такого-то циркуляра и спуска ужъ ему не дадутъ ни за что. А у „освободителей“ всегда въ нужномъ имъ количествѣ и браунинги, и парабеллы, и маузеры, хотя, конечно, разрѣшенія у нихъ на это нѣтъ.

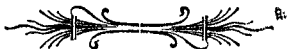
Что можетъ сдѣлать безоружный противъ вооруженнаго? Вѣдь, не у всѣхъ такіе кулачищи, какъ у рабочихъ княгини М. Петербуржцы—народъ изнервничавшійся, издерганный; понятно вполне, что на грозный для нихъ окликъ: „руки вверхъ“; имъ не под силу даже пролепетать, по столыпинскому рецепту, „не запугаете“.

Припомните, какъ стояли съ вытянутыми вверхъ руками ректоръ с.-петербургскаго университета, а съ нимъ около ста человекъ народа, когда „освободители“ „освобождали“ университетскую кассу отъ студенческихъ денегъ, внесенныхъ за слушаніе лекцій... Картина была умилительная. И неужели во всемъ этомъ политика?

О, Господи, да не нужно-же ставить самыхъ заурядныхъ разбойниковъ Чуркиныхъ на пьедесталь. Для нихъ одно можетъ быть возвышеніе: два столба съ перекладиной, а ихъ даже такіе органы, какъ „Освѣдомительное бюро“, возносятъ превыше альпійскихъ вершинъ: анархисты-коммунисты! Это современные „освободители“-то?

Пора бросить всю эту глупую игру, пора научиться отличать политику отъ разбоя, и вмѣстѣ съ тѣмъ пора научиться давать отпоръ „освободителямъ“, памятуя, что всѣ они—такіе-же трусы, какъ и „освобожденные“. Но ужаснѣе всего то, что въ наше время въ подобномъ „освободительномъ движеніи“ замѣшались наши дѣти: юноши, мальчики, дѣвочки. Ради нихъ нужно дѣйствовать такъ, чтобы вся эта кровоточащая накинъ пропала, иначе великая бѣда ждетъ Россію.

Повидимому, есть кое-какіе признаки того, что сознаніе трусости экспроприаторовъ и возможности сопротивляться имъ начинаетъ проявляться въ населеніи. Доказательствомъ являются выше-приведенный окрикъ Володина и дѣйствія хотя-бы петербуржцевъ, которые какъ-будто начали отрѣшиться отъ своей обычной „нервности“, что-ли, чтобы не сказать иначе—„гусей не раздражить“... 30-го мая „освободители“ сдѣлали набѣгъ на одно изъ отдѣленій петербургскаго частнаго ломбарда. Мѣсто было юркое, бойкое,—переходъ съ Петербургской на Выборгскую сторону—Финляндскій проспектъ. Грабителей явилось человекъ 10—15. Всѣ они были зеленая молодежь. Они начали свое „освободительное дѣльце“ надъ кассами и кладовыми ломбарда, убили одного изъ ея клиентовъ, но тревога была поднята; полиція, правда, на помощь не явилась, но публика сама организовала погоню за „освободителями“, и, хотя при этой погонѣ переранено и убито было около восьми человекъ, но зато въ числѣ ихъ перебито было нѣсколько „освободителей“, нѣсколько ихъ застрѣлилось, нѣсколько было поймано. Въ „освободительное движеніе“ ударились всѣ, но спаслись только немногіе. Такимъ образомъ, какъ видно, и петербуржцы научились давать отпоръ „освободителямъ“. Еще нѣсколько такихъ отпоровъ и вся эта трусливая мерзость исчезнетъ безъ слѣда, ибо во всемъ подобномъ „освободительномъ движеніи“, повторяемъ еще разъ, политика и не ночевала...

Два публициста.

Во Францію два гренадера
Изъ русскаго плѣна брели.
Гейне.

Разъ двое враговъ-журналистовъ
Въ Таврическомъ грозно сошлись.
Цародія.

Въ предыдущей книгѣ «Клада» мы искренне высказали свое мнѣніе относительно выходки Г. С. Петрова, отказавшагося принять протянутую для пожатія руку нововременскаго публициста М. О. Меньшикова. Теперь, въ интересахъ безпристрастія, мы приводимъ здѣсь объясненія, данныя тѣмъ и другимъ по поводу этого печальнаго инцидента, заставляющаго думать, что послушаніе въ Черемнецкомъ монастырѣ пошло не въ пользу г. Петрову и только развило въ немъ въ еще большей степени надутость.

Г. Меньшиковъ въ своемъ «Письмѣ къ ближнимъ» говорить:

«Атаманъ радикальныхъ батюшекъ, о. Григорій Петровъ, устроилъ мнѣ нѣкоторую несочувственную демонстрацію—публично, въ кулуарахъ думы. Демонстрація состояла въ томъ, что, окруженный евреями-журналистами, онъ шелъ и, встрѣтившись со мной, отшатнулся отъ меня, какъ отъ чумы. Я счелъ это въ порядкѣ вещей; собственно уже четыре мѣсяца назадъ, послѣ моей обличительной статьи по адресу Григорія Спиридоновича, мы перестали быть знакомыми. Мнѣ показалось, что никакого событія не произошло, но на другой день въ еврейской такъ называемой «собачьей прессѣ» я прочелъ описаніе великаго событія въ самыхъ восхитительныхъ вариацияхъ. Одинъ репортеръ-еврейчикъ готовъ побожиться, что видѣлъ, какъ я лѣзъ съ объятіями къ отцу Петрову. Другой за нѣсколько саженъ слышалъ, что я будто прошепталъ: «Позвольте привѣтствовать васъ», и т. п. Вообще недаровитый народъ, газетная еврейская шушера—великіе мастера извратить любой фактъ до легенды, причемъ имъ не приходится въ голову даже столкнуться между собой. Въ данномъ курьезномъ случаѣ я не думаю, чтобы милый Григорій Спиридоновичъ хотѣлъ мнѣ устроить скандалъ. Если вѣрить его письмамъ и надписямъ на книгахъ, онъ еще такъ недавно считалъ себя не только восторженнымъ моимъ поклонникомъ, но въ нѣкоторой степени даже ученикомъ, что касается нравственнаго его развитія. Онъ мнѣ тоже правился, какъ человѣкъ—никогда какъ священникъ и тѣмъ менѣе какъ писатель. Революція насъ разлучила. Мы сдѣлались то, что называется въ нашей смѣшной кружковщинѣ—«врагами». Не одинъ о. Григорій, а множество ударившихся въ революцію моихъ пріятелей, считая себя моими «врагами», «борются» со мной. «Бороться» на нашемъ партійномъ жаргонѣ значить устранять дѣтскія пакости, посылать

анонимныя ругательныя письма, писать клеветническія статьи. Что дѣлать? Мелко это, но такъ ужь, значить, Творецъ создалъ Свои «подобія». Въ данной маленькой демонстраціи отецъ Григорій былъ поставленъ въ безвыходное положеніе. Облѣпленный евреями и еврейками, которыя привѣтствовали «черемнецкаго узника», могъ-ли радикальный батюшка не отшатнуться отъ писателя нѣ въ «Новаго Бремени»? отъ писателя, который и еврейству, и союзному съ нимъ революціонному духовенству сказалъ столько неприятной правды?

«Не питая ни малѣйшей вражды къ отцу Петрову—я, не смотря на неумныя письма и демонстраціи, оставляю за собою писательское право судить о его общественной дѣятельности. Amicus Plato, sed magis amica veritas,—но именно этой-то марки—«veritas»—у насъ не выдерживаетъ никакая дружба.

«Какъ я уже объяснилъ въ предыдущихъ фельетонахъ, бунтъ духовенства у насъ—вовсе не пустяки. Онъ имѣетъ ничуть не меньшее значеніе, чѣмъ бунтъ въ арміи. Меня поражаетъ, до какой степени наша бюрократія ослѣпла, свѣтская и духовная одинаково. Намъ, простымъ смертнымъ, глядя со стороны, превосходно видно то, что ихъ преосвященства и превосходительства упорно не видятъ и не желаютъ видѣть. Вѣдь, пришлось-же митрополиту Антонію призывать радикальныхъ священниковъ и предложить имъ или отречься отъ своихъ убѣжденій, или снять санъ. Но я четыре мѣсяца назадъ, 14-го января, доказывалъ, что въ дѣлѣ священника Гр. Петрова нѣтъ иного выхода, какъ предложить ему снять рясу. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ не было и нѣтъ иного выхода, сколько ни вертите дѣло. И если-бы поступили тогда именно такъ, просто и честно, согласно праву и долгу архіерейскому, то теперь не пришлось-бы требовать снятія сана сразу съ цѣлой группы священниковъ. А если будете, владыки, тянуть да оттягивать, да по ка-детски лукавить, то глядишь, какъ-бы черезъ полгода не пришлось разстригать цѣлыя сотни поновъ. А черезъ годикъ, можетъ быть, радикальные батюшки и сами васъ разстригутъ да разошлютъ по заточеньямъ. Все бываетъ на свѣтѣ.

«Четыре мѣсяца назадъ, когда возникъ проектъ высылки Гр. Петрова въ Черемнецкій монастырь, я писалъ, что это будетъ просто шутовство, и доказывалъ, что оно повредитъ церкви. Буквально такъ и вышло, какъ я предсказывалъ. Я писалъ:

«Наказаніе не должно имѣть водевильный характеръ. Нельзя налагать взысканіе въ высшей степени пріятное для провинившагося (а что оно пріятно, объ этомъ заявляетъ самъ от. Григорій въ одной газетѣ). Нельзя налагать наказаніе въ видѣ рекламы, распространяющее то зло, противъ котораго борются. Сослать на 3 мѣсяца въ живописный Черемнецкій монастырь въ пяти часахъ отъ столицы моднаго священника, любимца дамъ, баловня высшаго круга, да, вѣдь, это значитъ облечь его въ новый ореолъ, устроить невинное мученичество за идею, самое комфортабельное изъ возможныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Черемнецкій монастырь наладится паломничество безчисленныхъ поклонницъ о. Петрова. Заинтересованныя престо, дамы съума сойдутъ отъ восхищенія, разъ «идолъ» ихъ попадетъ въ романическую обстановку. Озеро, монастырь,

уровые своды и онъ, блѣдный, истощенный монастырскимъ гнетомъ, стоитъ въ черной рясе на клиросѣ, униженный до званія дьячка»...

«Это я писалъ за мѣсяць до курьезной ссылки о. Петрова. Скажите, не оказался-ли я правъ? Я, конечно, не могъ предвидѣть мелочей, напр., овацій «опальному» священнику въ монастырѣ, торжественныхъ снимковъ его въ общей группѣ съ братьей, въ качествѣ почетнаго гостя, я не могъ предвидѣть бульона, ежедневно привозимаго «узнику» изъ Луги—вмѣсто обычныхъ монастырскихъ щей, не могъ предвидѣть сбивающихся на фарсъ интервью, раутовъ, букетовъ, встрѣчь. Дѣйствительность гениальнѣе всякаго воображенія. Но въ общемъ я угадалъ очень вѣрно, что выйдетъ изъ этой «ссылки». Почему-же не угадали столь простой вещи наши владыки? Они могли и обязаны были предупредить громадный соблазнъ. Какъ покойному Михайловскому чрезвычайно послужила гордость его жизни—административная высылка.. въ Любань, столь-же короткая,—такъ и корифею поповской фронды. Популярность о. Григорія—особенно среди черни—страшно выиграла. Благодаря точно нарочно воздвигнутому игрушечному «гоненію», о. Петрова тотчасъ-же подхватили кадеты и стремительно провели его одновременно съ г. Алексинскимъ въ г. думу. Теперь модный батюшка—«шинка», неприкосновенный депутат! Теперь онъ—внушитель и жокакъ провинціальныхъ отцовъ-товарщиковъ, Тихвинскихъ, Бриллиантовыхъ и пр. Теперь онъ—признанный вождь церковной оппозиціи, которая, по еврейской тактикѣ, тоже входитъ въ осаду власти. Я писалъ четыре мѣсяца назадъ:

«Хоть о. Григорію чрезвычайно невыгодно снимать санъ, чисто въ матеріальномъ отношеніи, но, поколебавшись и припертый къ стѣнѣ, онъ, можетъ быть, это сдѣлалъ-бы». «Разъ сослали въ монастырь, значить, удерживаютъ въ духовномъ сословіи, рассчитываютъ и впредь на священство о. Григорія, на монашество архимандрита Михаила. Но, вѣдь, это въ самомъ дѣлѣ похоже на фарсъ. Что оба батюшки упираются всѣми силами и добровольно не хотятъ снять рясы, это понятно; ряса для нихъ—коверь-самолетъ, ряса—именно то, что дѣлаетъ ихъ интересными, что составляетъ имъ рекламу. Снять съ нихъ рясу, все равно, что было снять въ свое время блузу съ Максима Горькаго».

«Какъ всѣми признано, даже радикальными друзьями о. Петрова, въ родѣ г. Амфитеатрова, собственно писательскаго дарованія у моднаго батюшки нѣтъ—при способности писать по тысячѣ строкъ въ день. «Онъ не изъ тѣхъ, кого всѣ читаютъ,—писалъ я въ цитируемой статьѣ:—его читаютъ, грубо выражаясь, лишь въ корѣ сытинскаго пирога, гдѣ главной начинкой служить Дорошевичъ». Это безспорно. Но къ чему-же, спрашивается, синоду давать столь незначительнымъ журналистамъ, въ родѣ о. Петрова, священный, апостольскій санъ—напрокатъ, для устройства базарной рекламы? Нѣтъ сомнѣнія, что если-бы молодой священникъ открылъ увеселительное заведеніе—туда повалила-бы толпа и сбѣжала-бы батюшку богачемъ. Радикальная журналистика—не увеселительное заведеніе, но въ тѣперешній бунтовской періодъ куда похуже».

Далѣ г. Меньшиковъ пишетъ:

«Какъ ни странно, но и самъ вожакъ движенія, среди духовенства о. Григорій Петровъ вышелъ изъ самой что ни на есть черносотенной среды. Сынъ крестьянина, по его словамъ, выросшій за кабацкой стойкой, о. Григорій, уже окончивъ академію, молодымъ священникомъ, былъ радушно принятъ Побѣдоносцевымъ, обласканъ его семьей и именно Побѣдоносцевымъ выведенъ въ люди (за что отблагодарилъ впоследствии своего покровителя злой сатирой на него). Еще такъ недавно статьи о. Григорія помѣшались въ «Гражданинѣ», еще такъ недавно онъ освящалъ Русское собраніе, развѣзжалъ по бюрократамъ и великокняжескимъ дворцамъ, внушалъ юнкерамъ вѣрность ихъ долгу и пр. Допустимъ, что предприимчивый молодой батюшка дѣлалъ завѣтную мысль—сдѣлаться протопресвитеромъ военного вѣдомства (мѣсто болѣе, чѣмъ генеральское). Допустимъ, что и тогда, въ режимъ Сипягина, его преданность старому режиму была сомнительной, но все-же онъ достаточно афишировалъ ее, все-же собирался благословлять самодержавіе до конца дней. Какимъ-же образомъ его вдругъ оторвало и понесло къ «освободительному движенію», въ объятія воспѣтаго имъ Максима Горькаго, до кадетскихъ объятій включительно, до анархистскихъ рѣчей на митингахъ? (Говоря объ «анархистскихъ рѣчахъ», я разумѣю его рѣчь противъ идеи государства, напечатанную въ органѣ Максима Ковалевскаго.) Мнѣ кажется, секретъ этого стремительнаго движенія изъ реакціи въ революцію у о. Григорія ясенъ: модный батюшка нажилъ на освобожденной журналистикѣ состояніе—къ немалому соблазну предприимчивыхъ іереевъ и архимандритовъ.

«Что дѣлать св. синоду съ духовенствомъ, которое такъ быстро охватывается смутой? Ждать, чтобы по деревнямъ пошли сотни Гапоновъ съ крестомъ въ рукахъ, или не ждать? Если не ждать, то нужно-же что-нибудь дѣлать. Прежде всего нужно предъ Богомъ спросить себя, что они такое сами, высокопоставленные владыки. Кадеты-ли они, или люди старыхъ національных убѣжденій. Если они—кадеты, то благородіе всего подать низшему духовенству примѣръ и оставить свои пастырскіе жезлы. Если не кадеты, какъ я увѣренъ относительно нѣкоторыхъ владыкъ,—то нужно исполнять свой долгъ. Нужно удалить изъ церкви соблазнъ и скандалъ. Нужно обнаружить ту благородную нетерпимость, которою отличались Учитель и Его апостолы. Торгующихъ подъ кровлей храма нужно выгнать изъ него. Нужно сказать твердо и просто: тѣ священники, у которыхъ не хватило мужества выразить порицаніе террору,—не священники и должны снятъ рясу. Тѣ священники, что записались въ революцію, что ходятъ по митингамъ, что печатаютъ—въ родѣ о. Колокольникова—чисто политическія воззванія, должны снятъ рясу. Ее должны снятъ и тѣ батюшки, что, усвоивъ кадетскую тактику, вдохновляютъ «товарищей» исподтишка, что притворяются послушными и невинными, а на дѣлѣ воюютъ съ церковью. Должны, наконецъ, снятъ рясу и тѣ постриженные бонвиваны, что ведутъ уже черезчуръ свѣтскій образъ дѣятельности, занимаются театромъ, литературой, журналистикой, путешествіями, увлекаются спортомъ, флиртомъ, политикой—чѣмъ угодно, только не «отсталой» вѣрой. Вѣдь, дѣло

дошло до того, что священники-журналисты начинают уже описывать въ фельетонахъ тайны дамъ, рассказанныя имъ на духу! Я знаю одинъ такой случай; онъ хорошо извѣстенъ о Петрову. Какъ хотите, синодъ, если онъ не примыкаетъ къ кадетской партіи, долженъ вступить въ высокіе интересы церкви, ему ввѣренныя. Пора сказать священникамъ-«товарищамъ»: «Если вы—«товарищи», то не «отцы», хотя вамъ вручена именно отеческая власть и пастырская. Помимо политики, есть вѣчные интересы общества; и если вы ихъ забыли, то будьте честными—уйдите. Чѣмъ поджакъ не платятъ? Надѣньте-же поджаки!»

На это г. Петровъ подъ заголовкомъ «Вынужденный отвѣтъ г. Меньшикову» пишетъ въ «Руси» слѣдующее:

«Я не думалъ, что М. Меньшиковъ станетъ писать о нашей неожиданной встрѣчѣ въ государственной думѣ. Еще менѣе предполагалъ я самъ братья за перо по этому поводу. Но М. Меньшиковъ подробно изложилъ своимъ ближнимъ бывшую въ думѣ исторію и густо приправилъ своими толкованіями. Последнее и вынуждаетъ меня отвѣчать на статью М. Меньшикова. Въ письмѣ М. Меньшикова налицо и ложь, и инсинуація, и доносъ (указаніе на статью мою въ «Страшѣ»).

«Ложь вотъ въ чемъ. М. Меньшиковъ пишетъ, что я не подалъ ему руки, будто-бы изъ-за того, что я былъ обвѣленъ евреями и еврейками въ моментъ моей встрѣчи съ г. Меньшиковымъ въ думѣ и, боясь мнѣнія окружающихъ въ ту пору, отстранился отъ протянутой меньшевиковской руки.

«Это—ложь, сознательная, придуманная ложь г. Меньшикова. Ложь не только въ психологическомъ объясненіи факта, но и въ изложеніи самаго факта.

«Конечно, М. Меньшикову, разъ ужъ случившееся стало достояніемъ общества, было-бы удобнѣе объяснить инцидентъ моимъ стѣсненіемъ подать ему руку изъ-за окружавшихъ меня «евреевъ и евреекъ», но, вѣдь, это—голая, сочиненная М. Меньшиковымъ неправда.

«Никакихъ «евреевъ и евреекъ», какъ равно ни финновъ, ни поляковъ, ни русскихъ, ни иной какой живой души вокругъ меня не было, когда я встрѣтился съ М. Меньшиковымъ. Я шелъ совершенно одинокій, выходилъ изъ корридора подлѣ зала засѣданій думы въ кулуары и здѣсь неожиданно наткнулся на совершенно онять одинокаго М. Меньшикова.

«Не будь встрѣча столь неожиданною, конецъ ея былъ-бы иной. Признаюсь,—сознательно и намѣренно я не могъ-бы отстранить и руку г. Меньшикова, какъ не могъ-бы ни его, ни кого другого намѣренно ударить по лицу. Предвидя я встрѣчу съ М. Меньшиковымъ или увидай его въ думѣ издали,—я уклонился-бы отъ встрѣчи и только: сдѣлалъ-бы видъ, что въ толпѣ его не замѣтилъ и М. Меньшиковъ, понявъ дѣло, самъ-бы, конечно, не полѣзъ съ протянутой рукой. Но... во встрѣча, повторяю, была непредвидѣнна и неожиданна.

«Столкнувшись впродолженіи, среди пустого пространства вокругъ, я въ первое мгновеніе не зналъ, какъ быть съ протянутой рукой—съ той рукой, которая сознательно столько времени и столько миллионъ дорого оплачиваемыхъ автору строкъ пишетъ такъ... такъ меньшековски противъ всего святого и

дорогого сейчасъ въ нашей народной жизни. У меня въ сознаниі мелькнулъ образъ Христа въ Геосиманскомъ саду.

«Христосъ принялъ поцѣлуй даже отъ Иуды, — подумалъ я, но тутъ-же почувствовалъ, что я не способенъ на высоту духа Христа въ Геосимани. Рука моя невольно описала дугу поперхъ руки М. Меньшикова и я съ тяжелымъ чувствомъ въ душѣ сказалъ ему:

« — Простите, не могу.

«При чемъ тутъ евреи и еврейки? Гдѣ они? Они выдуманы М. Меньшиковымъ, сознательно сочинены.

«Некрасиво для себя г. Меньшиковъ связываетъ и конецъ нашей встрѣчи съ его давнимъ письмомъ обо мнѣ. Это напрасное, нехорошее желаніе г. Меньшикова набросить въ данномъ случаѣ неосновательно тѣнь на меня. Упомянутаго письма г. Меньшикова я не читалъ. Я уже нѣсколько лѣтъ не читалъ г. Меньшикова — со времени его классической по доносу статьи о чудномъ человѣкѣ, священникѣ и мыслителѣ, протоіереѣ Устинскомъ. Съ того времени для меня М. Меньшиковъ умеръ. Озеро превратилось въ болото и я уже не приходилъ для думъ на берега его. М. Меньшиковъ справедливо пишетъ, что было время, когда я читалъ его, цѣнилъ и уважалъ, даже любилъ. Но то было, было давно, было, когда былой Меньшиковъ не былъ Меньшиковымъ настоящимъ.

«Дальше М. Меньшиковъ въ своемъ письмѣ жслаетъ, видимо, всячески досадить мнѣ. Но долженъ огорчить его: мнѣ не было ничуть досадно, когда принесшіе фельетонъ г. Меньшикова принудили меня прочесть статью. Г. Меньшиковъ со вкусомъ трактуетъ о бездарности, о безталанности ~~моей~~ о популярности моей среди одной лишь черни. Если г. Меньшикову въ его тяжелые часы душевной муки (думаю, они бывають у него) моя бездарность и безталанность могутъ служить успокоеніемъ, я не стану спорить съ талантливымъ М. Меньшиковымъ. Да будетъ ему въ этомъ утѣшеніе. М. Меньшиковъ, вѣроятно, помнитъ, что онъ когда-то откровенно завидовалъ успѣху моихъ произведеній и говорилъ мнѣ самому:

« — Вотъ, если-бы и мои (т. е., меньшиковскія) книги выходили по столько-же изданій, какъ ваши.

«Я, со своей стороны, при всей моей безталанности ни ранѣе, ни тѣмъ болѣе теперь не завидую талантамъ М. Меньшикова. Ради блага родины хотѣлъ-бы, чтобы эти таланты г. Меньшикова были иначе направлены, но, очевидно, желаніе это тщетно.

«Дальше новыя ложь и инсинуаціи М. Меньшикова. Онъ съ тонкимъ расчетомъ намекаетъ на мое сотрудничество въ «Гражданинѣ» и на то, что я служилъ молебень при открытіи Русскаго собранія. Г. Меньшиковъ знаетъ, что мое сотрудничество въ «Гражданинѣ» — ложь. Зачѣмъ онъ ложь пускаетъ въ свѣтъ? Въ «Гражданинѣ» я никогда не сотрудничалъ. «Гражданинъ» много лѣтъ тому назадъ безъ моего вѣдома и разрѣшенія перепечатывалъ фельетонами мою книгу: «Евангеліе, какъ основа жизни». Заглавіе было въ «Гражданинѣ» измѣнено и подпись стояла не «свящ. Г. Петровъ», а просто «Г. Петровъ». Говоря короче и нѣсколько грубовато — «Гражданинъ» своровалъ мою книгу '«Гражданина» я не читалъ и «заимствованія» не

зналъ. Указалъ мнѣ въ редакціи «Недѣли» самъ М. Меньшиковъ. Мы вмѣстѣ съ нимъ потомъ искали, въ сколькихъ номерахъ «Гражданина» уже шла моя книга. М. Меньшиковъ тогда возмущался «Гражданиномъ», а теперь.. теперь далеко «Гражданину» до г. Меньшикова!

«Лжетъ г. Меньшиковъ и дальше. Лжетъ длиннѣйшею тирадою о моей близости якобы прежде къ Побѣдоносцеву, о моемъ быломъ якобы идейномъ черносотенствѣ, о моей духовной близости якобы къ верхамъ бюрократіи и т. д., и т. д.

«Все—ложь, ложь и ложь. Съ К. Побѣдоносцевымъ я въ жизни говорилъ 2—3 раза. Въ школѣ его жены преподавалъ въ 1892—93 годахъ и вышелъ изъ состава преподавателей 14 лѣтъ тому назадъ, рѣзко расходясь съ идейнымъ направлениемъ школы Побѣдоносцевой.

«Первая моя лекція въ артиллерійскомъ училищѣ, явившаяся въ печати въ 1893 году, была встрѣчена К. Побѣдоносцевымъ такъ, что начальникъ академіи и училища, П. А. Демьянковъ, здравствующій и нынѣ, посоветовалъ пока (въ то время) лучше новыхъ лекцій дальше не печатать. Отношеніе К. Побѣдоносцева къ моимъ литературнымъ трудамъ и публичнымъ лекціямъ позже у всѣхъ на виду и памятно. Какъ можно тутъ намекать на Побѣдоносцева, на Сипягина и т. п.? Сипягина кстати я никогда не видалъ.

«Никакихъ черносотенныхъ идей нигдѣ, ни во дворцахъ, ни въ народныхъ залахъ я не проповѣдывалъ. Меня слышалъ весь Петербургъ, читали по всей Россіи и во многомъ винили, но никогда не въ перемѣнѣ убѣжденій. Въ 1903 году я оставилъ законоучительство въ лицѣѣ, въ пажескомъ корлусѣ и въ артиллерійскомъ училищѣ, оставилъ самъ, по невозможности вести дѣло дальше согласно моимъ убѣжденіямъ. О княжескихъ дворцахъ и аристократическихъ салонахъ г. Меньшикову также лучше было-бы помолчать. Я тамъ, дѣйствительно, бывалъ до октября 1905 года, пока вѣрилъ, что можно будетъ установить тамъ связь съ народомъ. Но, когда я убѣдился, что надежды нѣтъ, я ушелъ отсюда.

«Г. Меньшиковъ тогда-то вотъ туда и вошелъ. Я тамъ былъ и ушелъ къ народу, а г. Меньшиковъ за 30.000 или 40.000 рублей въ годъ продаетъ народную свободу и сейчасъ желанный гость въ тѣхъ салонахъ, гдѣ мое имя вспоминаютъ съ проклятіемъ. Я не завидую успѣху М. Меньшикова, но зачѣмъ онъ лжетъ, что я вышелъ изъ черносотенной якобы семьи, что я былъ якобы апостоломъ черносотенства и вдругъ изъ какихъ-то корыстныхъ якобы соображеній кинулся въ освободительное движеніе? По части корыстныхъ интересовъ г. Меньшиковъ прекрасно, конечно, знаетъ, гдѣ ихъ источникъ. Этотъ источникъ, конечно, не на сторонѣ тѣхъ, кто стоитъ за свободу и право народа. Я по рожденію былъ сынъ народа, на народныя деньги воспитался, народу съ первыхъ дней своей дѣятельности служилъ (народныя чтенія, сочиненія для народа, народная газета), народу служу и теперь и ради народа и его свободы спокойно и радостно приму не одинъ только провоцируемый М. Меньшиковымъ кары. Спокойно жду горьшаго. На этомъ пути, смѣло скажу, вамъ, г. Меньшиковъ, со мною не сражаться. И если изъ насъ двухъ за измѣну и продажу убѣж-

дений народ назоветь кого-нибудь гудой, то, увѣренно говорю, не меня. Свящ. Г. Петровъ.

«Р. С. Отъ дальнѣйшей полемики съ г. Меньшиковымъ я разъ навсегда отказываюсь. Въ думѣ я не могъ инстинктивно подать ему руку, теперь сознательно уличаю его многократно во лжи. Дальше можетъ быть только судъ (третейскій или иной), но не полемика. Съ публично-заклейменнымъ джедомъ не полемизируютъ. Свящ. Г. Петровъ».

Тутъ все хорошо, до послѣдняго постъ-скриптумавплоть... Прекрасно заявленіе г. Петрова, что онъ—«не Христось», прекрасно и всепрочее. Только не мѣшало-быг. Петрову посоветоваться со специалистами, а то кто знаетъ, куда заведетъ эта mania grandiosa.

М. О. Меньшиковъ, конечно, не остался въ долгу у своего заравшагося и зазнавшася собрата въ рясахъ. Въ интересахъ справедливости приводимъ здѣсь слѣдующій отвѣтъ нововременскаго публициста г. Петрову.

«Я возвращаюсь къ подстриженному батюшкѣ не только какъ къ новой, довольно крупной бациллѣ революціоннаго броженія въ думѣ, но и въ дѣляхъ самозащиты: у меня нѣтъ другого оружія, кромѣ пера. Священникъ Петровъ переноситъ учиненный имъ мнѣ скандалъ на страницы печати. То, что я счелъ непріятной встрѣчей когда-то бывшихъ знакомыхъ *),

*) Я думалъ, что мы въ ссорѣ съ о. Григоріемъ четыре мѣсяца, со времени моей статьи о немъ въ январѣ,—оказывается, я «умеръ» для него гораздо раньше: со времени моей «классической» по доносу статьи о чудномъ человѣкѣ, священникѣ и мыслителѣ, протоіерей Устьинскомъ». Классическій доносъ мой состоялъ въ томъ («Письма къ ближнимъ», мартъ 1903), что я въ полемикѣ съ нашими декадентами о язычествѣ и христіанствѣ позволилъ себѣ стать на сторону христіанства. Въ то время г. Розановъ, другъ Григорія Петрова, доказывалъ, что христіанство повинно въ проституціи, дѣтубійствѣ, безобразіи жизни и жестокости,—я позволилъ дерзость съ этимъ не согласиться. За г. Розанова вступился горячо его другъ, соборный протоіерей А. Ус—скій, который заявилъ, что «не понимать Розанова значитъ быть чуждымъ Духа Христова». Въмѣсто полемики съ батюшкой я процитировалъ подлинныя его статьи, напечатанныя у г. Розанова и въ «Гражданинѣ». Статьи эти защищали язычество и Нитцше, а также сожительство монаховъ съ женщинами, защищали разводъ «по румынскому способу», прямо по заявленію мужа и жены. Протоіерей А. Ус—скій требовалъ, чтобы священники «озаряли половой актъ свѣтомъ Христовымъ», настаивалъ, чтобы «они вводили этотъ актъ въ сферу религіознаго дѣйствія», чтобы они, какъ и міряне, совершали этотъ актъ при дневномъ свѣтѣ, «предъ всезрящими очами Господа», при чтеніи особой молитвы и пр. Мнѣ показалась эта чепуха протоіерея характернымъ признакомъ декаданса, охватывавшаго духовенство уже тогда тѣмъ сквернымъ эротизмомъ, который проповѣдывали мои противники, какъ «религію Діониса». Статья моя произвела впечатлѣніе. Декаденты возопили. Оказывается теперь, что и отецъ Григорій былъ тогда на сторонѣ язычества и половой религіи гг. Розанова—Ус—скаго. Но главная причина бѣшенства Григорія Петрова та, что четыре мѣсяца назадъ я назвалъ его въ печати посредственнымъ журналистомъ и настаивалъ на необходимости предложить ему снять рясу.

Примѣч. Меньшикова.

нечаянно столкнувшихся среди толпы,—священникъ Петровъ описываетъ именно какъ скандалъ, доказывая, что онъ, Петровъ, именно о скандалѣ думалъ и что я непременно долженъ счесть нашу встрѣчу за оскорбленіе себѣ. Прекрасно, такъ и запишемъ. Настаивая на этомъ толкованіи, священникъ, видимо, торжествуетъ, не получивъ пощечины, столь возможной въ подобныхъ случаяхъ. Торжество безспорное, но Григорій Петровъ могъ позволить себѣ быть храбрымъ: онъ зналъ, что онъ бронированъ званіемъ депутата, почтенными стѣнами парламента, рясою священника, а главное—невѣроятностью того, чтобы какой-нибудь уважающій себя человекъ вступилъ съ нимъ въ драку. Онъ зналъ, что не въѣже, въѣд, какъ онъ, выросли за кабацкой стойкой. Впрочемъ, если о. Григорій Петровъ усвоилъ себѣ привычку сочинять скандалы и настаивать на ихъ оскорбительности, то онъ дождется отъ людей въ уровень и «рукоприкладства».

«Если-бы свѣщ. Петровъ не былъ, съ позволенія сказать, законодателемъ, то на этомъ съ нимъ-бы можно было и покончить. Но при всей незначительности модный батюшка карабкается кверху, подбирается къ большой общественной роли. «Отъ кабацкой стойки до вождя народнаго»—вотъ заманчивая для о. Григорія мечта его жизни. Нѣкогда разстрига Григорій сѣлъ на тронъ,—почему разстригъ Григорію не сѣсть въ будущемъ на кресло какого-нибудь президента? Ниже будетъ доказано, что о. Петровъ отрицаетъ всякое, или по крайней мѣрѣ монархическое государство, но если ужъ очень его будутъ просить, если пошлютъ двадцать тысячъ курьеровъ, то, пожалуй, онъ будетъ не прочь управлять государствомъ. Да это еще что? О. Григорій мѣтитъ выше: съ восхитительнымъ по серьезности видомъ онъ приравняетъ себя къ Христу—ни болѣе, ни менѣе. Очутившись въ кулуарахъ думы, онъ видите-ли, почувствовалъ, что онъ—Христосъ въ Геесиманскомъ саду. Однако, если о. Григорій дѣйствительно убѣжденъ, что онъ, подобно Христу, проданъ евреямъ за тридцать сребренниковъ, то спрашивается, кто-же ихъ получилъ, эти сребренники? Ихъ получилъ, очевидно, самъ-же милѣйшій батюшка. Какъ сызмалѣтства коммерческой человѣкъ, онъ не нуждался въ комиссіонерахъ для подобной сдѣлки.

«Христосъ—великое имя, настолько великое, что заслуживаетъ—даже отъ радикальныхъ священниковъ—осторожнаго примѣненія къ себѣ. Сынъ Человѣческой не жилъ въ раззолоченной обстановкѣ, не записывался въ кадетскую революцію, не торговалъ своимъ «Евангеліемъ, какъ основой жизни», не строчилъ подъ разными псевдонимами фельетоновъ одновременно въ нѣсколькихъ провинціальныхъ газетахъ. Христосъ не катался на велосипедъ, не купался въ купальномъ костюмѣ, къ восхищенію влюбленныхъ дамъ, на прелестномъ Лидо въ Венеци. Древній Учитель не издавалъ революціонной газетки, не укрывалъ (если вѣрить «С.-Петербур. Вѣдомостямъ») бомбистовъ, не кокетничалъ трехмѣсячнымъ пикникомъ подъ видомъ заточенія. Словомъ сказать, лучше ужъ о. Григорію въ поискахъ сходства оставить въ покоѣ Христа. Удовольствовался-бы онъ сходствомъ... ну, съ Іудой, что-ли. Что касается Іуды, хотя тотъ тоже не катался на велосипедѣ и не ѣлъ бульона, привозимаго

изъ Луги,—въ политической роли о. Петрова не мало самаго безспорнаго съ нимъ сходства. Теперешнее революціонное выступленіе постриженнаго батюшки не отличается-ли предательствомъ самымъ сквернымъ въ отношеніи того лагеря, которому о. Григорій служилъ недавно?

«Къ бѣшенству свящ. Петрова, я заставилъ его печатно сознаться, что онъ до самаго послѣдняго времени состоялъ на службѣ реакціи. Сколько-бы онъ ни кричалъ «ложь», «ложь», но самому-же ему приходится подтвердить: «правда», «правда». Оказалось, какъ и писалъ я, что дѣйствительно «статьи о. Григорія помѣщались въ «Гражданинѣ»—въ тогдашнюю крутую эпоху Сипягина. Эти статьи перепечатывались кн. Мещерскимъ будто-бы безъ согласія автора. Проверить трудно, но перепечатываются лишь тѣ статьи, съ которыми редакция особенно солидарна; значить, солидарность князя Мещерскаго (той эпохи) съ тогдашними статьями о. Петрова доказана. Не отвергаетъ о. Петровъ и своего молебна въ Русскомъ собраніи, и своихъ сношеній съ Побѣдоносцевымъ, и своихъ связей съ великокняжескими дворцами и аристократическими салонами. Ошеломленный необходимостью признать все это, свящ. Петровъ дѣлаетъ маскирующій вывертъ, прямо изумительный.

«О княжескихъ дворцахъ и аристократическихъ салонахъ г. Меньшикову также лучше-бы помолчать. Я тамъ, дѣйствительно, бывалъ до октября 1905 г., пока вѣрилъ, что можно будетъ установить тамъ связь съ народомъ. Но, когда я убѣдился, что надежды нѣтъ, я ушелъ оттуда. Г. Меньшиковъ тогда-то вотъ туда и вошелъ. Я тамъ былъ и ушелъ къ народу, а г. Меньшиковъ за 30.000 или 40.000 рублей въ годъ продаетъ народную свободу и сейчасъ желанный гость въ тѣхъ салонахъ, гдѣ мое имя вспоминаютъ съ проклятіемъ».

«Вотъ забавная увертка, что называется «съ больной головы на здоровую». Если вѣрить о. Григорію, въ Петербургѣ есть какіе-то салоны, которымъ я продаю народную свободу ежегодно на 30—40 тысячъ рублей. Читатели, вѣроятно, въ первый разъ слышатъ о такомъ товарѣ и такомъ рынкѣ. Отецъ Петровъ утверждаетъ, что есть такіе глупые салоны и такая торговля. Въ увѣренномъ тонѣ объявленія: «Я былъ лысымъ—и излечился», онъ пишетъ: «я былъ тамъ (въ салонахъ) и ушелъ къ народу». Ну, а я долженъ откровенно сказать, что никогда въ подобныхъ салонахъ не былъ и существованію ихъ не вѣрю, какъ и о существованіи ихъ впервые слышу. Не только я не «вошелъ» въ тѣ салоны, гдѣ былъ Гр. Петровъ, не только не «желанный гость» въ нихъ, но просто-таки никакой ни гость, ни посѣтитель. Никакихъ знакомствъ, никакихъ сношеній съ великокняжескими дворцами и салонами у меня не было. Есть немало журналистовъ, что лѣзутъ со своими письмами и доглядными записками—и не только къ великимъ князьямъ, а и выше. Извѣстны въ публикѣ записки этого рода разныхъ господъ журналистовъ. Эти господа докучаютъ своими наставленіями, соображеніями, попытками втереться въ личное знакомство съ сильными міра. Я никогда не дѣлалъ ни одного подобнаго шага, безусловно ни одного. То-же скажу объ аристократическихъ салонахъ. Хотя, живя въ Петербургѣ, невозможно не встрѣчаться съ нѣсколькими князьями, графами и т. д., но я

никогда не дѣлать ни малѣйшей попытки войти въ ихъ кругъ, мнѣ чуждый, и буквально ни въ одномъ салонѣ аристократическомъ я не бываю. Средне-дворянскія семейства, конечно, не въ счетъ. Зачѣмъ-же, спрашивается, модному батюшкѣ понадобилась эта смѣшная ложь? Хотя онъ «ушелъ къ народу», но зачѣмъ-же ему добиваться, чтобы его сразу въ нѣсколькихъ десяткахъ аристократическихъ салоновъ назвали лжецомъ? Не ставлю мнѣ укоръ легкомысленному священнику именно эту ложь, — она неважна. Ни честью, ни безчестьемъ себѣ не считаю знакомство съ какими угодно людьми; разнообразное знакомство очень цѣню, но никогда на него не навязываюсь. Но обвиненіе о. Петрова въ томъ, что я будто кому-то продаю народную свободу за точно указанную имъ сумму, что я «продаю» свои «убѣждения» (какъ ниже поясняетъ о. Григорій), — это обвиненіе есть клевета, за которую придется почтеннаго болтуна посадить на скамью подсудимыхъ. Придется дать ему возможность обстоятельно доказать то, что онъ печатаетъ очевидно не въ здоровомъ умѣ и полной памяти. Продажность писателя позорна не менѣе, чѣмъ продажность чиновника, и въ лицѣ о. Григорія мнѣ хочется дать нѣкоторый отпоръ тѣмъ журнальнымъ-негодоямъ (преимущественно изъ еврейчиковъ), которые лгутъ на меня, какъ на мертваго.

«Но я откланялся отъ темы. Я обѣщаль раскрыть въ о. Григоріи нѣкоторыя черты, обличающія его сходство не съ Христомъ, а съ Искаріотомъ. Это не трудно, разъ удостовѣрена служба о. Григорія у такихъ архи-монархистовъ, какъ великіе князья, м-ше Побѣдоносцевой и т. п., разъ удостовѣрена недавняя солидарность съ о. Петровымъ «Гражданина» и Русскаго собранія, разъ удостовѣрена служба о. Петрова въ черносотенныхъ корпусахъ, лицѣяхъ и пр., а также удостовѣрены связи съ черносотенными салонами. Поглядите-же теперь, съ какими убѣждениями шелъ туда о. Петровъ. Вотъ, напримѣръ, откровенныя его мысли о государствѣ (см. «Телеграфъ», № 1, 20 января 1907 г.).

«Человѣкъ создалъ себѣ государство, какъ одно общее, обширное жилище... И вдругъ это созданіе человѣка стало его господиномъ. Жилище обратилось въ живое чудище. Охватило, какъ спрутъ, человѣка безчисленными ремнями своихъ щупальцевъ, впилося миллионами своихъ присосокъ и сѣсетъ человѣка, давить личность, мнетъ и крутитъ его по своей волѣ. Человѣкъ въ собственномъ своемъ домѣ, въ созданномъ имъ государствѣ бродитъ, какъ каторжникъ, съ тяжелыми ядрами на ногахъ. На рукахъ громоздкія цѣпи. На головѣ желѣзные тиски, обручъ для сдавленія мысли. Захочетъ человѣкъ тяжело вздохнуть — на груди каменная глыба. Явится потребность хотя бы стономъ облегчить положеніе, вылить горечь крикомъ отчаянья, — и тутъ государство одною рукою сдавливаетъ горло, другою кулакомъ затыкаетъ ротъ. Личность сдавливается, уродуется, обезцвѣчивается, теряетъ свою оригинальность, силу и красоту. У насъ да и повсемѣстно жалуются, что нѣтъ людей, что цѣльныя яркія и сильныя личности — рѣдкое явленіе. Немудрено. При такихъ тискахъ, въ которыхъ государство давить у насъ личность, надо удивляться не тому, что у насъ мало людей, а тому, какъ у насъ еще сохранились существа, ходя-

щія на двухъ ногахъ, какъ мы еще не обратились всѣ въ четвероногихъ».

«Вотъ какія страшныя вещи рассказываетъ подстриженный батюшка про государство, которое, вѣроятно, не противъ-же законовъ природы принято у всѣхъ племенъ, кромѣ самыхъ жалкихъ дикарей. Ни словечка-таки не нашлось у священника, чтобы поблагодарить государство за кое-какія услуги, въ числѣ которыхъ значится ни болѣе, ни менѣе, какъ самое существованіе народное. Ни словечка благодарности законамъ, вѣрѣ (внѣ государства невыслимой), суду, взаимозащитѣ и взаимопомощи. Ни словечка благодарности за цивилизацію, обусловленную опять-таки государственностью. Для государства у батюшки только и нашлись обычныя у анархистовъ сравненія: «чудище, спрутъ, каторга, цѣпи, тиски, обручъ для сдавливанія мысли (то-то она у о. Григорія такъ узка, при всей семинарской цвѣтистости), государство—«каменная глыба, кулакъ, тиски» и пр., и пр. Дошло до того, что почтенный отецъ-велосипедистъ серьезно удивляется, какъ это государство не заставило его бѣгать на четверенькахъ. Но послушайте дальше!

«Библейское сказаніе говоритъ, что отравленный дикимъ, безудержнымъ самовластіемъ деспотъ Навуходносоръ утратилъ человѣческій внутренній обликъ и вообразилъ себя быкомъ: ходилъ на четверенькахъ и ѣлъ траву. Подъ игомъ Навуходносоровъ не трудно и народамъ обратиться въ стада мелкаго и жалкаго скота»...

«Изъ исторіи всѣхъ царей о. Григорій только вспомнилъ о Навуходносорѣ. Онъ даже обобщилъ одного Навуходносора въ собирательный типъ: «Навуходносоры», точно ужъ въ самомъ дѣлѣ всѣ цари неизмѣнно ходили на четверенькахъ и ѣли траву. Неужели добросовѣстный человѣкъ въ исторіи государствъ не нашель-бы такъ-таки ни одного великаго царя, ни одного законодателя, ни одного благодѣтеля народнаго и героя? Въ той-же библии, кромѣ царей Давида и Соломона и многихъ другихъ, благочестивыхъ, воспѣтъ даже языческій царь, напр., Киръ. Наконецъ-же почему-нибудь въ исторіи каждаго народа остались святыя цари. Модный батюшка, перекинувшись въ крайній лѣвый лагерь, громить уже не только русское, а всякое государство и ставить вопросъ: законны-ли отношенія государства къ личности или преступны? Всѣ эти чудесныя мысли, надерганныя у отца политическаго нигилизма— у Макса Штирнера, предлагаются о. Петровымъ, какъ тема для предвыборныхъ митинговъ. Именно этой антигосударственной «платформой» батюшка плѣнилъ кадетскихъ вождей осады.

«Теперь позвольте задать вопросъ: если о. Петровъ кичится неизмѣнностью убѣжденій, то не съ этими-ли анархистскими убѣжденіями онъ шелъ еще такъ недавно во дворцы и салоны? Въ анархизмъ (мирномъ) и социализмъ обвиняютъ о. Григорія духовные цензоры, имѣвшіе неприятность, по долгу службы, перечитать всѣ его скучныя творенія. Но если о. Григорій Петровъ въ самомъ дѣлѣ столь рѣшительно отвергаетъ государство, если онъ ненавидитъ его, какъ чудище, спрутъ, кулакъ, тиски и пр., то зачѣмъ, спрашивается, онъ лѣзъ еще такъ недавно къ самымъ центрамъ власти? Зачѣмъ ему было въ домъ «Навуходносора» давать уроки по 25 р. за часъ?

Одно изъ двухъ: или у о. Григорія не было прежде столь страшныхъ мыслей, а ихъ замѣняла мечта всякаго карьериста въ рясахъ—быть протопресвитеромъ военнаго духовенства, или онъ входилъ къ людямъ власти именно какъ Іуда, съ лобзаніями Іуды, скрывая тщательно свой анархизмъ. Скрывать антигосударственные убѣжденія приходилось долгіе годы, провозглашая «благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго», ведя себя въ салонахъ и дворцахъ такъ, чтобы казаться вѣрнымъ и преданнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы о. Петровъ въ свое время объяснился начистоту относительно своего пониманія государства, невѣроятно, чтобы ему предоставили наставлять маленькихъ великихъ князей, кадетовъ пажескаго корпуса, лицеевцевъ, артиллеристовъ, политехниковъ. Невѣроятно, чтобы онъ оказался желаннымъ гостемъ въ тѣхъ салонахъ, которые, по его словамъ, ежегодно покупаютъ на 30—40 тысячъ народной свободы. Очевидно, что батюшка-революціонеръ проникалъ въ высокія черносотенныя сферы совершенно на манеръ своего коллеги, о. Гапона, т. е., волкомъ въ овечьей шкурѣ. Гапонъ, вѣдь, тоже хотѣлъ «установить на верхахъ связь съ народомъ». вмѣстѣ съ Гапономъ о. Григорій держался верховъ, пока верхи были сколько-нибудь сильными и тираничными. Какъ только правительство ослабло, какъ только оно пошло на либеральныя уступки, тотчасъ оба священника благородно покинули правительство и перешли... на болѣе, какъ имъ показалось, сильную сторону. Но, вѣдь, и Іуда продалъ Христа лишь тогда, когда пересталъ вѣрить въ Его силу. Спрашивается, предатель одной власти не предастъ-ли при случаѣ и другой? И такое-ли крупное пріобрѣтеніе для кадетовъ отецъ Григорій, какъ они думаютъ?»

Помѣстивъ въ интересахъ истины и «вынужденный» отвѣтъ г. Петрова и «отвѣтъ на отвѣтъ» г. Меньшикова, мы, уже въ интересахъ нашихъ читателей, болѣе не будемъ возвращаться къ ссорѣ этихъ двухъ журналистовъ. Подобныя ссоры мастерски описывалъ Гоголь, а ссора г. Меньшикова и г. Петрова весьма похожа на ссору Івана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ.

Изнанка.

Черная кошка промчалась
Между друзей закадычныхъ—
Все измѣнилось, не видно
Пылкихъ лобзаній обычныхъ.
Яростнымъ гнѣвомъ пылая,
Оба сердиты, суровы,
Мертвою хваткой другъ въ друга
Оба вцѣпиться готовы.
Что же? Пускай! На здорovesь!
Споры полезны лихія—
Пусть полюбуются всюду,
Кто они оба такіе!

Ив. Юрченко.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТР.
Высочайшій манифестъ	3
Не сберегли. (Иллюстрація момента.)	6
Официальное сообщеніе о пятидесяти пяти соціалъ-демократахъ, членахъ государствен- ной думы.	10
Свершилось. Статья <i>В. А. Пинчука</i>	13
Потухшій маякъ. Стихотвореніе <i>А. Лавскаго</i>	18
Въ государственной думѣ.	19
Предъ концомъ думы. Статья <i>В. Андреева</i>	36
Агонія второй думы	40
Новый избирательный законъ.	50
Аграрный психозъ. Статья <i>Н. В. Алексеева</i>	54
Безработные.	63
«Освободители». Статья <i>П. Короткевича</i>	76
Два публициста.	83
Изнанка. Стихотвореніе <i>И. Юрченко</i>	95
Оглавленіе	96

Поправка. Въ № 11 журнала «Кладъ» въ статьѣ *Н. В. Сосницкаго* «Рыцарство смутныхъ дней» вкралась досадная типографская оплошность. При сверсткѣ страницъ произошла путаница, которую исправляемъ. Вслѣдъ за стр. 91 слѣдуетъ читать 93-ю страницу, а уже затѣмъ перейти къ чтенію стр. 92 и послѣдующихъ.